

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ТРИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМЫ:
КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ
И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

2019/ № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 09.00.01 – Онтология и теория познания (философские науки); 09.00.03 – История философии (философские науки); 09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки); 09.00.11 – Социальная философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 09.00.01 – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 09.00.03 – The history of philosophy (philosophical sciences); 09.00.08 – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2072-8530 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Серия: Философские науки

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия серии

Главный редактор серии:

Бондарева Я.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В.П. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Дёмина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Ильин В.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Кондаков А.М. — д. п. н., проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС)

Костадинович Даниэла — доктор наук, доц., Университет Ниша (Сербия)

Кравченко В.В. — д. ф. н., проф., Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)

Купц Томаш — доктор философии, проф., Университет Николая Коперника (Польша)

Курабцев В.Л. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Лебедев С.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Митио Микосиба — доктор наук, почётный профессор, Университет Чiba (Япония)

Михалкин Н.В. — д. ф. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный областной университет

Сафонов А.Л. — д. ф. н., доц., Московский государственный областной университет

Синенко В.Я. — д. п. н., проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Янич Марина — доктор наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных ученых по вопросам истории философии, онтологии и теории познания, социальной философии и методологии науки.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73345.

Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2019. — № 2. — 164 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University». Series: Philosophy
Moscow Region State University

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

Deputy editor-in-chief:

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Doctor of Philosophy, Mytitski Branch of Bauman Moscow State Technical University

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.V. Ilyin – Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University

A. M. Kondakov – Doctor of Education, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems

Danijela Kostadinović – PhD, Associate Professor, the University of Niš (Serbia)

V. V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Tomas Kupsch – Doctor of Philosophy, Professor, Nicolaus Copernicus University (Poland)

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

S. A. Lebedev – Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University

Michio Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan)

N.V. Mikhalkin – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Psychology and Education

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Region State University

A. L. Safonov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow Region State University

V. Ya. Sinenko – Doctor of Education, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute

Marina Janjić – Doctor of Philosophy, Professor, the University of Niš (Serbia)

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about the history of philosophy, ontology and the theory of perception, social philosophy and the methodology of science.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, PhD students and anyone interested in philosophy.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73345.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 407248

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2019. – № 2. – 164 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Лебедев С. А.</i> ТРИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМЫ: КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ.....	8
<i>Яблонских А. А.</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ НА УРОВНЯХ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО БЫТИЯ	22

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Бурухин С. С.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА	29
<i>Левицкая А. А., Майкова В. П.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ	37
<i>Майкова Н. О., Майков А. И.</i> ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	47
<i>Молчан Э. М.</i> ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	55
<i>Перминов В. Л.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ В УПРАВЛЕНИИ СЛОЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ	67

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Бондаренко В. В.</i> ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ АБСОЛЮТА В ТРАДИЦИИ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА.....	76
<i>Виноградов А. И., Филиппов Д. Д.</i> КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФСКО- ПРАВОВОМ УЧЕНИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО	93
<i>Ишутин А. А.</i> ЦЕЛОСТНОСТЬ И ЛОГОС В ФИЛОСОФИИ В. Ф ЭРНА	101
<i>Моисейкина Т. А.</i> ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВОБОДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.	110

Соколовская И. Э. УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ, МОРАЛИ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА У БОЭЦИИ.....	119
Устинов О. А. ФИЛОСОФСКО-НАУЧНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ.....	126

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Журенков Д. А. АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП: О НЕКОТОРЫХ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ.....	134
Марина С. Янич ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: ФИЛОСОФСКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА СЕРБИИ).....	145
Шалагина Г. Э., Шалагин С. В. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	154

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

S. Lebedev. THREE EPISTEMOLOGICAL PARADIGMS: CLASSICAL, NON-CLASSICAL, POST-NON-CLASSICAL.....	8
A. Yablonskikh. UPDATING SPIRITUAL TRADITION AT THE LEVELS OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE BEING	22

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

S. Burukhin. SOCIAL EFFICIENCY IN THE PERSPECTIVES OF INTERDISCIPLINARY ANALYSIS.....	29
A. Levitskaya, V. Maykova. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF INNOVATIVE ACTIVITIES	37
N. Maikova, A. Maikov. INDIVIDUAL'S SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF SAFETY	47
E. Molchan. THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE SUBJECTS OF INTERACTION IN GLOBAL AGE	55
V. Perminov. AXIOLOGICAL DETERMINANTS OF DEVELOPMENT IN MANAGING COMPLEX SOCIAL ORGANIZATIONS	67

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

V. Bondarenko. HUMAN PERSONALITY AS A METAPHYSICAL PROJECTION OF THE ABSOLUTE IN THE TRADITION OF SPIRITUAL ACADEMIC THEISM.....	76
A. Vinogradov, D. Philippov. CRITICAL ANALYSIS OF CLASSICAL CONCEPTS OF LEGAL UNDERSTANDING IN E. N. TRUBETSKOY'S PHILOSOPHICAL AND LEGAL DOCTRINE.....	93
A. Ishutin. WHOLENESS AND LOGOS IN THE PHILOSOPHY OF V. F. ERN....	101
T. Moiseykina. ONTOLOGICAL ASPECT OF FREEDOM IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE EARLY 20TH CENTURY	110
I. Sokolovskaya. BOETHIUS ON MAN, MORALITY AND APPLIED ETHICS ...	119
O. Ustinov. PHILOSOPHICAL, SCIENTIFIC AND ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS	126

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

D. Zhurenkov. ANTHROPIC PRINCIPLE: SOME ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF CHINA	134
M. Yanich. LINGUISTIC ECOLOGY: PHILOSOPHICAL AND SEMIOTIC ASPECT (BASED ON PUBLIC DISCOURSE IN SERBIA).....	145
G. Shalagina, S. Shalagin. INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A SUBJECT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES	154

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21

ТРИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМЫ: КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ

Лебедев С. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4, Российская Федерация

Аннотация. Цель работы – осуществить рациональную реконструкцию эпистемологических оснований классической, неклассической и постнеклассической науки. Основное содержание исследования составляет анализ процесса глобальной эволюции науки, в рамках которого имела место смена четырёх её культурно-исторических типов: древняя восточная наука, античная наука, средневековая европейская наука, современная наука. Становление последнего культурно-исторического типа произошло в Европе в эпоху Возрождения и Нового времени. Его основу составили экспериментальное исследование познаваемых объектов на эмпирическом уровне и математическое описание их законов на теоретическом уровне. Однако этот культурно-исторический тип науки также прошёл в своем развитии ряд этапов: классическая наука (наука XVII–XIX вв.), неклассическая наука (XX в.), постнеклассическая наука (конец XX в. – настоящее время). В результате исследования, осуществленного на основе системного подхода, установлено, что гносеологическое различие между вышеозначенными этапами можно сформулировать так: индуктивизм (классическая наука), неиндуктивизм (неклассическая наука) и конструктивизм (постнеклассическая наука), что позволяет сделать вывод о качественном, парадигмальном различии классической, неклассической и постнеклассической эпистемологии. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что автору удалось обновить проблематику, связанную с выявлением качественных отличий этапов становления научного знания, которые обнаруживаются не только в онтологии (преимущественному типу объектов исследования: макрообъекты – классическая наука, микрообъекты – неклассическая наука и природно-социальные системы – постнеклассическая наука), но и в гносеологических и методологических основаниях. Статья адресована специалистам в области онтологии и теории познания, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: культурно-исторический тип науки, классическая эпистемология науки, неклассическая эпистемология науки, постнеклассическая эпистемология науки.

THREE EPISTEMOLOGICAL PARADIGMS: CLASSICAL, NON-CLASSICAL, POST-NON-CLASSICAL

S. Lebedev

Lomonosov Moscow State University

27-4, Lomonosovskiy ave. Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. During the global evolution of science there was a change of four of its cultural and historical types: ancient Oriental science, ancient science, medieval European science, modern science. The formation of the last cultural and historical type occurred in Europe in the Renaissance and Modern times. It is based on an experimental study of cognizable objects at the empirical level and a mathematical description of their laws at the theoretical level. However, this cultural and historical type of science has also passed in its development a number of stages: classical science (17th – 19th centuries), non-classical science (early 20th century – late 20th century), post-non-classical science (late 20th century – present time.) These stages differ qualitatively not only in their ontology (the predominant type of research objects): macro objects – classical science, micro objects – non-classical science and natural and social systems – post-non-classical science), but also in their epistemological and methodological foundations. The epistemological difference between them can be formulated as: inductivism (classical science), neo-inductivism (non-classical science) and constructivism (post-non-classical science). The article provides a rational reconstruction of the epistemological foundations of classical, non-classical and post-non-classical science and concludes on the qualitative, paradigmatic difference between classical, non-classical and post-non-classical epistemology. The article is aimed at the experts in ontology, epistemology, lecturers in philosophy and postgraduate students

Keywords: *cultural and social type of science, classical epistemology of science, non-classic epistemology of science, post-non-classic epistemology of science*

Введение

Эпистемология является одним из разделов гносеологии как общей теории познания, всех его видов (чувственного, рационального, обыденного, художественного, философского, религиозного, научного и др.). Предмет эпистемологии – научное познание, его природа (как оно в принципе возможно), виды научного познания, структура научного знания, методы получения и обоснования научного знания, закономерности развития

научного знания, научная истина, её критерии и способы легитимации. Как особый раздел философии эпистемология возникла в Древней Греции (Парменид, Сократ, Платон, Аристотель, скептики). Возможна ли наука как логически доказательное и истинное знание, каковы функции опыта и мышления в научном познании, достижима ли в науке объективная и абсолютная истина, и если да, то какими методами такая истина может быть получена и удостоверена, какие рекомен-

дации на этот счёт философия может дать науке? Вот круг центральных проблем эпистемологии от её возникновения вплоть до конца XIX в.

В XX в. под влиянием огромных успехов реальной науки произошла резкая смена проблемной ориентации эпистемологии. В отличие от традиционной эпистемологии современная ориентирована не на решение вопроса, какой должна быть наука, не на построение идеальной модели науки, считая такого рода проблемы «метафизическими», а на анализ и описание структуры и методов реальной науки, её динамики, а также культурно-исторических и философских оснований науки и научного познания. Главная причина такой ориентации достаточно проста и вместе с тем фундаментальна. Как показывает анализ истории науки, в ходе развития науки время от времени происходят глобальные изменения не только в её содержании, но и в смене её эпистемологических парадигм, в изменении взглядов учёных на сущность научно-познавательной деятельности, её цели, идеалы и возможности, её методологию. Одним словом, реальная эпистемология науки всегда привязана к существующему культурно-историческому типу науки и меняется вместе с ним.

Как известно, современный культурно-исторический тип науки сформировался в Новое время. Ему предшествовали древневосточный, античный и средневековый культурно-исторические типы науки, существенно различавшиеся между собой не только своим содержанием, но и своими представлениями о предназначении науки, структуре научного познания и его методах. Возникновение в Новое время нового

культурно-исторического типа науки, пришедшего на смену средневековой науке, было обусловлено возникновением в обществе того времени нового взгляда на цели научного познания, согласно которому главной целью науки должно быть получение не просто истинного, но и практически полезного знания. Наука и научные знания должны быть главным рычагом экономического и социального прогресса общества. В результате такого запроса на науку в Новое время резко возросла динамика научного знания, особенно в естествознании и математике (Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц и др.).

Возникший в Новое время культурно-исторический тип науки, основой которого были экспериментальное исследование познаваемого объекта (материальный и мысленный эксперимент) и математическое описание их результатов, прошёл в своём развитии несколько этапов: классическая наука (XVII–XIX вв.), неклассическая наука (XX в.) и современная постнеклассическая наука (конец XX в. – настоящее время). Эти этапы качественно различаются между собой в плане как онтологии, так и эпистемологии. Их онтологическое различие состоит в характере преимущественного типа объектов исследований. Для классической науки это были макрообъекты, для неклассической – микрообъекты и мезообъекты, а для постнеклассической науки – сложные природные, социальные и природно-социальные системы (технические, инженерные, информационные, техносфера, биосфера, ноосфера, человек как природно-социальная система и др.). Однако не менее разительное качественное различие между классической, неклассической

и постнеклассической наукой было и в эпистемологическом отношении. Покажем это путём реконструкции основных принципов классической, неклассической и постнеклассической эпистемологии, которые не просто различаются между собой, но и частично противоречат друг другу.

Классическая эпистемология

Классическая эпистемология возникла в Новое время вместе с возникновением новоевропейской науки, суть которой состояла в новом понимании места науки в обществе и её предназначением. «Знание – сила» – вот суть идеологии новоевропейской науки, чётко сформулированной одним из её создателей Ф. Бэконом [6]. Это предназначение науки существенно отличалось от понимания её смысла как в античную эпоху («единственная цель науки – объективная истина»), так и от аксиологии средневековой европейской науки («главная цель науки – благо человека»). «Знание – сила» означало, что наука – это необходимое средство достижения человеком господства над природой и социальной средой, которое возможно только через получение о них объективно-истинного знания.

Формирование классической эпистемологии происходило в течение длительного времени в условиях соперничества двух альтернативных концепций понимания природы научного познания: эмпиризма и рационализма [8]. Сторонники эмпиризма (позитивизма) полагали, что основой, источником и критерием истинности научного знания может быть только опыт, только данные наблюдения

и эксперимента (Бэкон, Конт, Милль, Дживонс, Мах и др.). Научное знание должно получаться путём опытного познания действительности и последующего логического обобщения данных опыта. Понятия «научное знание» и «эмпирическое знание», по существу, отождествлялись. При таком подходе любое неэмпирическое знание (философское, теологическое и даже математическое) по определению не должно считаться научным. Ненаблюдаемые сущности не могут быть предметом науки, ибо утверждения о них не могут быть проверены эмпирическим опытом. Именно поэтому, с точки зрения эмпириков, хотя вся прежняя философия и была рациональным знанием, тем не менее она не была наукой. У науки должен быть особый метод открытия и обоснования своих истин. И таким методом может быть только индукция, аргументация от частного к общему. Основу индуктивного метода составляет обобщение данных опыта или сравнение следствий научных законов и теорий с данными наблюдения и эксперимента. Поэтому индукция это единственно научный метод не только открытия и доказательства истинности научных законов, но и опровержения ложных гипотез.

Однако уже к середине XIX в. для большинства учёных и философов стала очевидной несостоятельность индуктивистской методологии науки. Каковы были основания для такого вывода? В истории логики и методологии были разработаны две концепции индукции как метода научного познания: перечислительная и элиминативная. Первое понимание индукции было предложено ещё Аристотелем: это вывод от знания о наличии определенно-

го свойства у каждого элемента некоторого класса к заключению о наличии этого свойства у всего класса в целом. Ясно, что если число элементов класса А конечно (например, число планет солнечной системы) и если установлено, что каждому элементу присуще некоторое свойство В (например, эллиптическая орбита движения), то отсюда с логической необходимостью следует вывод, что все А суть В («все планеты вращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам»). Такая перечислительная индукция получила название *полной индукции*.

Но наука (особенно естествознание), как правило, имеет дело с изучением либо очень больших конечных классов объектов, величина которых неизвестна, либо потенциально бесконечных классов (конечных классов, которые могут быть в будущем увеличены), либо, наконец, с актуально бесконечными классами (т. е. с завершёнными бесконечностями). А именно с такого рода ситуациями имеет дело учёный, когда переходит от знания фактов к знанию законов явлений (в случае эмпирических законов – к утверждениям о потенциально бесконечных классах, а в случае теоретических законов – к утверждениям об актуально бесконечных классах). Такой вид перечислительной индукции (выводов «от некоторых ко всем») получил название *неполной индукции*.

Очевидно, что заключение по неполной индукции не имеет логически необходимого характера, а является только вероятным или возможно истинным. А это, в частности, означает, что если установлено, что все следствия некоторого закона являются истинными, то это отнюдь не является

доказательством истинности самого закона. Более того, установление истинности следствий любого закона или теории не делает даже вероятно истинными законы и теории, поскольку, согласно определению логического следования, истинные следствия могут быть законно выведены и из ложных посылок. То, что неполная перечислительная индукция в принципе не в состоянии быть методом доказательства истинности научных законов и теорий, было очевидно не только для Аристотеля, но и для подвергшего его не совсем корректной критике Ф. Бэкона. В качестве метода доказательства истинности научных законов Бэкон предложил новый вид индукции – индукцию через элиминацию. Впоследствии структура этого вида индукции была подробно описана Дж. С. Миллем в книге «Система логики: силлогистической и индуктивной».

Индукция через элиминацию состоит из двух основных процедур:

- 1) установление соответствия следствий исследуемой гипотезы причинного закона данным наблюдения и эксперимента;
- 2) доказательство ложности всех логически возможных гипотез об истинной причине явления, кроме одной.

Однако, как показал анализ доказательных возможностей индукции через элиминацию, даже реализация обеих её процедур не может гарантировать истинность оставшейся не опровергнутой гипотезы о причине исследуемого явления. Во-первых, мы никогда не можем быть уверены, что среди зафиксированных данных наблюдения, предшествующих наступлению интересующего события,

находилась полная его причина, а во-вторых, что она вообще там была. Простой пример: допустим, вас интересует причина закипания воды. На какие предшествующие закипанию воды данные опыта необходимо обратить внимание? Это может, только температура закипания воды, или это и степень чистоты воды (например, только идеально чистая по химическому составу вода), или важна также величина атмосферного давления, или высота местности относительно уровня моря, или, наконец, характер взаимодействия всех указанных факторов. А может быть причиной закипания воды является как раз то, что вообще не было зафиксировано в опыте. Общий вывод следующий: возможности метода индукции через элиминацию отнюдь не превосходят доказательной силы метода перечислительной индукции.

Оба метода способны приводить только к вероятным заключениям о причинах явлений. Как убедительно показали отечественные ученые М. Н. Рутковский и А. И. Чупров [13], некритическое следование правилам индукции через элиминацию может вообще привести даже не к вероятным гипотезам, а просто к ложным выводам.

Вопрос о роли индуктивного метода в науке имеет принципиальное значение для оценки состоятельности эмпиристской эпистемологии, считающей, что только данные наблюдения и эксперимента могут и должны быть источником, основой и критерием истинности любого научного знания, как эмпирических фактов, так и научных законов и теорий. Вопрос о роли индукции в научном познании – это, по существу, вопрос о том, является ли

эмпирический опыт доказательной инстанцией в научном познании, или это только необходимый материал для его последующей переработки мышлением в научное знание на основе некоторого множества рациональных принципов: логических (обеспечение доказательного характера научного знания), лингвистических (обеспечение соответствия научного знания общим нормам и правилам дискурса), экономических (простота, объяснительная, предсказательная сила научного знания), практических (полезность знания, его применимость для решения практических задач) и др.

Может ли быть соответствие знания данным наблюдения и эксперимента универсальным, главным или даже единственным критерием оценки его научности, доказательности и истинности? В плане универсальности эмпирического опыта как критерия оценки научного характера знания уже для большинства философов и учёных второй половины XIX в. был очевиден отрицательный ответ на этот вопрос, поскольку математическое знание (особенно после открытия неевклидовых геометрий) явно не соответствовало этому критерию. Отказывать же математическому знанию в статусе научности явно претит не только интуиции ученых, но и обычному здравому смыслу.

Для учёных этого периода развития классической науки стало очевидным также и то, что эмпирический опыт не может быть средством доказательства истинности научных законов и теорий, этих важнейших элементов структуры научного знания. Дело в том, что содержание любых научных законов и теорий всегда выходит за пределы не

только наличного, но и любого возможного опыта, поскольку содержит такие предикаты в составе своих суждений, как всеобщность, необходимость, а также имена идеальных (не наблюдаемых, а только мысленных) объектов и т. д. Опыт же фиксирует только то, что было или есть, но не то, что может или должно быть. Наконец, соответствие опыту не может быть не только главным, но и вообще критерием истинности общих научных гипотез и концепций, ибо любой индуктивный вывод от частного (данные опыта) к общему (законы и теории) в принципе не является доказательным выводом, ибо правила логики запрещают судить об истинности оснований по истинности их следствий. Не существуют (и они невозможны в принципе) не только индуктивная логика открытия законов и теорий, но и индуктивная логика доказательства их истинности.

С логической точки зрения все научные законы и теории по отношению к эмпирическим данным всегда являются не более чем гипотезами. Осознание ограниченных возможностей эмпирического опыта как источника, основы, критерия доказательности и истинности научного знания стало главной причиной отказа представителей эмпиристского варианта классической эпистемологии от претензий на её универсальную значимость по отношению к реальной науке.

Такая же участь постигла и рационалистский вариант классической эпистемологии, представители которого считали, что научное знание должно быть имманентным (собственным) продуктом только мышления, ибо только в этом случае научное знание может быть логически дока-

зательным и истинным, что является его главной отличительной чертой по сравнению со всеми другими видами знания.

Принцип «научное знание – имманентный продукт мышления» был впервые сформулирован и обоснован философами Древней Греции (Фалес, Парменид, Платон и др.). Они же определили научное знание как «логически доказанное знание». Научное знание («эпистема») они противопоставляли «доксе», или мнению. В последнюю категорию знания они зачисляли, в частности, все общие суждения эмпирического и практического характера, имеющие своим единственным основанием соответствие имеющимся данным наблюдения и эксперимента (знание «техно»).

Альтернативой эмпиристской эпистемологии классической науки была рационалистская эпистемология, которая была представлена в трудах таких выдающихся учёных и философов того времени, как Галилей, Декарт, Лейбниц, Гегель и др. Как и представители эмпиристской эпистемологии, сторонники рационалистской эпистемологии Нового времени считали целью науки достижение истинного знания о предмете научного познания.

Однако в понимании средств достижения этой цели взгляды эмпириков и рационалистов существенно различались. Эмпирики считали, что такими средствами должны быть только опыт (данные наблюдения и эксперимента) и индукция (последующее обобщение опытных данных с помощью мышления). Для эмпириков при научном познании реальности мышление должно быть только слугой опыта и не должно выходить за пределы опыта (Локк).

Для рационалистов же дело обстояло с точностью наоборот: в науке именно мышлению принадлежит главная роль в получении и обосновании научных истин. Опыт же, напротив, играет в научном познании только вспомогательную роль, будучи либо одной из внешних причин активизации деятельности мышления, либо эмпирическим подтверждением результатов деятельности мышления. Мышление, считали рационалисты, если правильное, может приводить только к истинным выводам относительно любого предмета познания.

Каковы же средства правильного мышления, или «правила руководства ума» (Декарт)? Таких правил не так уж много. Это:

1) методическое (систематическое) сомнение во всём, что не очевидно для мышления (это все сложные по содержанию суждения и концепции);

2) разложение сложного содержания на максимально простые его составляющие (мысленный анализ, цель которого – редукция сложного к простому);

3) восприятие содержания простых идей как очевидных для мышления (акт мысленной интуиции), если сомневаться в них уже невозможно;

4) обратная операция сборки содержания сложных идей либо как синтеза более простых идей, либо как результата их логического вывода (дедукции) из простых и очевидных идей.

К этим познавательным операциям мышления другие рационалисты также добавили следующие:

– мысленный эксперимент и математическая модель предмета научного познания (Галилей);

– продуктивное воображение и априорный категориальный синтез (Кант);

– аналитическая истинность математического знания и вероятная истинность эмпирического знания (Лейбниц);

– метод диалектического синтеза содержания мышления в его движении от простого к сложному (Гегель);

– рефлексивная деятельность сознания по нахождению для любой единицы знания лежащего в её основе феномена – идеи, абсолютно очевидной для «чистого» сознания, сознания, полностью очищенного от любого влияния культуры и вынесенного за её скобки (Гуссерль).

Однако у всех предложенных рационалистами методологических рекомендаций оказался один серьезный изъян: их чрезвычайно узкая база применимости по отношению к реальной науке. О применении дедукции и интуиции как основных методов научного познания можно было серьезно говорить только по отношению к математике и логике. Но это было неверно в отношении естественных, технических и социальных наук, где эмпирический опыт был основой научного познания. А именно дисциплины этих наук составляли основной объём знания классической науки.

Предложенные же Галилеем методы мысленного эксперимента и создания математических моделей объектов получили свою реализацию в классическом естествознании, но только в теоретической физике. Методы же диалектического развёртывания содержания мышления или феноменологической редукции в построении истинного знания нашли своё вопло-

щение лишь у самих авторов этих методов: в философских системах Гегеля и Гуссерля. Но главный удар по априорно-рационалистическому истолкованию природы научного знания был нанесён развитием самой реальной науки. Речь идёт о таких поистине революционных событиях в науке как создание неевклидовых геометрий и теории бесконечных множеств Кантора (XIX в.), теории относительности и квантовой механики (начало XX в), создание большого числа альтернативных теорий во всех естественных и социальных науках (вторая половина XIX – начало XX в.).

Самое главное – это развитие полностью опровергло все варианты классической эпистемологии, как эмпиристские, так и рационалистические. Обнаружившееся противоречие классической эпистемологии реальной науке и её развитию создало вполне обоснованный запрос на создание качественно новой, неклассической эпистемологии. Исходной установкой создания новой, неклассической эпистемологии должна быть её сознательная ориентация при построении моделей научного познания на реальную науку, её структуру, методы и закономерности как на свою эмпирическую основу и проверочный базис. Такого рода ориентация с необходимостью вела к введению в ядро неклассической эпистемологии постулатов, не просто новых по сравнению с принципами классической эпистемологии, но и во многом противоречащих им.

Неклассическая эпистемология

Неклассическая эпистемология возникла как рефлексия эпистемоло-

гических оснований неклассической науки. Ядром неклассической эпистемологии, её основными постулатами стали принципы:

1) гипотеза является не только основным методом научного познания, но и формой существования научного знания;

2) эмпирический опыт (и основанный на нём метод индукции) в принципе не в состоянии быть средством доказательства истинности научных законов и теорий, этих центральных элементов научного знания;

3) вероятностное знание в науке столь же законно, как и универсальное;

4) в науке не существует универсального и единственно правильного метода познания, методологический плюрализм в науке – это неизбежное и естественное её состояние (наличие в науке множества методов познания в зависимости от содержания объекта, целей познания, характера предпосылочного (априорного) знания).

Категориальными маркерами неклассической эпистемологии стали характеристики науки и научного знания: плюрализм, относительность, открытость к изменениям, научные революции, опровержимость научного знания, конкуренция научных концепций и теорий, некумулятивный характер развития научного знания, многокомпонентный характер критериев истинности научного знания и его различных единиц [7]. Основной вклад в развитие неклассической эпистемологии внесли прежде всего, сами выдающиеся ученые-первопроходцы неклассической науки (Лобачевский, Риман, Гильберт, Пуанкаре, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг и др.), а также пред-

ставители ряда философских направлений, таких как конвенционализм, инструментализм, прагматизм, логический позитивизм, постпозитивизм [9].

Центральными постулатами неклассической философии науки являются:

1. онтологический плюрализм не только областей науки, но и уровней научного знания [8].

2. функциональный и методологический плюрализм разных видов научного знания [7].

3. открытие феномена принципиальной логической недообоснованности и недоопределённости любой единицы научного знания [3].

Избежать ситуации прекращения бесконечного регресса в достижении абсолютно полной обоснованности и определённости научного знания и ограничения научного познания достижением только относительной обоснованности и определённости научного знания можно только одним способом: использованием субъектом научного познания не только возможностей опыта и мышления, но и ресурсов его когнитивной воли. Рационально артикулируемыми средствами действия последней является только принятие когнитивных решений либо на основе научных конвенций (для индивидуального субъекта научного познания), либо на основе научного консенсуса (для дисциплинарного научного сообщества как социального субъекта научного познания). Принятие такого рода решений об относительной обоснованности и определённости научного знания диктуется соображениями практического применения научных знаний, которое невозможно без веры в обоснованность,

определённость и истинность применяемого научного знания.

Интенсивное развитие науки в конце XX в., постоянно увеличивающаяся пролиферация альтернативных концепций и теорий в любой области науки и на любом уровне научного познания, а самое главное – ориентация современной науки на исследование нового типа объектов, а именно биологических, технических и социальных сверхсложных как в структурном, так и в функциональном отношении систем, постепенно привело к формированию нового типа науки, получившего название «постнеклассическая наука» [11].

Новый тип науки потребовал создания новой её философии, которая не только репрезентировала бы онтологические особенности постнеклассической науки, но и легитимировала бы её особые гносеологические основания. В результате подобный запрос привел к формированию постнеклассической эпистемологии.

Постнеклассическая эпистемология

Основной вклад в формирование содержания постнеклассической эпистемологии внесли представители следующих направлений философии науки: социология научного знания (Малкей, Гилберт и др.) [2; 10]; теория научных коммуникаций (Латур и др.) [5]; анархистская методология научного познания (Фейерабенд и др.) [12]; парадигмальная теория развития научного знания (Кун и др.) [4]; радикальный конструктивизм (Матурана, Вацлавик, Глазерфельд и др.) [14]; постструктурализм и постмодернизм (Фуко, Лиотар, Делез, Бодрийяр) [1; 3].

Ядро постнеклассической эпистемологии образуют следующие принципы:

1. Структурный плюрализм научного знания. Научное знание представляет собой суперсложную плюралистическую систему, состоящую из качественно различных областей, уровней, видов и единиц научного знания, разных не только по содержанию, но также по логической форме и выполняемым функциям в целостной системе научного знания [8].

2. Плюрализм методов научного познания. Различные области науки, отдельные науки, разные уровни научного знания в каждой из дисциплин, разные виды научного знания существенно различаются между собой не только по содержанию, но и по методам своего получения и обоснования [14].

3. Плюрализм научных истин. Система научного знания в целом и любой отдельной науки состоит из качественно различных типов научных истин, в том числе и противоположных по содержанию (альтернативные концепции, теории и исследовательские программы) [4].

4. Плюрализм критериев истинности научного знания. В науке не существует универсального, единого для всех единиц знания критерия истинности. Для качественно различных либо по содержанию, либо по форме, либо по функциям единиц знания существуют свои особые критерии истинности. Но все они имеют между собой два общих свойства: 1) являются многокомпонентными и 2) включают в свой состав консенсуальную компоненту (экспертное заключение дисциплинарного научного сообщества).

5. Любая научная истина имеет субъект – консенсуальный характер [9].

6. Процесс научного познания, вся деятельность ученых по производству и обоснованию знания имеет социальный характер [5].

7. Главным субъектом современного научного познания является не отдельный учёный, а дисциплинарное научное сообщество [6].

8. Коммуникационные взаимосвязи между учеными в процессе научного познания имеют столь же существенное значение для производства нового научного знания и его эпистемологической оценки, как и взаимодействие ученых с познаваемыми объектами. Причем последний тип отношения всегда опосредован коммуникационными связями между членами научного сообщества. Эффективный научный менеджмент (эффективное управление научными исследованиями и разработками) является одним из важных факторов продуктивности научных исследований и динамики научного знания [13].

9. Научные революции – естественный и необходимый этап развития научного знания. В целом развитие научного знания имеет некумулятивный характер [4].

10. Сменяющие друг друга новые фундаментальные теории не только отрицают друг друга, но и соизмеримы между собой лишь частично. Поэтому не существует чисто рационального критерия предпочтения одной из них. Выбор между ними осуществляется на основе когнитивной воли научного сообщества и научного консенсуса [9].

11. Несмотря на творческую природу научного познания на всех его уров-

нях, а также фундаментальный плюрализм структуры, методов и критериев истинности научного знания, система научного познания и знания в целом является внутренне взаимосвязанной, в ней одни элементы влияют на другие. Поэтому лозунг анархистской концепции постнеклассической методологии науки «Все сойдет» (П. Фейерабенд), утверждающий ценность абсолютной свободы когнитивной деятельности в науке, противоречит реальной познавательной практике, абстрагируясь от социального и системного характера научного знания [12].

12. С другой стороны, столь же некорректной является такая концепция постнеклассической методологии науки, как постструктурализм, представители которой абсолютизируют взаимосвязь различных элементов научного знания и, как следствие, контекстуальный характер научного знания и субъективную природу научных истин [14]. Взаимосвязь различных элементов научного знания между собой не отменяет факта их дискретности, относительной самостоятельности и зависимости их содержания от содержания познаваемых объектов.

13. Каждая из различных концепций постнеклассической методологии науки имеет в своём содержании определённое рациональное зерно. Синтез этих рациональных зёрен является необходимым условием создания достаточно полной и адекватной современной науке постнеклассической методологии [8].

14. Все дихотомии методологии науки (теоретическое – эмпирическое, аксиомы – теоремы, априорное – апостериорное, аналитическое – синтетическое, естественно – научное – со-

циальное, интуитивное – дискурсное, явное – неявное, текст – контекст, вероятное – достоверное, условное – безусловное и др.) имеют строгое различие только в рамках методологической теории. Однако при их применении к реальному научному знанию все они являются относительными [8].

Обобщенно ядро постнеклассической эпистемологии может быть охарактеризовано как «**эпистемология 6К**»:

1) **конструктивность** научного познания и знания (научное знание – особый вид артефактической реальности, создаваемый учёными);

2) **контекстуальность** научного знания (любая единица научного знания всегда является элементом или частью более обширной системы знания – её контекста, который никогда полностью не определён);

3) **культурологичность** реальной научно-познавательной деятельности и её результатов (научное познание и научное знание всегда являются частями существующего типа культуры и потому зависят от нее);

4) **коммуникативность** научного познания (коммуникации между учеными – важнейшая составляющая процесса научного познания, влияющая как на производство научного знания, так и на оценку полученных результатов);

5) **«как бы»** научного знания (научное знание в существенной степени метафорично и условно),

6) **консенсуальность** научных истин (принятие решения об истинности той или иной единицы научного знания всегда имеет консенсуально-экспертный характер, являясь прерогативой дисциплинарного научного

сообщества как главного субъекта научной деятельности).

Классическая, неклассическая и постнеклассическая эпистемология могут рассматриваться как три каче-

ственно различных парадигмы в эпистемологии культурно-исторического типа науки, возникшего в Новое время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол-Классик. 2017. 288 с.
2. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс. 1987. 269 с.
3. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1986. 256 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс. 1975. 288 с.
5. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики. 2014. 384 с.
6. Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. 318 с.
7. Лебедев С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66–79.
8. Лебедев С. А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.
9. Лебедев С. А., Коськов С. Н. Конвенции и консенсус в контексте современной философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 1. С. 7–13.
10. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. 253 с.
11. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
12. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 543 с.
13. Философия науки. Общий курс / С. А. Лебедев, А. Н. Авдулов, В. В. Ильин, Ф. Ф. Лазарев, Л. В. Лесков, Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин. М.: Академический проект, 2010. 731 с.
14. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000. 333 с.

REFERENCES

1. Baudrillard J. *Fatalnye strategii* [Fatal Strategies]. Moscow, *Ripol-Klassik Publ.*, 2017. 288 p.
2. Gilbert J., Malkey M. *Otkryvaya yashchik Pandory* [Opening Pandora]. Moscow, Progress Publ., 1987. 269 p.
3. Ilyin I. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, 1986. 256 p.
4. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
5. Latour B. *Peresborka sotsialnogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor Network Theory]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.
6. Lebedev S. A. *Kurs lektzii po filosofii nauki* [A Course of Lectures on the Philosophy of Science]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2014. 318 p.
7. Lebedev S. A. [The structure of scientific rationality]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2017, no. 5, pp. 66–79.
8. Lebedev S. A. [Rebuilding the epistemological]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2015, no. 6, pp. 53–64.
9. Lebedev S. A., Koskov S. N. [Convention and consensus in the context of contemporary philosophy of science]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychology and Pedagogical Studies], 2014, no. 1, pp. 7–13.

10. Mulkay M. *Nauka i sotsiologiya znaniya* [Science and the Sociology of Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1983. 253 p.
11. Stepin V. S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy* [The Philosophy of Science. Common Problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 384 p.
12. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on Science Methodology]. Moscow, 1986. 543 p.
13. Lebedev S. A., Avdulov A. N., Ilyin V. V., et al. *Filosofiya nauki. Obshchii kurs* [The Philosophy of Science. A Comprehensive Course]. Moscow, Academic project Publ., 2010. 731 p.
14. Tsokolov S. *Diskurs radikalnogo konstruktivizma* [The Discourse of Radical Constructivism]. Munich, 2000. 333 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Doctor of Philosophy, professor, chief researcher at the Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
E-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Лебедев С. А. Три эпистемологических парадигмы: классическая, неклассическая и постнеклассическая. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 8 – 21.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21

FOR CITATION

Lebedev S. A. Three Epistemological Paradigms: Classical, Non-Classical, Post-Non-Classical. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 8 – 21.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-8-21

УДК Я13

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-22-28

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ НА УРОВНЯХ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО БЫТИЯ

Яблонских А. А.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»**125190, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80, корп. Г, Е, Ж, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу онтологических оснований духовной традиции на уровнях её актуализации для формулирования механизма её перевода из потенциально-го состояния в факторное. В данном контексте духовная традиция рассматривается на объективном и субъективном уровнях, т. е. на общегосударственном (общественном) и личностном. В результате исследования, согласно онтологическому и гносеологическому подходам, автор делает вывод, что духовная традиция на объективном уровне формируется через призму форм общественного сознания и повседневной практики, а на субъективном уровне – через внутренние качества личности, через усвоенные им знания, нравственно-эстетические идеалы и духовные качества субъекта. На основе данных исследования станет возможным сформировать механизм актуализации духовной традиции в духовный фактор развития общества. Статья адресована студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов, центров гуманитарной подготовки и курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: традиция, духовность, культура, субъект, объект.

UPDATING SPIRITUAL TRADITION AT THE LEVELS OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE BEING

A. Yablonskikh*Moscow University for Industry and Finance «Synergy»**80, bld. G, E, J, Leningradsky ave., Moscow, 125190, Russian Federation*

Abstract. The article aims to analyze the ontological foundations of the spiritual tradition at the levels of its actualization to form a mechanism of its transfer from a potential to a factor state. In this context, the spiritual tradition is considered at the objective and subjective levels, i.e. at the national (social) and personal levels. As a result of the research based on ontological and epistemological approaches, at the objective level, the spiritual tradition is formed through the prism of forms of social consciousness and daily practice. At the subjective level, the spiritual tradition is formed through the inner qualities of the person: the acquired knowledge, moral and aesthetic ideals and spiritual qualities. It is concluded that on the basis of these levels it will be possible to form a mechanism of transformation of the spiritual tradition into a spiritual factor of society. The article is intended for students, postgraduates and university lecturers, humanitarian training centers teachers and upgrading courses trainers.

Keywords: tradition, spirituality, culture, subject, object.

Addressee: for students, postgraduates and teachers of humanitarian universities, humanitarian training centers and refresher courses.

В связи с тем, что духовная традиция – это один из структурных элементов культуры любого общества, и в широком смысле – компонент духовного потенциала общества и граждан, его составляющих, государство и общество по отношению к гражданину выступают как объект к субъекту. Следовательно, духовную традицию при её актуализации целесообразно рассмотреть на двух уровнях: государственном (общественном) и личностном.

Общественно-государственный, или объективный уровень социальной актуализации духовной традиции, подразумевает формирование объективных условий духовной традиции. Кроме основных сфер жизни общества, на её формирование и актуализацию оказывают влияние тенденции внешней и внутренней политики, качество образования населения и его культурно-антропологическая полноценность, общемировое состояние духовно-ментальной сферы. Приведённые факторы определяют направление реализации духовной традиции, что находит отражение и обуславливается в формах общественного (массового) сознания.

Субъективный же уровень актуализации духовной традиции определяется самообучением и личностной регуляцией субъекта. На этом уровне объективные условия с диалектической необходимостью трансформируются в духовный мир субъекта и становятся его убеждениями, про-

фессиональными качествами и личностными характеристиками. Помимо этого, на данном уровне в сознании субъекта соединяются такие элементы духовной традиции, как онтологические, гносеологические, аксиологические, эмоционально-чувственные и волевые. Если субъект – единица общества им формируется (главным образом через трудовой коллектив), вырабатывает общесоциальные качества, а также профессиональные умения и навыки, тем более необходимо изучить актуализацию этого феномена, где субъект взаимодействует с объектом в системе общественно-личностных отношений.

Конечно, выделение двух уровней актуализации духовной традиции представляется целесообразным лишь при онтологическом и гносеологическом подходах: на практике объективный и субъективный уровни неотделимы друг от друга и взаимообусловлены.

Данная дихотомия детерминирована двумя обстоятельствами. С одной стороны, детерминирующее отношение общегосударственного уровня к уровню общества и личности субъекта является определяющим. С другой, – уровень субъекта и уровень объекта также могут обратно определять общегосударственный уровень. [7, с. 179–180].

Детерминирующая роль объективного уровня в онтологии духовной традиции заключается в осознании и оценке внешне- и внутрисполитиче-

ской обстановки как в мире, так и в конкретной стране. Тем не менее трудности, связанные с решением актуальных общественных противоречий, не лучшим способом отражаются на эмоционально-психологическом состоянии субъектов, что должно своевременно выражаться на уровне общества и государства посредством адекватных мер.

На протяжении всей жизни общества, населения конкретного государства его традиция трансформируется под воздействием ряда объективных и субъективных условий. Объективные условия проявляются в материально-экономическом базисе, от которого зависят социальные качества личности, в политических отношениях и режиме государственной власти, в структуре общества и отношениях между странами, классами и нациями. Решающее значение принадлежит общественной идеологии и духовному фактору в развитии общества.

К субъективным условиям правомерно отнести понимание и глубину осознания общественными субъектами реальных общественных явлений и отношений, включая духовную деятельность по их преобразованию или бережному сохранению.

Актуализация духовной традиции обусловлена следующими субъективными условиями: государственно-политической деятельностью, уровнем социальной работы, качеством воспитания социальных субъектов и непосредственно личности, её нравственно-эстетическими идеалами, ориентацией и саморегуляцией. Данным проблемам уделяют особое внимание такие исследователи, как

В. В. Кафтан [1; 2], П. В. Петрий [3], Т. Б. Сиротина [5; 6] и др.

Актуализация духовной традиции не может происходить лишь в области идеального, игнорируя при этом политику, экономику, науку и социальную сферу. Согласно методологии социокультурного анализа общества, совместно с элементами духовной сферы предполагается детерминация иных характеристик социальной действительности, принимающих реальные формы.

На объективном уровне субъектом актуализации духовной традиции является государство, представляющее собой единство и разделение властей.

Объектом воздействия государства на формирование духовной традиции изначально выступает не только духовная традиция, но и все формы общественного сознания [6, с. 160–165].

На общесоциальном уровне духовные ориентиры субъектов правомерно классифицировать по следующим основаниям:

- по отношению к государству и обществу: самоидентификация субъекта с данной страной и её культурой, его готовность к защите её государственных и общенациональных интересов;

- по отношению к трудовой деятельности: мастерство, трудолюбие, выдержка, штабная культура и личностная самоорганизованность, креативность;

- по отношению к окружающим: личный пример, верность традициям организации, справедливость, принципиальность, достоинство, честь, приверженность нормам этики и морали;

– по самосознанию субъекта: личная дисциплинированность, адекватная самооценка, стремление к профессиональному совершенству, способность конструктивно воспринимать критику в свой адрес.

Особо важная роль в актуализации духовной традиции принадлежит субъекту, его стремлению к духовному и творческому саморазвитию.

Уровень субъекта является вторым после общественного в актуализации духовной традиции. Субъект здесь одновременно является и субъектом, и объектом данной традиции. Духовные отношения находят свою актуализацию непосредственно в духовном мире субъекта и реализуются в нём же. Субъективные признаки традиции находят отражение в целях и задачах, определяемых субъектом.

На субъективном уровне социальной актуализации духовная традиция проходит путь формирования, начиная с неосознанного влечения субъекта к объекту – обществу – и при деятельности самого субъекта. Субъективный уровень позволяет определить несколько этапов, в ходе которых полностью реализуется духовная традиция.

На первом этапе под влиянием общественной деятельности, личного опыта и социализации субъекта им осознаются базовые духовные ценности общества, к которому он принадлежит. Эти ценности и идеалы формируют традицию: непосредственно через них понимается и осознаётся субъектом его профессиональный и нравственный долг по отношению к обществу, семье и государству. Умение понимать при восприятии и представлении окружающего мира присуще

только субъекту; оно реализуется как условие его последующей практики. Оно также выступает значимым фактором формирования социальных качеств субъекта и его субъективных духовных ценностей.

Актуализация духовной традиции, когда субъект сопоставляет свои мотивы и цели, реализуется на втором этапе, где он также соотносит свои потребности с имеющимися у него возможностями, зависящими от объективной реальности. В конечном итоге осуществляется отбор соответствующих объектов интересов субъекта и на этом основании – нравственно-эстетических идеалов.

На третьем этапе актуализация духовной традиции формируется через сознательное стремление субъекта к объекту как к главному духовному общественному идеалу. Данная актуализация осуществляется в форме различных интересов и целей, она может корректироваться в ходе социализации субъекта.

На основании признания и принятия духовных ценностей государства и общества совместно с субъективными ценностными идеалами и убеждениями самоидентификация и социализация являются сознательной и активной деятельностью субъекта. На данном уровне с её помощью возможны формирование и развитие у субъекта положительных качеств, а также преобразование отрицательных качеств в положительные.

Субъект способен изменять свои убеждения и мировоззрение, уже сказано целенаправленно воздействуя на свой внутренний мир. Свои нравственные позиции и привычки он преобразует и формирует таким образом

своё отношение к окружающей действительности, а также свой характер и ценностные ориентации.

Самовоспитание, самоидентификация и социализация субъекта должны формировать специфику его активности в ценностной реализации субъективных качеств, а также ценностное отношение к своему профессиональному долгу в соответствии с тенденцией ужесточения требований к уровню компетентности и к самой личности субъекта.

Если саморегуляция и самоидентификация субъекта достигнет необходимых результатов при совпадении с содержанием духовной традиции в обществе и государстве, образуется фундамент для развития у субъекта положительных личностных, общесоциальных и профессиональных качеств. Очевидно, что это выступит базисом для совершенствования внутреннего мира субъекта.

Реализации субъектом своего профессионального долга соответствуют уровни, характеризующие наличие в его сознании духовной традиции. Данные уровни реализуются в осознании и выполнении субъектом своего долга по отношению к объекту – обществу, что главным образом детерминировано дихотомией внешнего и внутреннего содержания у любого субъекта. При определении параметров оценки уровней сформированности духовной традиции у субъекта желательно руководствоваться пониманием того, что на индивидуальном, субъективном уровне формирования данная традиция представляет собой осознание субъектом её важности, которое на практике проявляется через совокупность общесоциальных и професси-

ональных качеств субъекта. С другой стороны, показатель сформированности духовной традиции выступает как отношение между субъектом (личностью) и объектом (государством), побуждающее его к мотивированной результативной деятельности.

На основании вышеизложенного можно определить уровни актуализации духовной традиции в субъективном сознании. Высокий уровень характеризуется высококачественным решением задач учёбы, соблюдением законодательства, образцовой трудовой дисциплиной, товариществом и взаимовыручкой, наличием у субъекта креативного подхода к его профессиональной деятельности и к увеличению его духовного потенциала в процессе развития субъективных качеств.

Средний уровень актуализации духовной традиции у субъекта основан на успешном выполнении субъектом стоящих перед ним задач, при этом деятельность субъекта преимущественно характеризуется репродуктивностью. Его деятельность не оставляет границ сферы выполнения должностных инструкций, лишена креативности и потребности расширения круга обязанностей.

Низкий уровень актуализации духовной традиции соответствует такой деятельности субъекта, которая, несмотря на реализацию в минимально необходимой мере профессиональных задач, приводит к сужению круга возможностей развития субъекта, характеризуется пассивностью, скептицизмом и пессимизмом. При этом характерно, что параметры такой деятельности ниже установленных или выработанных норм.

Приведённым уровням сформированности духовной традиции личности субъекта соответствуют уровни развития и функционирования морально-психологического состояния общества:

- высокий моральный дух (морально-психологическое превосходство);

- среднее состояние морального духа (удовлетворительное морально-психологическое состояние);

- частичный или полный духовный кризис морального духа (нравственное равнодушие или неудовлетворительное морально-психологическое состояние общества).

В соответствующих условиях при переходе объективных условий к ре-

ализации духовной традиции в субъективные качества, убеждения и характеристики, актуализация духовной традиции должна осуществляться на уровне субъекта.

В то же время на данном уровне рациональный, эмоциональный и волевой компоненты духовного мира субъекта объединяется в единое целое.

В конечном итоге, социальная актуализация и реализация духовной традиции представляют собой диалектическое единство и взаимодействие двух уровней: государственного (общественного) и личностного, т. е. объективного и субъективного.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Кафтан В. В. Дегероизация массового сознания современного российского общества. М., 2015. 310 с.
- 2 Кафтан В. В. Философия современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 39–47.
- 3 Петрий П. В. Аксиология воинского служения. М.: Военный Университет, 2017. 372 с.
- 4 Сальников А. А. Парадигмальные основания мировоззрения военнослужащих современной российской армии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 30 с.
- 5 Сиротина Т. Б. Духовный выбор личности военнослужащего современной российской армии: сущность, факторы влияния и приоритеты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 21 с.
- 6 Сиротина Т. Б. Специфика духовного выбора военнослужащего современной российской армии в обществе потребления // Военный академический журнал. 2017. № 3. С. 151–158.
- 7 Чугунов В. М. Духовный потенциал военной безопасности государства: дис. док. филос. наук. Монино, 1998. 400 с.
- 8 Чугунов В. М. Методология целостного анализа общества и военного дела // Антоненко В. И., Чугунов В. М. Философия. Монино, 2004. С. 160–165.

REFERENCES

1. Kaftan V. V. *Degeroizatsiya massovogo soznaniya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* [Deheroisation of Mass Consciousness of Modern Russian Society]. Moscow, 2015. 310 p.
2. Kaftan V. V. [The Philosophy of Modern Information Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 39–47.

3. Petriy P. V. *Aksiologiya voinskogo sluzheniya*. [Axiology of Military Service]. Moscow, Military University Publ., 2017. 372 p.
4. Salnikov A. A. *Paradigmatalnye osnovaniya mirovozzreniya voennosluzhashchikh sovremennoi rossiiskoi armii: avtoref. dis. ...kand. filos. nauk* [Paradigmatic Basis of the Worldview of Soldiers of Modern Russian Army: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2016. 30 p.
5. Sirotina T. B. *Dukhovnyi vybor lichnosti voennosluzhashchego sovremennoi rossiiskoi armii: sushchnost', faktory vliyaniya i priority: avtoref. dis. ...kand. filos. nauk* [Spiritual Choice of an Individual Soldier in Modern Russian Army: Nature, Impact Factors and Priorities: Abstract of PhD Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 21 p.
6. Sirotina T. B. [The features of spiritual choice of a modern Russian soldier in a consumer society]. In: *Voennii akademicheskii zhurnal* [Military Academic Journal], 2017, no. 3, pp. 151–158.
7. Chugunov V. M. *Dukhovnyi potentsial voennoi bezopasnosti gosudarstva* [Spiritual Potential of State Military Security: Doctoral Thesis in Philosophy]. Monino, 1998. 400 c.
8. Chugunov V. M. [Methodology of a holistic analysis of society and military affairs]. In: *Antonenko V. I., Chugunov V. M. Filosofiya* [Antonenko V. I., Chugunov V. M. Philosophy], Monino, 2004, pp. 160–165.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яблонских Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: graf420@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Yablonskikh – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»;
e-mail: graf420@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Яблонских А. А. Актуализация духовной традиции на уровнях объективного и субъективного бытия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 22 – 28.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-22-28

FOR CITATION

Yablonskikh A. A. Updating Spiritual Tradition at the Levels of Objective and Subjective Being. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 22 – 28.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-22-28

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-29-36

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

Бурухин С. С.

*Тверской государственный технический университет,
170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация*

Аннотация: Цель статьи – уточнение и углубление понятия эффективности общественного развития на основе сравнительного анализа критериев результативности социального действия с точек зрения теоретиков различных сфер социогуманитарного знания. В результате проведенного исследования найдены общие и перекрестные связи в понимании эффективности у авторов, изучающих социально-экономическую, властно-правовую и психологическую сферы общественного развития. Сделан вывод, что для понимания социальной эффективности в перспективе междисциплинарного анализа необходимо использовать интегративный подход, ориентированный на диалог наук, на поиск единства информационных, коммуникативных и ценностных критериев общественного развития. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в обосновании целесообразности междисциплинарного подхода в изучении современных глобализационных условий развития экономики, политики, права, науки, образования, культуры и разнообразных линий субъект-субъектных коммуникаций. Статья адресована специалистам в области социальной философии, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: общественное развитие, социальное действие, эффективность, субъект, знание, ценность, норма.

SOCIAL EFFICIENCY IN THE PERSPECTIVES OF INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

S. Burukhin

Tver State Technical University

22, nab. Afanasy Nikitin, Tver, 170026, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to clarify and deepen the concept of the effectiveness of social development on the basis of comparative analysis of the criteria of the effectiveness of social action, from the point of view of the theorists from various fields of social and humanitarian knowledge. As a result of the study common and cross links in the understanding of the effectiveness of the authors studying the socio-economic, power-legal and psychological spheres of social development were found. It is concluded that in order to understand the social efficiency from the perspective of interdisciplinary analysis it is necessary to use an integrative approach aimed at the dialogue of sciences, the search for the unity of information, communication and value criteria of social development. Theoretical and practical significance of the study is to justify the feasibility of an interdisciplinary approach to the study of modern globalization conditions of the development of economy, politics, law, science, education, culture and various other lines of subject-subject communications. The article is addressed to the experts in the field of social philosophy, teachers of philosophy and postgraduate students.

Keywords: social development, social action, efficiency, subject, knowledge, value, norm.

Эффективность общественного развития является одним из ключевых вопросов современности. С этим понятием связаны практически все аспекты жизнедеятельности общества: государственное регулирование, экономика, право, наука, образование, социальное прогнозирование, психология труда и коммуникаций. Несмотря на высокую дискурсивную популярность понятия «социальная эффективность», в исследовательской среде не сложилось единого мнения. Большинство авторов предпочитают рассуждать в теоретико-методологическом поле своей науки. Лишь сравнительно недавно стали появляться работы, в которых актуализируется поиск взаимосвязи социальных и культурологических аспектов в понимании эффективности общественного развития [4; 8].

Для уточнения и углубления понятия эффективности общественного развития в настоящей статье дан сравнительный анализ критериев результативности социального действия в теоретических выкладках представителей различных сфер социогуманитарного знания. В качестве основы выдвинуто суждение о том, что социальная эффективность – это собирательный показатель, характеризующий уровень повышения благополучия жизни индивида и сообщества.

Базовым основанием социальной эффективности видится социальное действие, значимость которого невозможно измерить окончательно и в полной мере, поскольку запланированные результаты могут иметь и непреднамеренные последствия. Польза от социального действия проявляется не сразу, а в перспективе обществен-

ного развития. В современном, быстро меняющемся мире складываются многозадачные условия, в которых эффективность социального действия должна быть проанализирована с опорой на смежные области гуманитарного знания. Это требует исследования структурных элементов понятия эффективности и его уровневой природы, а также уточнения характера взаимодействия структурных элементов с группой признаков, характеризующих различные стороны социального действия.

Целесообразность междисциплинарного подхода в изучении современных глобализационных условий развития экономики, политики, права, науки, образования, культуры и разнообразных линий субъект-субъектных коммуникаций уже одобрена на международном уровне. Например, во «Всемирной Декларации о Высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры», принятой еще в 1998 г., прямо фиксируется задача: «Необходимо поощрять и укреплять междисциплинарность и трансдисциплинарность исследований, преследуя долгосрочную перспективу, ориентированную на достижение целей и удовлетворение потребностей в социальной и культурной сферах»¹.

Этимологически термин «эффективность» уходит корнями в выкладки английского экономиста У. Петти, который ещё в XVII в. ввёл его в научный оборот для характеристики результативности экономических методов

управления капиталистическим производством. В начале XX в. с посылки М. Вебера критерием эффективности в самом общем смысле становится величина отклонения параметров деятельности от их регламентированных значений [3, с. 44].

Современные авторы, изучающие экономическую эффективность, отмечают её двойственный характер. Одни учёные рассматривают экономическую эффективность узкоспециализированно, с позиций производительности труда, другие – с точки зрения достижения предельной полезности и максимизации степени удовлетворения потребностей общества при условии ограниченности имеющихся ресурсов. В широком контексте эффективность звучит как «благо общества или отдельных групп населения», как «соответствие результатов экономической деятельности социальным целям общества», как «соотношение полученного социального эффекта и затрат, способствующих его достижению» [7, с. 34].

Теоретики обращают внимание на то, что в английском языке существует два различных термина для обозначения эффективности, которые имеют приблизительно одинаковый перевод на русский язык: «efficiency» и «effectiveness». Термин «efficiency» характеризует эффективность с точки зрения процесса преобразования ресурсов в готовую продукцию, получения максимума возможных благ от имеющихся ресурсов. В таком контексте эффективность принято рассматривать как «результативность». В этой связи различают «эталонную» и «фактическую» эффективность, где первая представляет собой степень

¹ World Declaration on Higher Education for the twenty-first century: Vision and Action // UNESCO: [сайт]. URL: http://www.unesco.org/education/educprog/wche/declaration_eng.htm (дата обращения: 04.04.2019).

соответствия реальной разработки проекта первоначальному замыслу, а вторая – оценку деятельности и коммуникаций по количественным и качественным результатам. Термин «effectiveness» используется в качестве меры достижения наилучшего опыта (best practice) организации того или иного процесса как выбор верных целей, как концентрация максимальных усилий заинтересованных сторон.

В менеджменте одним из самых результативных инструментов управления считается система менеджмента качества (ГОСТ Р ИСО 37100-2018), в рамках которой эффективность рассматривается как продуктивная связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Созданы международные стандарты менеджмента качества с целью содействия развитию стандартизации всех видов деятельности в мире. ИСО 9000 – это пакет международных стандартов, принятых Международной организацией по стандартизации (ИСО) в марте 1987 г. Так, Госстандарт (Государственный комитет РФ по стандартизации, метрологии и сертификации) участвует в работе ИСО, т. е. является национальным членом ИСО. Стандарты задают норму, все заинтересованные стороны соглашаются с предложенными требованиями и стремятся максимальному их достижению при условии рачительного использования ресурсов¹.

Понятие эффективности в социологии базируется на теоретических

выкладках М. Вебера (полезные блага), К. Маркса (эффективность средств труда) и К. Поппера (эффективность общественного устройства). В русле воззрений М. Вебера выявляется линия осмысления эффективности социального действия через такие понятия, как полезность, легальность, ценность, и все они центрируются вокруг понятия «блага». М. Вебер считает принципиальным начинать осмысление любой социологической категории хозяйствования с понятия «блага». Благо для него связано с социальным действием, специфический смысл которого формируется в результате размышлений хозяйствующих лиц [2, с. 117]. Отсюда – многосложная веберовская классификация полезных благ: вещные (например, товар, деньги), материальные (потребности, удовлетворяющиеся путём создания или приобретения товаров), натуральные (нерыночный доход), идеальные (солидарность, ответственность, представительство и др.) По большому счёту, под полезными благами понимается весь спектр результата социального действия – целевого, целерационального, ценностно-рационального, хозяйственно ориентированного, политически ориентированного, классового, союзного, управленческого.

В русле воззрений Вебера современные социологи считают, что эффективность социального действия во многом зависит от степени его рационализации, а также от его продуктивного мониторинга и силы мотивации субъекта деятельности. Так, на взгляд Э. Гидденса, рефлексивный мониторинг олицетворяет самоконтроль, мотивация – потенциальные возможности субъек-

¹ Национальный стандарт Российской Федерации системы менеджмента качества // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200124393> (дата обращения: 22.02.2019).

та труда, а рационализация социального действия связана с проявлением практического и дискурсивного сознания индивида. Человек-деятель осуществляет преднамеренные действия, вступая в субъект-субъектные отношения, постепенно складывающиеся в устойчивые социальные практики. Главным основанием для достижения эффективности социального действия служит способность субъекта к рефлексивности, т. е. способность объяснять, контролировать и оценивать процесс и результаты деятельности как потока поведенческих проявлений активности человека. Преднамеренное действие может иметь различный резонанс: очевидный, общественно значимый результат или, наоборот, новый результат, не фигурировавший в первоначальных замыслах его создателей [2, с. 44–55].

Представители психологии труда соглашаются с социологами, что в настоящее время исследование проблем эффективности труда продолжается, что само понятие эффективности и её критерии в ходе непрекращающейся дискуссии неоднократно подвергаются трансформациям. Дискуссии не только связаны с выяснением поверхностного уровня конкретных процедур и методик измерения, но и затрагивают концептуальный уровень самого понимания эффективности, определения её места и роли в психологической структуре профессиональной деятельности и генезисе субъекта труда [6]. Ведутся исследования по выявлению эффективности психологических параметров трудовой деятельности. Например, российским исследователем С. Л. Ленковым разработана методика выявления эффективности психо-

логических параметров труда экономиста в контексте субъект-субъектных отношений, что составляет одну из важнейших детерминант психологической структуры рассматриваемого труда [5].

В социологии и политологии используется такой показатель, как «социальный эффект», демонстрирующий реакцию населения на социальный проект в диапазоне «одобрения / неодобрения», требующий правового регулирования [9]. Наиболее остро это проявляется в действиях транснациональных компаний. Специалисты говорят, что при всей привлекательности инвестиций, которые несут транснациональные компании в страны «третьего мира», такая форма производства чревата рисками. Мировые экономические акторы, пользуясь «правом первого», начинают устанавливать на территории национального государства свои правовые нормы. Немецкий теоретик У. Бек называет такую политику «авторитаризмом эффективности». Речь идёт о нерефлексивной форме самолегитимации, которая проявляется не через практику рационального самообоснования прав человека, а путём давления экспертов, нанятых «гильдией богачей» мировой экономики для отстаивания их интересов в национальных и международных комитетах [1, с. 202]. Руководители транснациональных компаний объясняют свои действия, аккумулирующие власть в регионе, стремлением к согласованию глобальных и национальных интересов. На самом деле такая позиция имеет и свою теневую сторону, т. к. мировые акторы не берут на себя ответственность перед общественной властью, не получают одобрения со

стороны населения демократическим путём. Под лозунгом «что хорошо для экономики, то служит созданию рабочих мест, а значит – стране» они занимаются саморегулированием в «серой зоне» между экономикой и политикой – там, где власть национального государства оказывается нелегитимной [1, с. 203–207].

Социально-философское понимание эффективности имеет комплексную природу, сочетающую в себе когнитивную установку, экономическую выгоду и социокультурный полезный результат. Традиция такого понимания эффективности заложена в концепции «практического дискурса» Ю. Хабермаса. Практический дискурс нужен для проверки и оправдания действительности предложенных норм. Эффективность проявится в том случае, если все участники коммуникации стремятся к согласованному решению. Будучи всегда «открытым», практический дискурс определяет темы и проблемы, которые предстоит разрешить. Открытость дискурса означает, что из внешнего мира в него привносятся резонансные темы, которые в ходе обсуждения подвергаются взаимной корректировке и в своем новом синтезе начинают способствовать достижению консенсуса [10, с. 163].

Как показывает сравнительный анализ критериев эффективности в воззрениях представителей разных сфер социогуманитарного знания, общим показателем для всех теоретиков является мера достижения наилучшего результата при рациональном использовании ресурсов. Общезначимой ценностью социальной эффективности считается то, что она несёт в себе объединяющее начало, выраженное в

согласовании интересов всех субъектов деятельности и акторов коммуникаций.

Однако видны и очевидные различия. В экономике критериями эффективности выступают информационные показатели – точность, экономичность и стандартизация производства. Это выражается в известной формуле: эффективность есть максимум производства продукции на единицу затраченных средств (средств производства и живого труда). Социологи акцентируют внимание на коммуникативном аспекте социальной эффективности, где субъект-субъектные отношения нацелены на способность индивида или группы осуществлять рефлексивный мониторинг процесса и результатов своей деятельности. В политико-правовой сфере социогуманитарного знания видится важным такой критерий, как «социальный эффект», отражающий интерактивные связи с населением. Психологов интересуют аксиологические вопросы психологической составляющей эффективности профессиональной деятельности.

Для изучения социальной эффективности видится полезным применение интегративного подхода. Важность интегративного подхода заключается во «встрече» смыслов разных наук. Каждая сфера социогуманитарного знания, раскрывая свои глубины, вступает в диалог с другими науками, и тем самым преодолевает собственную замкнутость и односторонность. Коммуницируя, представители каждой науки вынуждены ставить перед собой новые вопросы, каких до сих пор себе не задавали, высвечивая новые смысловые глубины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М.: Прогресс–Традиция; «Территория будущего», 2007. 464 с.
2. Бурухин С. С. Социальное действие и его эффективность // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 44–55.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: Высшая школа экономики, 2016. 445 с.
4. Зименкова Н. Н., Никонов Л. А. К вопросу об эффективности преподавания культурологии в военном вузе // Образование в пространстве культуры: сборник Тверь: Тверской государственный технический университет, 2018. С. 45–49.
5. Ленков С. Л. Психологическая типология профессиональной деятельности информационного характера // Психология и психотехника. 2012. № 4 (43). С. 72–83.
6. Ленков С. Л., Рубцова Н. Е. Тенденции изменений профессионального развития и подходов к его психологическому изучению // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 31–59.
7. Марыганова Е. А. Социальная эффективность: понятие и оценка // Ценности и интересы современного общества: материалы международной научно-практической конференции Ч. 1. М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2015. С. 34–37.
8. Михайлова Е. Е., Фашенко А. Н. Знание в системе ценностей современного общества и опасность риска // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 1 (17). С. 120–127.
9. Покровский О. В. К вопросу об эффективности правового регулирования противодействия коррупции в системе государственной гражданской службы // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 37–41.
10. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 415 с.

REFERENCES

1. Beck U. Vlast i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya [Power in the Global Age: A New Global Political Economy]. Moscow, *Progress–Traditsiya; Territoriya budushchego* Publ., 2007. 464 p.
2. Burukhin S. S. [Social Action and its Effectiveness]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 3, pp. 44–55.
3. Weber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, vol. 1. 445 p.
4. Zimenkova N. N., Nikonov L. A. [To the issue of the effectiveness of teaching culture studies in a military college]. In: *Obrazovanie v prostranstve kultury: sb* [Education in the Space of Culture: A Collection of Research Papers]. Tver, Tver State Technical University Publ., 2018, pp. 45–49.
5. Len'kov S. L. [Psychological typology of professional informational activity]. In: *Psikhologiya i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechniques.], 2012, no. 4 (43), pp. 72–83.
6. Len'kov S. L., Rubtsova N. E. [Trends in professional development and psychological approaches to its study]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Organizatsionnaya*

- psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational and Labour Psychology], 2017, vol. 2, no. 2, pp. 31–59.
7. Maryganova E. A. [Social Efficiency: Concept and Estimation]. In: *Tsennosti i interesy sovremennogo obshchestva: mat-ly mezhd. nauch.-praktich. konf.* [Values and Interests of Modern Society: Materials of the International Theoretical and Practical Conference]. Moscow, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 2015, issue 1, pp. 34–37.
 8. Mikhailova E. E., Fashchenko A. N. [Knowledge in the system of values of modern society and the danger of risk]. In: *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in Psychological and Pedagogical Research], 2010, no. 1 (17), pp. 120–127.
 9. Pokrovsky O. V. [To the issue of the effectiveness of legal regulation of combating corruption in the public service system]. In: *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process.], 2018, no. 5, pp. 37–41.
 10. Habermas J. *Vovlechenie Drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [The Inclusion of the Other. Studies in Political Theory]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 415 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурухин Святослав Сергеевич – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета, заместитель начальника инспекции Контрольно-счетной палаты г. Москвы;
e-mail: sviatoslav_sb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sviatoslav S. Burukhin – postgraduate student at the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University; Control Accounts Chamber of Moscow;
e-mail: sviatoslav_sb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бурухин С. С. Социальная эффективность в перспективе междисциплинарного анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 29 – 36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-29-36

FOR CITATION

Burukhin S. S. Social Efficiency from the Perspective of Interdisciplinary Analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 29 – 36.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-29-36

УДК (2.2019)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-37-46

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Левицкая А. А.¹, Майкова В. П.²

¹Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы является анализ социальной инноватики как особенности современного этапа научно-технического прогресса, которая стремится адаптировать сферу бизнеса к общечеловеческим ценностям и сократить разрыв между производственной деятельностью человека и социокультурными аспектами его жизни. Основное содержание исследования составляет анализ значимости инновационных внедрений в сферу производства и бизнеса, которые в условиях рыночной экономики затрагивают ценностные основания личности и общества, направляя их в сторону накопления денежных средств и тем самым подавляя развитие духовных ценностей. В этом случае связующим звеном становятся инновационные внедрения, позволяющие совместить производственную сферу с социокультурным развитием личности и общества. На основе анализа были сделаны выводы об особенностях современного этапа научно-технического прогресса, к которым следует относить объединение научных ценностей с гуманистическими принципами, социальный приоритет любой исследовательской деятельности, включение бизнес-сферы в общефилософскую систему знаний, её участие в формировании духовной культуры человека. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в понимании социальных инноваций как необходимого условия любой созидательной человеческой активности. Универсальные принципы духовного совершенствования, построения единой системы знаний на основе взаимодействия информации, всей познавательной активности человека и социума реализуются в ходе производственной деятельности предприятия и профессионального развития личности. Статья адресована специалистам в области социальной философии, философии образования, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: инновации в социальной сфере, социальное управление, система образования, инновационное развитие, социальная философия, философия инноваций, социально-культурное развитие, социальная деятельность.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF INNOVATIVE ACTIVITIES

A. Levitskaya¹, V. Maykova²

¹Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Bauman Moscow State Technical University

5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to analyze social innovation as a feature of the current stage of scientific and technological progress, which seeks to adapt the business sphere to universal values and reduce a gap between human production and socio-cultural aspects of life. The study mainly focuses on the analysis of the significance of innovative implementations in the sphere of production and business which in a market economy affects the value bases of an individual and society directing them towards the accumulation of funds and, thereby, suppressing the development of spiritual values. In this case innovative implementations become a link allowing to combine the production sphere with the socio-cultural development of the individual and society. Based on the analysis conclusions were made about the features of the current stage of scientific and technological progress, which should include the integration of scientific values with humanistic principles, social priority of any research activity, the inclusion of business into general philosophical system of knowledge, its participation in shaping the spiritual culture of man. The theoretical and practical value of the research lies in understanding social innovations as a necessary condition for any creative human activity. The universal principles of spiritual improvement, building a unified system of knowledge based on the interaction of the information got from the combined cognitive activity of an individual and society are realized in production and professional development of an individual. The article is aimed at experts in social philosophy, philosophy of education, lecturers in philosophy and postgraduate students.

Keywords: innovations in social sphere, social management, education system, innovative development, social philosophy, philosophy of innovations, welfare development, social activity.

В современных условиях мировых процессов глобализации и интеграции экономических систем, а также нового этапа научно-технического прогресса, связанного с развитием науки, техники, социальными изменениями, с модернизацией культурных и духовных ценностей, обозначились две группы изменений. В первом случае такие изменения проявляются на уровне взаимодействия и стремления к сотрудничеству в рамках определённой сферы жизни общества в междunarодных масштабах. Их можно оха-

актеризовать как количественные. Ко второму направлению следует отнести объединение различных сфер науки и общественной жизни в стремлении к достижению единых, универсальных целей и задач общефилософского характера. В состав задач включается духовное совершенствование личности и общества, построение единой системы знаний, в которую входят взаимодействие информации всех уровней познавательной деятельности индивидов, процесс перехода от выполнения практических конкретных функций

вненаучной жизни общества к единым общенаучным и общеполитическим принципам гуманизации знаний. Именно второе направление развития современного этапа научно-технического прогресса осуществляются на основе объединения научных ценностей с гуманистическими принципами, что позволяет определить социальный приоритет любой исследовательской деятельности.

Таким образом, в науке особое место занимают социально значимые и полезные проекты. На передний план выходит новая область знаний, позволяющая соединить научную деятельность и общечеловеческие ценности, – социальная инноватика. С её помощью необходимым условием любой созидательной человеческой активности становится социальная направленность и качественное преобразование целей, которые включают в себя стремление к общенаучным принципам на основе выполнения частных практических задач [5].

Изменения научно-технического прогресса затрагивают все сферы жизни общества и целенаправленно регулируются на государственном уровне. В этом случае органам государственной власти требуются комплексный подход к научным и техническим проблемам, а также достаточное количество финансовых средств, поскольку обеспечение фундаментальных проектов под силу только крупным корпорациям и государственным предприятиям. Научно-техническая политика государства представляется в виде одного из направлений социально-экономической политики. Она отражает цели, направления, способы и формы реализации научно-технической де-

ятельности страны, а также средства производственного освоения и реализации научно-технических достижений. Поскольку, одним из аспектов современного этапа научно-технического прогресса является социальная инновационная деятельность, в государственном регулировании НТП приоритетным направлением становится её внедрение во все сферы общественной жизни [7].

На этом этапе качественного преобразования всех сфер науки в «науку с приоритетом социальной функции» или «социально адаптированную науку» интересно наблюдать изменения в отдельных областях общественной жизни, т. е. как отдельно взятая исследовательская деятельность человека приспосабливается к универсальным ценностям общества.

Исследователи феномена инноваций в образовательной сфере выделяют следующие уровни их формирования:

- инновации макроуровня и уровня регионального, влияющие на общий экономический рост;
- инновации микроуровня (уровня образовательных организаций), непосредственно обеспечивающие прибыль.

Отмечается их связь как со степенью охвата образовательной сферы, так и с характером воздействия государства на неё. Широкий охват предполагает высокую интенсивность воздействия государственных органов и меньшую самостоятельность учреждений образования, противоположная ситуация характерна для узкого охвата [2]. Характер воздействия также может быть вариативен: прямое воздействие подразумевает использование

административных (директивных) мер, косвенное же вызывается мерами экономического характера.

Государственная инновационная политика на макроуровне характеризуется целевыми инвестициями в инновационный и в образовательный процессы наряду с другими областями, способствующими как развитию инновационного потенциала, так и созданию инновационной структуры. Инновационные процессы на макроуровне приводят к изменению ценности и потребительских качеств продукта или услуги, а значит, и изменению отношений потребителя [1; 4; 6]. Тем самым он серьёзно влияет на социально-экономические отношения в обществе, даже если и базируется только на научно-технических или технико-технологических инновациях. Инновационная политика, проводимая в единстве с процессом целенаправленных структурных изменений образовательной системы, оказывая воздействие на социальные, экономические и культурные составляющие, формирует общий благоприятный инновационный фон, создаёт важные условия инновационного развития [3].

Инновации уровня регионально-го направлены преимущественно на поддержание благоприятного образовательного климата через оказание поддержки тем структурам, чья деятельность напрямую связана с продвижением нововведений независимо от места их дислокации.

Инновации на микроуровне предполагают осуществление новаторской деятельности непосредственно в образовательных учреждениях. Обновление используемого образовательного продукта, являющегося основой пре-

доставляемых образовательных услуг, – важнейший параметр данного этапа. Системные изменения в деятельности образовательного учреждения также связаны с инновациями в области учебных специальностей как комплексов с необходимостью приобретаемых знаний, умений и навыков путём специальной подготовки, которые являются определяющими для конкретного вида деятельности в рамках заданной стандартами профессии [8, 10]. А это значит, что меняются или вновь создаются как структура, так и содержание учебного плана специальности, подвергается критической оценке не только набор читаемых учебных дисциплин, но и их объем, необходимый для освоения будущим специалистом в своей области. Часто важнейшим параметром инноваций на микроуровне становится ситуация на региональном рынке, включающем в себя конкретное образовательное учреждение. Повышение как уровня конкуренции, так и степени насыщенности образовательными продуктами данного рынка приводит к необходимости поиска новых рынков сбыта, тем самым расширяя поле деятельности образовательной организации.

Универсальным условием положительного существования общества является социальная стабильность. Стабильным обществом следует считать устойчиво развивающееся общество, функционирующее по отлаженной системе социальных изменений на основе механизма устойчивости. При этом важно отметить, что социальная стабильность не подразумевает неизменности и косности, наоборот, это система поиска адекватных решений на вызовы развивающегося общества

с учётом выявляемых противоречий. Следовательно, стабильность в обществе достигается путем своевременного выстраивания новых схем взаимодействия, воплощения социальных конфигураций в практической деятельности человека. Результативность и процессуальность системного знания дают возможность наблюдать социальную стабильность комплексно с точки зрения общенаучного подхода, одновременно рассматривая её философские, психологические, социально-экономические, политологические и другие аспекты. Таким образом, социальная стабильность является сложным, полифункциональным объектом исследования социальной философии, поскольку даёт возможность увидеть траекторию воздействия и векторы развития в информационной, социокультурной, политической, управленческой, феноменологической, аксиологической сферах изучения личности и общества.

Социальная стабильность отображается в конкретном состоянии социума, социальной группы, сообщества, института, которое может реализовать их эффективное функционирование и устойчивое развитие. Социальному пространству необходимо поддерживать стабильность своего состояния, обеспечивая оптимальный баланс интересов его субъектов. Исходя из этого, благополучие, стабильность, прогресс общества и государства в целом связываются с благосостоянием человека [9].

Так, ярким примером становится сфера бизнеса. Сама по себе экономика как отрасль науки ставит своей целью изучение стремлений общества к обладанию материальными и не-

материальными благами в условиях постоянно растущих потребностей. Соответственно, в сфере экономики производство материальных и нематериальных благ направлено на их обмен в целях удовлетворения потребностей. Рыночная экономика как результат капиталистической экономической системы ставит человека в условия всё большего накопления денежных средств, что приводит к смене ценностей и жизненных ориентиров общества. Деятельность отдельного человека и общества в целом направлена на производство и потребление, в связи с чем значительно страдает духовность, теряются общенаучные и общекультурные взаимосвязи в общественной жизни.

В этих условиях на помощь приходит социальная инноватика, которая стремится адаптировать сферу бизнеса к общечеловеческим ценностям и сократить разрыв между производственной деятельностью человека и социокультурными аспектами его жизни.

В современной научно-исследовательской литературе принято выделять следующие проходящие в определённой последовательности этапы инновационной деятельности:

- этап открытия как процесс формирования инновационной концепции на основе результатов научных исследований как прикладных, так и фундаментальных;
- этап изобретения как процесс создания образца (некого материального или духовного объекта);
- этап апробации как процесс частичного применения с целью осмысления последствий и доработки;
- этап распространения как процесс широкого внедрения;

– этап расширенного применения, как период повсеместного использования;

– этап сокращения масштабов применения как процесс постепенной замены старого новым.

Производственная деятельность любого предприятия связана с человеческими ресурсами. Если работодатель будет рассматривать своего работника лишь как производительную силу, требуемую для достижения желаемого (в данном случае обогащения за счёт использования максимальных трудозатрат с минимально допустимой оплатой), совершенно не принимая во внимание значимости каждого человека в общей работе предприятия, возможности такого производства крайне ограничены. В случае, когда работодатель ставит на первое место развитие способностей своих сотрудников и стремится обеспечить им комфортные условия производственной деятельности, предприятие повышает свои возможности и конкурентоспособность в условиях рыночной экономики в долгосрочной перспективе. Следовательно, социальная деятельность предприятия выполняет следующие функции:

- стимулирующую;
- воспроизводственную;
- морально-этическую;
- консолидирующую;
- воспитательную;
- ретрансляционную;
- развивающую.

Социальная деятельность организации выстраивается в зависимости от факторов внешней и внутренней среды. В первом случае к внешним условиям относятся: актуальное состояние рынка труда, деятельность профсоюзных организаций, государствен-

ная социальная политика и основные векторы мировой социально-экономической политики. Важное место занимают отношения человека в ходе его общественной жизни, потребностей и удовлетворения их материальными и духовными благами.

Второй аспект социальной деятельности организации – это внутренние социальные условия самой организации: использование рабочей силы (условия организации труда, профессиональной квалификации) и воспроизводство рабочей силы (условия жизни, быта, досуга, условия изменения профессиональной компетентности, ротация кадров и т. п.).

Следует отметить, что в первую очередь человек нуждается в удовлетворении духовно-нравственных, морально-этических, общекультурных потребностей, а также социальных условий жизни, труда, психологического и физического здоровья.

В целом социальные условия – это не что иное, как социальная среда, оказывающая влияние на функционирование организации, а социальная деятельность – это реагирование организации на влияние социальной среды, важнейшим способом реагирования является управление социальным развитием, которое направлено на создание социальных условий профессионального развития персонала, что включает в себя: гуманизацию труда (как важнейшее условие развития персонала) и обеспечение качества трудовой жизни (развитие социальной инфраструктуры).

Таким образом, следует определить социальную деятельность организации как деятельность, направленную на развитие и совершенствование ус-

ловий использования и воспроизводства человеческого капитала. Социальная деятельность – это изменение организацией социальных условий своего персонала. При этом организация может изменять эти условия спонтанно или целенаправленно.

Государственный контроль над социальными инновациями в научно-технической сфере становится повсеместным, поэтому информация о социальной деятельности на предприятиях приобретает общедоступный характер. При этом, помимо повсеместного улучшения условий жизни, труда, развития способностей и приобретения профессиональных знаний, есть множество примеров инновационных социальных мероприятий, способствующих развитию духовной сферы работников на основе выбранного направления труда. Так, на предприятии КБ ХИММАШ им. А. М. Исаева, специализирующем на производстве ракетных двигателей, был создан музей истории предприятия, ракетных двигателей и истории г. Королёв. ОАО «Ракетно-космическая корпорация Энергия» им. С. П. Королева на своей странице в интернете опубликовала План инновационного развития на 2011–2020 гг., где в качестве социальных инноваций предлагается формирование условий для непрерывного образования специалистов путём создания корпоративного института и включения в программу обучения «Бизнес-менеджмента». Ещё одним ярким примером социальной деятельности в области инноватики, примером социальной ответственности бизнеса можно считать покупку В. Вексельбергом крупнейшей частной коллекции изделий Карла Фаберже,

чтобы затем выставлять их в Кремле или Храме Христа Спасителя для народного просвещения. Помимо этого, в сфере бизнеса становится правилом прохождение разнообразных тренингов сотрудниками компаний. Такие тренинги ставят своей целью развитие нестандартного мышления, стрессоустойчивости и мотивации к саморазвитию в рамках курсов по управлению персоналом, психологии личности, усовершенствованию корпоративных взаимоотношений, проведении лекций по истории искусств и посещения музеев и выставок. Популярность приобретает и коучинг, в рамках которого тренер мотивирует человека на достижение поставленных им самим целей, задач, не давая готовых решений.

Работодателю как успешному и грамотному бизнес-менеджеру, способному адекватно оценивать потенциал предприятия и риски, выгодно стимулировать и мотивировать персонал на активное развитие собственных возможностей, как относящихся к профессиональной деятельности, так и затрагивающих их личностное развитие. В таком случае, согласно экономической стратегии предприятия, в условиях непрерывного производства работник приобретает профессиональные навыки, которые дополняются накопленными знаниями в привлекательных областях науки, искусства, культуры. Аккумуляция значительного количества информации даёт возможность ощущать себя на уровне последних достижений научно-технического прогресса, развивая собственную духовность и творческие способности. Совмещение непрерывной профессиональной деятельности с готовностью к творчеству и самостоятельным не-

стандартным решениям, соотнесённым с активной жизненной позицией на основе осознанного мировоззрения, создаёт личность, деятельность которой направлена на усовершенствование и качественное преобразование зависящего от неё направления производства. Соответственно, если на предприятии создаются подобные условия для развития потенциала его работников, такое производство не только получает увеличение прибыли, но и повышает свою конкурентоспособность, производительность труда; совершенствует процесс производства, решаются вопросы кадровой политики, связанные с преобладанием квалифицированных и стрессоустойчивых сотрудников, а также создаются условия для привлечения инвестиций, иными словами, происходят планомерный и полноценный рост капитализации и оздоровление общего финансового состояния предприятия за счёт развития человеческих ресурсов.

Но социальная инноватика как основная черта современного этапа развития научно-технического прогресса позволяет не только совершенствовать экономику и приносить бизнесу прибыль, не только развивать государственную социальную политику, но и выводит экономическую сферу жизни

на новый уровень. Качественные изменения заключаются в переходе от решения практических частнонаучных задач экономики, т. е. обеспечения потребностей материальными и нематериальными благами, к универсальным гуманистическим принципам. Благодаря социальной инноватике бизнес перестаёт рассматриваться только как сфера обогащения и накопления капитала, а становится базой для роста и духовного развития личности и общества.

Универсальные принципы духовного совершенствования, построения единой системы знаний на основе взаимодействия информации всей познавательной деятельности человека и социума реализуются в ходе производственной деятельности предприятия и профессионального развития личности. Управленческая и деловая сферы становятся включенными в общефилософскую систему знаний, поскольку с помощью происходит формирование духовной культуры человека (работника, работодателя, личности), общества и государства в целом [11]. И именно это дает возможность охарактеризовать значимость социальной инноватики на современном этапе научно-технического прогресса и развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрашкин М. С. Факторы развития и повышения наукоёмкости промышленных предприятий // Вопросы региональной экономики. 2015. № 1 (22). С. 111–119.
2. Воронина Е. В. Инновационный проект образовательного учреждения: опыт описания инновационных проектов школ для участия в приоритетном национальном проекте «Образование». М., 2008. 363 с.
3. Евреева О. А., Кочеткова Л. Н. Образование в контексте современного социального дискурса // Социальная политика и социология, 2016. Т. 15. № 1 (114). С. 88–95.
4. Зайцева Л. А. Философия инноваций: инновационные технологии – архитекторы будущего. // Инновационные стратегии. Труды Всероссийской научной конференции развития науки, техники и общества. Социальная инноватика – 2014». 2014. С. 32–35.

5. Истрофилова О. И. Инновационные процессы в образовании. Нижневартонск: Издательство Нижневартонского государственного университета, 2014. 133 с.
6. Кузьменко Г. Н. Мировоззренческие основания социальных инноваций // Социальная политика и социология. 2011. № 5 (71). С. 13–18.
7. Лебедев С. А., Ковылин Ю. А. Философия научно-инновационной деятельности. М., 2012. 182 с.
8. Соколов С. В., Орлова Е. А., Купреев Ю. В. Сущность и значение инновационного фактора в механизме стратегического управления промышленным предприятием // Вопросы региональной экономики. 2015. № 1 (22). С. 157–162.
9. Старостин А. М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. М., 2013. 368 с.
10. Щедровицкий П. Г. Горизонты инновационного движения в современном отечественном образовании // Инновационное движение в российском школьном образовании. М., 1997. С. 61–78.
11. Бакурадзе А. Б., Бондарева Я. В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.

REFERENCES

1. Abrashkin M. S. [Development factors and improving knowledge-intensity of industrial enterprises]. In: *Voprosy regionalnoi ekonomiki* [The questions of regional economy], 2015, no. 1 (22), pp. 111–119.
2. Voronina E. V. *Innovatsionnyi proekt obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: opyt opisaniya innovatsionnykh proektov shkol dlya uchastiya v prioritetnom natsional'nom projekte «Obrazovanie»* [The Innovative Project of Educational Institution: Experience in the Description of Innovative Projects of Schools for Participation in the Priority National Project «Education»]. Moscow, 2008. 363 p.
3. Yevreyeva O. A., Kochetkova L. N. [Education in the Context of Contemporary Social Discourse]. In: *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. 2016, vol. 15, no. 1 (114), pp. 88–95.
4. Zaitseva L. A. [Innovation Philosophy: Innovative Technologies – The Architects of the Future]. In: *Trudy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Innovatsionnye strategii razvitiya nauki, tekhniki i obshchestva. Sotsialnaya innovatika – 2014»* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference «Innovative Development Strategy of Science, Technology and Society. Social Innovation – 2014»], 2014, pp. 32–35.
5. Istrofilova O. I. *Innovatsionnye protsessy v obrazovanii* [Innovative Processes in Education]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2014. 133 p.
6. Kuzmenko G. N. [Ideological foundation of social innovation]. In: *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2011, no. 5 (71), pp. 13–18.
7. Lebedev S. A., Kovylin Y. A. *Filosofiya nauchno-innovatsionnoi deyatel'nosti* [The Philosophy of Research and Innovation Activity]. Moscow, 2012. 182 p.
8. Sokolov S. V., Orlova E. A., Kupreyev Y. V. [The nature and significance of the innovation factor in the mechanism of strategic management of industrial enterprise]. In: *Voprosy regionalnoi ekonomiki* [The Issues of Regional Economy], 2015, no. 1 (22), pp. 157–162.
9. Starostin A. M. *Filosofskie innovatsii v kognitivnom i prakseologicheskom kontekste* [Philosophical Innovations in Cognitive and Praxiological Context]. Moscow, 2013. 368 p.
10. Shchedrovitsky P. G. [Horizons of innovative movements in modern Russian education]. In: *Innovatsionnoe dvizhenie v rossiiskom shkolnom obrazovanii* [Innovative movement in Russian school education]. Moscow, 1997, pp. 61–78.

11. Bakuradze A. B., Bondareva Ya. V. [Axiological foundations of the evolution of management]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 26–38.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левицкая Александра Александровна – соискатель кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: dafna_89@mail.ru

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры педагогики, психологии, права, истории и философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: valmaykova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Levitskaya – PhD applicant at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: dafna_89@mail.ru

Valentina P. Maykova – Doctor of Philosophy, professor at the Department of Pedagogy, Psychology, Law, History and Philosophy of Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: valmaykova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Левицкая А. А., Майкова В. П. Социально-философские основания инновационной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 37 – 46.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-37-46

FOR CITATION

Levitskaya A. A., Maykova V. P. Social and Philosophical Foundations of Innovative Activities. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 37 – 46.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-37-46

УДК 130.123

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-47-54

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Майкова Н. О.¹, Майков А. И.²

¹Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является выявление проблематики нарастания угроз духовным первоосновам личности и общества и определение наиболее важных стратегий создания и развития глобальной интеграционной модели общественного бытия. Основное содержание исследования составляет анализ современного российского общества, претерпевающего разного рода потрясения и потому постоянно испытывающего угрозу безопасности сохранения духовного здоровья. Методологией исследования выступают системный и аксиологический подходы к анализу процессов, определяющих духовно-нравственное развитие личности. Введены авторские редакции таких понятий, как «духовное здоровье», «духовная безопасность общества», «духовно-нравственное развитие личности», где связующим звеном в цепи индикаторов духовного здоровья общества выступает духовная безопасность. В заключение сформулированы предложения по сохранению духовного здоровья общества, которое должно содержать в своей структуре аспекты здорового образа жизни, поддержания духовного здоровья и сохранения общей жизнеспособности. Статья адресована специалистам в области социальной философии, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: безопасность жизни, духовное здоровье, общество, угрозы и вызовы духовной безопасности, здоровый образ жизни.

INDIVIDUAL'S SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF SAFETY

N. Maikova¹, A. Maikov²

¹Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Bauman Moscow State Technical University
5, 2nd Baumanskaya st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to identify the problems of growing threats to the spiritual roots of the individual and society and to identify the most important strategies for creating and developing a global integration model of social being. The main content of the study is an analysis of modern Russian society, which undergoes various shocks and therefore is constantly threatened with the safety of preservation of spiritual health. Author's editions of such concepts as spiritual health, spiritual security of society, spiritual and moral development of the individual have been introduced, where spiritual security acts as a link in the chain of indicators of spiritual health of society. In conclusion, they formulated proposals for the preservation of the spiritual health of society, which should contain in its structure aspects of a healthy lifestyle, maintaining spiritual health and maintaining general vitality.

Keywords: life safety, spiritual health, society, threats and challenges to spiritual security, healthy lifestyle.

Потребность в безопасном существовании, в определении границ личного и общественного, в принятии общественных норм или отказе от них строится на фундаменте нравственно-целевых ориентиров, среди которых сохранение биологической основы жизни, культурологического мироощущения воспринимаются естественными компонентами социального, формируемого в семье, обществе и государстве. Так, А. В. Коршунов отмечает: «...потребность в безопасности предполагает стремление к защите от неблагоприятных воздействий извне и резких внутренних изменений, и это стремление распространяется на все формы бытия человека, начиная от защиты самого себя и своей семьи, и заканчивая обществом в целом» [7].

Прогресс общественного развития во многом облегчил задачу выживания человечества, сконцентрировав основные его стратегии лишь в отношении военной безопасности. При этом общество и каждый конкретный индивид столкнулись с проблемой падения общественных нравов, отказа от морали как наиболее сложного многоаспектного явления, что, в свою

очередь, не могло не повлиять на изменение духовного облика нации, народа и государства в целом.

Достижение задачи безопасного существования социума и отдельных его индивидов может включать различные стратегии, наиболее важными из которых являются:

1. Стратегия обеспечения безопасности, включающая механизм защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства.

2. Стратегия соблюдения определенных техник (правил) безопасности как состояния, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу, окружающей среде.

Угроза духовной безопасности видится в совокупности глобальных факторов, потенциально опасных для духовной сферы личности, общества и государства, и определяется через внешнее мировое и внутреннее трансформационное воздействие на социокультурные и морально-нравственные ценности общества.

При этом на современном этапе общество постоянно подвергается ри-

скам интеграции, и опасность таится как собственно в изменении жизненных устоев, так и в косности, отказе от каких-либо перемен.

Наличие рисков для духовного здоровья общества и индивида опосредует возможность формирования нового направления, имеющего социально-философскую и культурологическую канву. Для сохранения духовной безопасности общества требуются создание и развитие глобальной интеграционной модели общественного бытия, содержащей в своей структуре аспекты здорового образа жизни, поддержания духовного здоровья и сохранения общей жизнеспособности.

Разными направлениями науки достаточно глубоко исследована специфика духовной безопасности с точки зрения её конфессионального содержания. В этом отношении интерес представляют научные воззрения на процессы личностного развития под влиянием религиозного сознания, на формирование изменённого сознания под влиянием деятельности сектантских организаций, влияние фактора государственно-конфессиональной политики, направленной на оздоровление межконфессионального взаимодействия по защите интересов и свобод граждан России [5].

Представляется, что современная культурная среда тесно переплетена с религиозными течениями, оказывающими полярное влияние на самосознание конкретного индивида. Нередко попытка овладения религиозным знанием содержит экзистенциальный конфликт личности, поскольку не предоставляет ей возможности выбора, а предопределяется самим фактом обращения к учению.

Вместе с тем ни одна религия не отрицает возможного поиска и не отвергает страждущего в его духовном поиске. Нередко храм Божий становится последним прибежищем потерянной души, обеспечивая безопасность существования и выживания в жестоком и несправедливом мире, предлагая помощь и участие и находя моральные средства поддержки для человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию.

Этика данного участия не предполагает представления документального подтверждения какого-либо права на оказание помощи: страдающая душа обращается лично и получает столько, сколько в состоянии принять. В ряде случаев эта помощь способна объективировать проблему конкретного человека и стать опорой в его духовном оздоровлении для продолжения жизненного пути.

Исследователи отмечают, что «интерес к человеку и понимание его как «малого космоса» были свойствен русской духовной культуре изначально» [2, с. 112]. Православные священники Алексей Бабурин и Валентин Жохов в публичном обращении к верующим дают такое пояснение страдания тела и духа: «Болезнь может служить духовному росту человека, но только тогда, когда она становится вольным страданием – подвигом, в котором больной человек сознательно, в соответствии с Божественной волей соглашается переносить страдания. Тем самым человек обнаруживает добродетель терпения, смирения и послушания, которая не остается без награды: во-первых, Господь по молитвам болящего и его близких облегчает страдания больного

вплоть до чуда исцеления; во-вторых, Господь посылает врача» [11].

Понятие «духовная безопасность» представлено П. Н. Беспаленко в самом широком понимании как качественная характеристика общества, для которого состояние духовности является важным критерием функциональной согласованности основных социальных институтов, идеологии и культуры [1].

А. С. Запесоцкий сводит понятие духовной безопасности к системе условий, позволяющих культуре и обществу сохранять свои жизненно важные параметры в пределах сложившейся нормы [6].

Таким образом, духовная безопасность выступает связующим звеном в цепи индикаторов духовного здоровья общества, поскольку определяет проблемные аспекты социо-культурного и морально-нравственного развития в конкретный исторический и временной период.

Представляется, что все социальные институты общества, в которые вовлечён индивид, оказывают определенное воздействие на его духовное здоровье, либо наполняя его новыми смыслами, либо насаждая в нем панику и смуту. От того, в каком ключе выстроена его семейная, профессиональная и общественная жизнь, зависит итог общего взаимодействия индивидов и общества в формировании устойчивых тенденций к сохранению духовного здоровья.

Духовная безопасность зиждется на культурологическом контексте, поскольку общество способно воспроизводить усвоенные и принятые им ценности, традиции и обычаи посредством закрепления на культурных

носителях: книгах, писаниях, музыке, этических учениях, национальных языках, религиозных догматах [9].

Потеря или разрушение культурных основ – это одновременно потеря и разрушение духовной жизни общества, его самобытности и уникальности в конкретно-историческом периоде. Недопущение фактического разорения культурных традиций и реликвий, предотвращение фактической гибели культурного наследия – задачи глобального социально-политического масштаба и конкретной личности.

Современное российское общество, претерпевающее политэкономические и культурные потрясения, за счёт проникновения в его основы новых направлений и веяний мировой культуры постоянно испытывает угрозу безопасности сохранения духовного здоровья, а значит, обязано мобилизовать силы и ресурсы для сопротивления таким угрозам и укрепления нравственных основ в целях самосохранения.

Духовность отражает смысловую наполняемость жизни человека и противостоит социальности в той мере, в какой социальность корыстна и бездуховна [10]. При этом духовное здоровье – это потребностное и деятельностное качество человека, определяющееся внутренними культурными и морально-нравственными ценностями, проявляющимися в здоровом образе жизни и отношениях с людьми [3].

В образе жизни конкретного индивида проявляются взаимосвязь и взаимодействие коллективного и индивидуального, общественного и личного, диалектического единства социально-типичного и индивидуально неповто-

римого в поведении, общении и складе мышления.

М. Я. Виленский и М. М. Борисов подчеркивали, что «здоровый образ жизни должен быть осознан личностью как наиболее рациональный и оптимальный в конкретных условиях, как жизненная необходимость» [4]. При этом поддержание здорового образа жизни зависит от культурологических связей общества и личности, исторического контекста и сохранения человеческого наследия.

Социум может формировать установки, недостижимые для личности на определённом этапе, например критерии модельной красоты. При этом поддержание прекрасного самочувствия не только не требует от индивида непосильных жертв, но напрямую зависит от его душевного здоровья, понимания собственной ценности и стойкости к социальной нетерпимости. Его ценностные ориентации и будут выражать внешнюю линию поведения, направленную к достижению цели укрепления здоровья.

Г. Олпорт, размышляя о душевном здоровье, писал, что в отличие от незрелой личности зрелая личность функционирует автономно, её мотивы осознанны и уникальны [12].

А. Маслоу подчёркивал, что душевно здоровый человек внутренне независим от окружения, он сам решает, стоит ли ему противостоять среде, пренебрегать ею или адаптироваться к ней [8].

Кроме того, наукой выделяется четыре показателя душевного здоровья [11]:

1) наличие жизненных целей и установок, определённых экзистенциальным поиском смыслов;

2) сознательная и вариативная деятельность, направленная на реализацию целей;

3) достижение заявленных целей;

4) оценка достигнутого результата.

Показатель жизненных целей и установок выявляет конкретные мотивации индивида, необходимые для поддержания его духовного здоровья, поскольку выражают его субъективные потребности и наделены определёнными смыслами. Потребности, формируемые индивидом, могут быть связаны как с удовлетворением повседневных бытовых нужд или глобальной цели приобретения недвижимости, так и с усвоением новых знаний, опыта, обретением веры. При утрате смыслов формируется экзистенциальная фрустрация.

Показатель сознательной деятельности, направленной к достижению заявленных целей, является важным свидетельством душевного здоровья индивида, поскольку отказ от их реализации в ситуации отсутствия прямого и простого пути останется лишь благим намерением, реакцией слабого духа [13].

Показатель достижения заявленных целей определит уровень субъективного комфорта, наслаждения успехом и укрепит дух победы. Проблемы в достижении целей, состоящие в долгом сроке их ожидания, внешних препятствиях, требующих дополнительных усилий и ресурсов, на данный показатель влияния не оказывают, поскольку возникают объективно. Вместе с тем отсутствие успеха может свидетельствовать о неправильно выбранных целях или ресурсах для их достижения.

Оценка достигнутого результата производится на завершающем этапе. Успех в достижении определённой цели мог быть связан с наличием дополнительных стимулов и требовать слишком больших затрат. Например, ресурс биологического здоровья исчерпан годами непрерывных переработок, и индивид вынужден восстанавливать подорванное здоровье

вместо того, чтобы наслаждаться достигнутой целью.

Таким образом, сохранение физического и душевного здоровья является наиболее важным фактором на пути к достижению жизненных целей. При отсутствии жизненных ресурсов постановка значимых целей сводится к невозможности их достижения и упадку духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность: политологический анализ. Ростов-на-Дону, 2009. 176 с.
2. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Проблема человека в русской духовной культуре XII–XVII веков: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2017. № 3. С. 112–127.
3. Бондарева Я. В., Пилюшенко А. В. Ценностно-смысловые основы здорового образа жизни личности // Сибирский учитель. 2016. № 1 (104). С. 9–13.
4. Виленский М. Я. Здоровый образ жизни в процессе профессиональной подготовки будущих учителей // Проблемы физического состояния и работоспособности детей и молодежи: материалы конференции. М.: Кнорус, 1994. 240 с.
5. Даниленко О. И. Душевное здоровье как динамическая характеристика индивидуальности // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 52–59.
6. Запесоцкий А. С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности // Педагогика. 2002. № 2. С. 3–8.
7. Коршунов А. В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 121–126.
8. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. 351 с.
9. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 12–16.
10. Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как цели курса развития современного образования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 23–28.
11. Некрасова Т. А. Здоровый образ жизни в контексте современного социологического знания // Сервис plus. 2012. № 4. С. 20–27.
12. Олпорт Г. Становление личности. М.: Смысл, 2002. 462 с.
13. Переверзева Э. В., Филиппова С. Н., Белых С. И. Здоровый образ жизни как проявление культуры здоровья человека // Вестник РАМТ. 2016. № 3. С. 128–138.

REFERENCES

1. Bepalenko P. N. Dukhovnaya bezopasnost: politologicheskii analiz [Spiritual Security: Political Analysis]. Rostov-on-Don, 2009. 176 p.
2. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [The problem of man in the Russian spiritual culture of the 12th – 17th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo*

- gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 3, pp. 112–127.
3. Bondareva Ya. V., Pilyushenko A. V. [Value-semantic basis of healthy lifestyle of the individual]. In: *Sibirskii uchitel* [Siberian Teacher], 2016, no. 1 (104), pp. 9–13.
 4. Vilensky M. Y. *Zdorovyi obraz zhizni v protsesse professional'noi podgotovki budushchikh uchitelei* / In: *Problemy fizicheskogo sostoyaniya i rabotosposobnosti detei i molodezhi: materialy konferentsii* [Healthy Lifestyle in Teachers' Training/ In: The Issues of Physical Condition and Health of Children and Youth: The Proceedings of the Conference]. Moscow, Knorus Publ., 1994. 240 p.
 5. Danilenko O. I. [Mental health as a dynamic characteristic of individuality]. In: *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and Historical Psychology], 2012, no. 2, pp. 52–59.
 6. Zapesotsky A. S. [Humanitarian education and the problem of spiritual security]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2002, no. 2, pp. 3–8.
 7. Korshunov A. V. [The problems of study of the spiritual security of the Russian society in modern academic literature]. In: *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical, Social and Educational Thought], 2013, no. 2 (18), pp. 121–126.
 8. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, 1999. 351 p.
 9. Maikova V. P., Molchan E. M. [Spirituality as a factor of stability of social systems]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 12–16.
 10. Maikova V. P., Molchan E. M. [Spiritually-moral values as an objective course of development of modern education]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 23–28.
 11. Nekrasova T. A. [Healthy lifestyle in the context of modern sociological knowledge]. In: *Servis plus*, 2012, no. 4, pp. 20–27.
 12. Olport G. *Stanovlenie lichnosti* [The personality]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 462 p.
 13. Pereverzeva E. V., Filippova S. N., Belykh S. I. [Healthy lifestyle as a manifestation of the culture of human health]. In: *Vestnik RAMT* [RAMT Bulletin], 2016, no. 3, pp. 128–138.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Нина Олеговна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: maini1@mail.ru

Майков Андрей Игоревич – кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной математики Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: shtuder@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina O. Maykova – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: maini1@mail.ru

Andrey I. Maykov – PhD in Technical Sciences, associate professor at the Department of Applied Mathematics, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: shtuder@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Майкова Н. О., Майков А. И. Духовно-нравственное развитие личности как фактор безопасности существования человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 47 – 54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-47-54

FOR CITATION

Maykova N. O., Maykov A. I. Individual's Spiritual and Moral Development as a Factor of Safety. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 47– 54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-47-54

УДК 141.31

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Молчан Э. М.*Сергиево-Посадский институт игрушки**141310, Московская обл., г. Сергиев Посад, Северный проезд, д. 5, Российская Федерация*

Аннотация: Целью работы является исследование влияния цифровизации, которая сформировала тенденцию к образованию единого мирового виртуального пространства со своей культурой потребления, на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в социальных системах. Методологией исследования выступают системный, информационный, аксиологический подходы и социально-философский анализ актуальных проблем виртуальной реальности. Проведённый анализ показал, что в постнеклассическую эпоху создаётся множество новых цифровых форм бытия. Они в каком-то смысле являются автономными цифровыми мирами, требующими собственных виртуальных пространств, в то же время стремящимися не утрачивать связи с социальными системами. В результате исследования установлено, что интернет и другие средства цифровизации мирового сообщества создают виртуальную реальность и, принципиально изменяя смысл социокультурных коммуникаций, привносят с собой неизвестную, новую систему мнимых ценностей в современное общество, в результате чего меняются мир ценностей человека, его отношение к окружающему миру. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что автору удалось установить, что увеличивающийся поток информации дает эффект усиления её воздействия на социальные системы, который, с одной стороны, может привести к непредсказуемым глобальным проблемам, а с другой стороны, делает возможным переосмысление ценностей личности. В перспективе это может развернуть личность в сторону переоценки мировых ценностей и сформировать новые требования к ценностному основанию социальных систем. Статья адресована специалистам в области социальной философии, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: виртуальное интернет-пространство, духовно-нравственные ценности, социализация, цифровизация, социальные системы, социальное бытие, средства массовой информации, диалогическое взаимодействие, личность.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF THE SUBJECTS OF INTERACTION IN GLOBAL AGE

E. Molchan

Sergiyev-Posad Toy Institute

5, Severnyy proyezd, Sergiyev Posad, 141310, Moscow Region, Russian Federation

Abstract: The article considers the influence of digitalization which formed a tendency to the formation of a single global virtual space with its own consumer culture on the formation of spiritual and moral values of the subjects of interaction in social systems. The research methodology includes systematic, informational, axiological approaches and a socio-philosophical analysis of the current problems of virtual reality. The attention is focused on the fact that many new digital forms are being created. On the one hand, they are a kind of autonomous digital worlds that require their own virtual spaces, and on the other hand they strive not to lose their connection with social systems. The study proves the Internet and other means of digitalization of the world community create a virtual reality and fundamentally change the meaning of socio-cultural communications bringing an unknown, new system of alleged values into modern society and thus changing the world of human values and attitudes. The theoretical and practical value of the study lies in the fact that the author managed to prove that the increasing flow of information enhances its influence on social systems, which may cause unpredictable global problems as well as reconsideration of human values. In perspective this process would turn the personality towards the revaluation of world values and formulate new requirements for the value basis of social systems. The article is intended for experts in social philosophy, lecturers in philosophy and postgraduate students.

Keywords: virtual Internet space, spiritual and moral values, socialization, digitalization, social systems, social being, media, dialogical interaction, personality.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Глобализационные процессы в современном мире, обусловленные воздействием СМИ и виртуального интернет-пространства, коснулись современного российского общества. Социальные изменения под влиянием цифровизации в российском обществе детерминированы состоянием неопределённости, виртуализации образовательной системы и социума. Деятельность социальных институтов, задающих векторы развития на ближайшие десятилетия, трансфор-

мируется под воздействием глобализационных процессов цифровизации. Образовательная система, координирующая условия развития духовно-нравственных ценностей современного общества и являющаяся определяющей в современной социокультурной ситуации, подвергается трансформации под влиянием цифровизации социальной реальности. Вопрос о необходимости проведения теоретико-прикладных и эмпирических исследований в социальной философии и определении роли процессов цифровизации в формировании духовно-нравственных

ценностей в образовательной системе Российской Федерации является актуальным и открытым.

С развитием цифровизации экономических и образовательных процессов социальные отношения личности перешли в виртуализированное диалогическое взаимодействие, которое является более доступным, не требует дополнительных усилий, накладывает отпечаток на социальные отношения, разрушая стереотипы поведения и ценности социальных систем, и всё более предпочитается реальному. Виртуализированное диалогическое взаимодействие в интернет-пространстве представлено в трёх сферах личности: когнитивной, аффективной и ценностно-мотивационной.

Когнитивная сфера современного поколения характеризуется высоким уровнем развития диалогического взаимодействия в виртуальном интернет-пространстве, однако в реальной жизни определяется неспособностью налаживать отношения. Аффективная сфера раскрывает эмоциональную сторону личности, выделяет её самость, а в реальной жизни проявляется как результат неуверенности и замкнутости, уход из социальной жизни в виртуальную реальность. Ценностно-мотивационная сфера характерна быстрой сменой ценностей, поиском нового, нежеланием заниматься одним и тем же, одной профессией. Изучая виртуальное интернет-пространство и виртуальные сообщества, выделим существенные характеристики современного пользователя сети: направленность на успех; умение взаимодействовать в сети; подчёркивание значимости собственного «Я»; акцентуация на ближайшую перспективу [10].

Исследование процессов цифровизации позволяет детально изучить социализацию, формы и способы виртуальных взаимодействий субъектов. Непосредственно встает вопрос о возможности или невозможности формирования духовно-нравственных ценностей в виртуальном интернет-пространстве. Какие ценности современных виртуальных сообществ может формировать современная интернет-сеть? Какова ценность современной интернет-сети? Действительно ли виртуальное пространство интернет-сети формирует ценности? Рассматривая эти вопросы необходимо проанализировать процесс цифровизации социального пространства и определить роль личности в этой деятельности [13].

Многие исследователи общей теории сетевой коммуникации (Аракелян С. М., Троегубов Ю. Н., Реснянской Л. Л., Кончаковский Р. В., Ростовцева М. В., Стрекалова Н. Б., Шахмартова В. В.) отмечают, что видоизменение статуса и роли духовно-нравственных ценностей к началу XXI в. происходило за счёт бурного и мощного развития информатизации образования, использования современных информационных технологий, а также возросшей потребности современного человека постоянно совершенствоваться в изменяющемся мире не только информации, но и управленческой деятельности [1; 2].

Виртуализация социальных процессов происходит в результате перехода ценностно-содержательной информации в цифровой формат. Возникает эффект фантомности виртуализированных социальных процессов. Они есть, когда присутствуют компью-

терные сети, их функционирование ограничено виртуальным интернет-пространством. Виртуализированные ценности по своей структуре мнимые и находятся в когнитивно-эмоциональной сфере. Ценностями современной интернет-сети выступают информация и материальные блага [12, с. 53]. В современных виртуальных сообществах преобладают мнимые ценности. Для формирования духовно-нравственных ценностей необходимы реальное социальное пространство, диалогические взаимодействия субъектов на уровне поведения. Соприкосновение ценностей субъектов образовательной деятельности происходит в социальных системах, когда они проявляются в поведении личности. Поведенческая сфера личности раскодирует ценностно-содержательную информацию по реализации духовно-нравственных ценностей в социальной реальности. В виртуальном интернет-пространстве ценности осознаются как содержательная информация, которая воздействует на эмоциональное состояние личности, но в социальной реальности всегда необходимо наличие субъектов деятельности и поведения.

Современное виртуальное пространство предлагает множество моделей поведения и деятельности (положительных и отрицательных), но создать условия для реализации поведения субъектов взаимодействия не может. Ценности всегда будут находиться в когнитивно-эмоциональной сфере, а поведенческая сфера деятельности всегда будет закрыта в виртуальном интернет-пространстве. Занимаясь благотворительностью через интернет, личность не в состоянии почувствовать соприкосновение, соуча-

стие во взаимодействии. Социальная реальность взаимодействия субъектов выстраивается на ценностно-диалогической основе, когда субъект деятельности и поведения является активным участником жизнедеятельности.

Определение стратегий и тенденций виртуального интернет-пространства в социальном бытии

Актуальность изучения виртуального интернет-пространства связана с изучением влияния цифровизации на ценностное основание социальных систем и формирование у субъектов интернет-пространства ценностей как сущностных характеристик в реальной и виртуальной жизнедеятельности. П. Виссер и Р. Мирабиле, исследуя влияние виртуального пространства на субъектов социальных сетей, определили их специфику:

- виртуальное интернет-пространство – это субъекты взаимодействия и ресурсы, которыми участники сети обмениваются между собой;
- виртуальное интернет-пространство не имеет границ и ограничений;
- виртуальное интернет-пространство реализует и индивидуальные, и коллективные потребности субъектов взаимодействия;
- виртуальное интернет-пространство представляет собой совокупность статусов, ролей, взаимодействий и ресурсов, что позволяет исследовать социальные отношения на всех уровнях социальной организации общества и рассматривать в качестве ведущей детерминанты поведения индивидов [7].

Определяя влияние цифровизации на интернет-сообщества, необходимо

выделить тенденции формирования жизненных ценностей в социальной и виртуальной средах. Особенности диалогического взаимодействия пользователей в интернет-пространстве выступают факторы, воздействующие на формирование ценностей: виртуальная диалогизация объектов взаимодействия, размытие идентичности личности, разнообразие виртуальных сред общения, видов деятельности и способов самопрезентации, вседозволенность в виртуальном поведении и нарушения законов нравственности.

Интернет является виртуальным пространством различных культур, формирующим мнимые ценности преобладающих сообществ. Виртуальная культура и субкультуры диалогизируют между собой, оказывая воздействие на реальное диалогическое взаимодействие. Субъект взаимодействия осуществляет поиск того сообщества, где он может себя идентифицировать. Происходит влияние виртуального пространства на самоопределение субъекта в условиях многообразия ценностных ориентиров. Виртуальное интернет-пространство создает возможности мгновенного доступа к неограниченному количеству ресурсов, появляются условия для развития и обучения личности, приобретение новых друзей и знакомых, единомышленников.

Однако обратная сторона виртуального пространства – утрата духовно-нравственных ценностей реального мира в сознании и жизни человека, ослабление реальной диалогизации, погружение в виртуальный мир фантомов мифологических объектов. Происходит подмена реальных ценностей «мнимыми», непонимание ценностей

добра, уход в мир зла и демонизацию сознания, в виртуальную игровую деятельность, уничтожение нравственных установок. В итоге остро встает вопрос о подготовке субъекта взаимодействия в интернете.

Для вхождения и использования виртуального интернет-пространства необходимо, чтобы личность в реальном социальном диалогическом взаимодействии сформировала жизненные ценности, освоила и приобрела опыт социального пространства. Это ей позволит адекватно оценить предложенные модели и алгоритмы поведения интернет-пространства. Не стоит забывать, что виртуальное пространство – это иерархия искусственных алгоритмов и моделей. Погружение личности в виртуальное пространство с несформированными жизненными ценностями и установками приведет к перепрограммированию её сознания и зависимости от виртуальности. В данный момент виртуальная интернет-зависимость в современном обществе наблюдается как закономерность [9].

Виртуальное пространство предоставляет огромные возможности для субъектов взаимодействия через онлайн-образование, при этом личность получает информацию и управляет построением своей идентичности. Однако практическая сторона, связанная с формированием профессиональных компетенций, требует реализации в социальных системах. Возникает проблема научно-философского осмысления виртуальной реальности с позиции социальной философии.

Выделим главные аспекты изучения феномена виртуального интернет-пространства:

– соотношение понятия виртуального пространства и социальной реальности;

– виртуальное интернет-пространство – это объективная данность, независимая от сознания, или это искусственная, техническая реальность;

– возможно ли исследовать философским терминологическим аппаратом понятие виртуальной реальности, или оно не поддается социально-философскому анализу.

Виртуальное интернет-пространство – это пространство узлов и связей, ссылок, которые в совокупности образуют распределенную сеть, целостную совокупность виртуальных объектов, складывающуюся и функционирующую в качестве одного из направлений развития социальных систем, и в этой реальности личности. Оно создает законы, по которым функционирует виртуализируемое общество. Основной недостаток виртуальной реальности – это отсутствие критерияльных нравственных законов. Интернет пронизан виртуальными диалогическими взаимодействиями пользователей сети. Сетевой диалог заключается в поиске других для обмена информацией. Виртуальная диалогизация предполагает обмен информацией на когнитивно-эмоциональном уровне, поведенческо-деятельностный компонент размыт или отсутствует.

Количество пользователей интернет-среды растет быстрыми темпами, открываются неограниченные возможности для пользователей, происходит замена реальности на виртуальность. Пользователь может представлять себя как реальным субъектом взаимодействия, так и виртуальным, скры-

ваясь за маской виртуального образа. Начиная использовать виртуальный образ в игровой деятельности, пользователь переносит его на социальные сети и в реальный мир. Виртуализация интернет взаимодействий сказывается на социальных отношениях в социуме [5, с. 43].

Статистический анализ данных виртуального интернет-пространства

Преимущество виртуального общения создает условия образования бизнес-структур в интернете, которые отбирают и вовлекают в свою группу людей творческих, ярких, коммуникабельных, предприимчивых, быстро приспосабливающихся к переменам, тем самым позволяют находчивым личностям беспрепятственно получить статус, власть, деньги.

По данным отчёта *We Are Social и Hootsuite «Global Digital 2018»* количество пользователей интернета в мире в 2018 г. достигло 4,021 млрд человек. По итогам 2017 г. число пользователей увеличилось на 250 млн человек. Первенство в мире по численности интернет-аудитории занимает Китай – 772 млн, затем Индия – 350 млн, США – 277 млн, Япония – 110 млн, Бразилия – 110 млн, Россия – 90 млн (занимает 6-е место). Количество подростков в возрасте 13–17 лет, использующих Facebook, также увеличилось, но только на 5% с января 2018 г. Общемировые расходы на электронную коммерцию в 2017 г. достигли почти \$1,5 трлн, причем только на потребительские товары. Если добавить траты на другие категории, такие как онлайн покупка билетов, туров, цифровой контент и мобильные

приложения, общая глобальная стоимость электронной торговли будет ближе к \$2 трлн¹. Ежемесячная аудитория интернета по состоянию на сентябрь 2017 – февраль 2018 гг. достигла 90 млн, человек и составила 73% населения страны старше 12 лет².

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в сентябре 2018 г. провёл опрос «Пользуетесь ли вы интернетом, и если да, то как часто?». Доля интернет-пользователей в России – 81% граждан. В том числе 65% выходят в сеть ежедневно. Среди россиян 18–24 лет этот показатель составляет 97%. Среди наиболее активной аудитории (пользуются интернетом ежедневно) также высокообразованные (78%) и материально обеспеченные (72%), москвичи и петербуржцы (76%)³.

Воздействие цифровизации на социальные системы и на природу личности в ходе виртуального диалогического взаимодействия двойственно. Оно приобретает черты ценности нового типа, помогая человеку проявить свою сущность в новых условиях, приобщает личность к многовековому опыту, знаниям, ценностям через образовательные системы. Положительное влияние цифровизации связано с получением ценной информации, приобретением товаров и услуг, обще-

нием, работой и т. д. Отрицательное влияние проявляется в воздействии негативной информации на личность, манипуляции сознанием, зависимостью от онлайн игр, психическими расстройствами.

Виртуальное интернет-пространство изменяет временные представления человека, приобретённые в социальных системах, создавая мнимый мир иллюзий и ценностей. Проецируя виртуальную реальность на социальные системы, личность теряет ценностно-содержательную доминанту своей данности, утрачивает чувства сострадания и сопереживания, последовательности событий, иерархическую структуру ценностей. Происходит пассивное восприятие текущей жизни, возникают мысли возврата в виртуальный мир, интернет-пространство становится жизненно необходимым, привязывает к себе. Человек становится интернет-зависимым, реальное общение вызывает неудовлетворенность окружающей жизнью. Интернет-зависимость характеризуется навязчивой потребностью в сети, виртуальными знакомствами и бесконечными путешествиями по сети [3]. На психологическом уровне проявляется в симптомах: улучшается самочувствие при наличии работающего и подключённого к интернету гаджета; увеличивается время нахождения в сети; нежелание прерываться, равнодушные к окружающим, дискомфорт при отсутствии средства для коммуникации во всемирной паутине и т. д. [4].

Цифровизация социальных процессов – это уход человеческой личности в виртуальную реальность, в результате чего возникает опасность, связанная с дегуманизацией личности,

¹ Пользователи интернета в мире // Интернет в России и мире: [сайт]. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения 13.12.2018).

² Аудитория интернета в России выросла на 4% // РИФ/2018: [сайт]. URL: <https://2018.rif.ru/news/auditoriya-interneta-v-rossii-virosla-na-4> (дата обращения 13.12.2018).

³ Количество пользователи интернета в России // Интернет в России и мире: [сайт]. URL: http://www.bizhit.ru/index/uzers_count/0-151 (дата обращения 13.12.2018).

зависимостью от гаджетов и компьютерных систем как болезнью человечества цифровой эпохи. Человеческие качества и ценности личности формируются из личностного общения в социальных системах, определяя жизнедеятельность на разных этапах развития в обществе. Происходит обмен мыслями, чувствами, энергиями на аксиологическом уровне развития личности, каждый человек выступает как генератор энергетических субстанций. При правильном построении межличностных отношений происходят взаимообогащение и формирование содержательного ядра ценностей личности [8].

Обмен информацией между пользователями в интернет-пространстве происходит в форме виртуального диалогического взаимодействия. Это новая форма взаимодействия, когда передача информации в интернет-пространстве происходит с помощью виртуального диалога. Виртуализация диалогического взаимодействия через интернет-пространство оказывает существенное влияние на субъекты образовательной деятельности, а в целом и на само общество.

Положительный момент виртуального пространства состоит в использовании интернет-ресурсов для образовательной деятельности как личности, так и общества. Предельное расширение возможностей виртуального диалога и создание виртуальных сообществ позволит ускорить процесс информатизации современного общества [6, с. 13]. Отрицательный момент виртуального пространства – это распространение негативной информации, увеличение количества интернет-зависимых, игровых веб-серверов,

разрушение государственных, национальных, языковых и культурных границ.

Виртуальное пространство охватывает все стороны современного общества. Молодое поколение является потенциальным потребителем виртуальной сети, где присутствуют позитивные и негативные явления культуры, что непосредственно влияет на формирование ценностей общества [11, с. 44] Виртуализация диалогического взаимодействия – необратимый процесс, который влияет на традиционную систему ценностей, и современное общество не сможет запустить обратный процесс отказа от интернет-сетей. Современному обществу необходимо найти способы существования людей как на макросоциальном, так и на индивидуально-личностном уровнях и предложить пути адаптации человека в современном виртуальном интернет-пространстве.

Выводы

Увеличивающийся поток информации даёт эффект усиления её воздействия, или так называемый синергетический, нелинейный эффект, который, с одной стороны, может привести к непредсказуемым глобальным проблемам, с другой стороны, делает возможным развитие духовно-нравственных ценностей личности – множество в своём содержании, но единство в своей форме. Интернет и другие средства интеграции мирового сообщества создают новую виртуальную реальность и, принципиально изменяя смысл социокультурных коммуникаций, привносят с собой неизвестную систему ценностей, в результате чего меняются мир ценностей человека, его отношение к

окружающему миру. Это развернуло личность в сторону переоценки мировых ценностей и сформировало новые требования к культуре потребления.

Преобладание виртуального пространства в диалогическом взаимодействии общества оказывает существенное влияние на процесс передачи информации, изменяя социальную и культурную системы социума. Скорость воздействия на социальное бытие социума виртуального мира огромна, и государство и современное общество не готовы к таким трансформациям. Потоки вредоносной и антисоциальной информации, обрушивающиеся на человека и общество, подрывают процесс социализации личности и формирования духовно-нравственных ценностей общества в российской образовательной системе. Образовательная система, как и социум, испытывает воздействие виртуального интернет-пространства. Воздействуя на сознание и поведение пользователей сети, процессы цифровизации осуществляют социально-преобразовательную деятельность, охватывая всё общество.

Изменяя жизненные ценности социума, его мышление и поведение, интернет-пространство формирует но-

вые модели культуры. Виртуальная реальность трансформируется в современные общества, изменяя систему образования, семейные, социальные институты. С развитием виртуального пространства границы его диалогического взаимодействия расширяются, возникает возможность пользоваться благами культуры, получать образование, покупать книги и продукты, общаться, а также привносить антисоциальную информацию, разрушать и вредить.

В цифровой (виртуальной) реальности содержательное ядро ценностей личности заменяется обменом информацией между объектами. Субъект отношений переходит в разряд объекта, который функционирует в виртуальной системе, где она сама выступает субъектом, воздействуя на объект человеческой личности.

Одна из проблем цифровизации социальных и образовательных систем, в том числе и конкретно самой личности, – это зависимость от цифровых технологий, своего рода «электронное рабство», когда самостоятельность, свобода и духовное развитие личности ограничиваются и управляются электронными технологиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракелян С. М. Самоорганизующаяся информационная среда с децентрализованным управлением для взаимодействия образовательных учреждений // Интернет-порталы: содержание и технологии. М.: Просвещение, 2007. №. 4. С. 440–464.
2. Бакурадзе А. Б., Бондарева Я. В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.
3. Герасимова Д. В. Интернет и его влияние // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-4. С. 649–651.
4. Гринева О. А. Трансформация человеческого бытия в условиях современного информационного общества: социально-философский анализ: дис. канд. филос. наук. Красноярск, 2017. 154 с.

5. Колодина А. А. Процесс преемственности культурных ценностей в современной транзитивной России: дис. док. филос. наук. М., 2017. 373 с.
6. Кончаковский Р. В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. социол. наук, Екатеринбург, 2010. 22 с.
7. Кучукян А. В. Социоструктурные детерминанты влияния виртуальных сетей на протестную активность современной молодежи: дис. док. филос. наук. Ставрополь, 2017. 85 с.
8. Петрий П. В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 55–63.
9. Ростовцева М. В., Машанов А. А., Хохрина З. В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества // Фундаментальные исследования. 2013. № 5-6. С. 1282–1286.
10. Сергеева Б. М. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи: дис. канд. псих. наук. М., 2017. 212 с.
11. Стрекалова Н. Б. Сетевые коммуникации в современном образовании // Педагогический опыт: теория, методика, практика: материалы конф. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. № 1 (6). С. 116–117.
12. Троегубов Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3 (39). С. 143–147
13. Maykova V. P., Falko V. I., Molchan E. M. Transformation of Educational Activity: Social and Philosophic Aspects // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSES 2018). 2018. P. 8–12.

REFERENCES

1. Arakelyan S. M. [Self-organizing information environment with decentralized control for cooperation of educational institutions]. In: *Internet-portaly: sodержanie i tekhnologii* [Internet Portals: Contents and Technologies]. M.: *Prosveshchenie* Publ., 2007, no. 4, pp. 440–464.
2. Bakuradze A. B., Bondareva Ya. V. [Axiological foundations of the evolution of management]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 26–38.
3. Gerasimova D. V. [The Internet and its impact]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Studies], 2016, no. 11-4, pp. 649–651.
4. Grineva O. A. *Transformatsiya chelovecheskogo bytiya v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. kand. filos. nauk* [Transformation of Human Existence in Modern Information Society: Socio-Philosophical Analysis: PhD Thesis in Philosophy]. Krasnoyarsk, 2017. 154 p.
5. Kolodina A. A. *Protsess preemstvennosti kul'turnykh tsennostei v sovremennoi tranzitivnoi Rossii: dis. dok. filos. nauk* [The Succession of Cultural Values in Modern Transitive Russia: Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 373 p.
6. Konchakovskiy R. V. *Setevoe internet-soobshchestvo kak sotsiokul'turnyi fenomen: avtoref. dis. ... kand. sotsiol.nauk* [Network the Internet Community as a Socio-Cultural Phenomenon: PhD Thesis in Social Sciences]. Yekaterinburg, 2010. 22 p.
7. Kuchukyan A. V. *Sotsiostrukturnye determinanty vliyaniya virtualnykh setei na protestnuyu aktivnost sovremennoi molodezhi: dis. dok. filos. nauk* [Socio-structural Determinants of the Influence of Virtual Networks on the Protest Activity of Modern Youth: Dis. Doc. Philos. Sci.].

- nants of the Influence of Virtual Networks on Protest Activity of Modern Youth: Doctoral Thesis in Philosophy]. Stavropol, 2017. 85 p.
8. Petriy P. V. [Public ideal as a factor of modernization of Russia under the conditions of globalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 55–63.
 9. Rostovtseva M. V., Mashanov A. A., Khokhrina Z. V. [Socio-philosophical problems of personality's socialization under the conditions of informatization of modern society]. In: *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Studies], 2013, no. 5-6, pp. 1282–1286.
 10. Sergeyeva B. M. *Sotsialnye seti kak faktor formirovaniya sotsialnykh ustanovok sovremennoi molodezhi: dis. kand. psikh. nauk* [Social Networks as a Factor of the Formation of Social Attitudes of Modern Youth: PhD Thesis in Psychology]. Moscow, 2017. 212 p.
 11. Strekalova N. B. [Network communication in modern education]. In: *Pedagogicheskii opyt: teoriya, metodika, praktika: materialy konf.* [Pedagogical Experience: Theory, Technique, Practice: Conference Materials]. *Cheboksary: Interaktiv plyus* Publ., 2016, no. 1 (6), pp. 116–117.
 12. Troegubov Y. N. [Problems of counteraction to extremism on the Internet]. In: *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Istoriya, politologiya* [Humanitarian Vector. Series: History, Political Science], 2014, no. 3 (39), pp. 143–147.
 13. Maykova V. P., Falko V. I., Molchan E. M. Transformation of Educational Activity: Social and Philosophical Aspects. In: International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2018), 2018, pp. 8–12.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин *Сергиево-Посадский институт игрушки*;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard M. Molchan – PhD in Pedagogy, associate professor at the Department of Humanities and Natural Sciences, *Sergiyev-Posad Toy Institute*;

e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 55 – 66.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66

FOR CITATION

Molchan E. M. The Impact of Digitalization on the Formation of Spiritual and Moral Values of the Subjects of Interaction in Global Age. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.2, pp. 55 – 66.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66

УДК 124.23

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-67-75

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ В УПРАВЛЕНИИ СЛОЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Перминов В. Л.*Школа № 354 имени Д. М. Карбышева**105005, г. Москва, Лефортовский пер., д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение процесса изменения ценностей и установление их влияния на задачи управления сложной социальной организацией с помощью определения аксиологических детерминант её развития. Автором проанализирован значительный объем исследований в области философии, экономики, социального управления по проблеме развития социальной организации и управления ею; дана характеристика методологии и условий усложнения социальной организации. Доказано, что развитие социальной организации определяется аксиологическими детерминантами, которые отражают фазу развития социальной организации и соответствующую стадию развития общества. В зависимости от них процесс развития социальной организации будет нацелен либо на функционирование и сохранение устойчивости существования в среде, либо на инновационное развитие с разной степенью новизны предлагаемых инноваций. Практическая значимость статьи заключается в доказательстве тезиса, что поскольку между ценностями, инновациями и адаптацией существуют взаимозависимости: функциональные, онтологические и деятельностные, – то важнейшая зависимость должна характеризоваться и заключать в себе ресурс преемственности в развитии социальной организации. Статья адресована широкому кругу исследователей социального управления.

Ключевые слова: социальная организация, ценности, детерминанты развития, социальное управление, управление развитием, адаптация, инновация, философско-аксиологический подход.

AXIOLOGICAL DETERMINANTS OF DEVELOPMENT IN MANAGING COMPLEX SOCIAL ORGANIZATIONS

V. Perminov*PV. Perminov**Public Budgetary Educational Institution «School no. 354 named after D. M. Karbyshev»
10, Lefortovsky per., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The aim of this paper is to examine the process of changing values and examine their dependence on managerial tasks of a complex social organization by defining axiological determinants of the social organization. The author analyzed a considerable amount of research in the field of philosophy, economics, social management on the development of social organization and management; the characteristic of methodology and environmental complexity of a social organization. It is proved that the development of a social organization is defined by the axiological (socio-philosophical) determinants that reflect the phase and corresponding stage in the development of the society. Depending on the phases and stages of the development of the society, the developmental process of a social organization will focus either on functioning and sustainability of its existence in the environment, or on innovative development of various kinds. The article is addressed to a wide range of social management researchers.

Keywords: social organization, values, axiological determinants, social management, development management, adaptation, innovation, philosophical and axiological approach.

В контексте рассматриваемой проблемы – аксиологии развития в управлении социальной организации – необходимо учитывать, что усложнение организаций делает их уязвимыми, а аксиологический контур управления развитием социальной организации динамичен и формируется постепенно [1].

Развитие сложной социальной организации связано с понятиями «цель» и «ценность», которые, находясь во главе всей системы (организации), влияют на её устойчивость, стабильность, функционирование, способность преодолевать кризисы [2; 3; 4]. Причём это влияние происходит через свойство адаптивности к внешним и внутренним вызовам социальной организации.

Поскольку в нашей работе социальная организация – это культурно-антропологическая (социогуманитарная) система, функционирующая и развивающаяся в единстве и взаимосвязи структурно-организационного, аксиологического, деятельностного и рефлексивного аспектов, для нас будет важным учитывать особенности само-

го общества, в котором функционирует социальная организация.

С самого начала необходимо обозначить фундаментальные аспекты целей и ценностей социальной организации в процессе её функционирования. У любой социальной организации есть цели существования и цели поведения. Какова их роль в процессе развития социальной организации?

При анализе процессов развития сложных социальных организаций частными науками (экономикой, менеджментом, социологией и теорией систем) достаточно часто приходится иметь дело с кризисными ситуациями исследуемого объекта (умирание, разрушение, деградация), в которых данный объект [11; 14]. Подобные ситуации активно изучались в последней трети прошлого столетия и изучаются в настоящее время с целью научиться предсказывать ситуации кризиса или хаоса, чтобы впоследствии успешно их предотвращать [17; 18]. В реальной жизненной ситуации, как правило, у лиц, принимающих управленческое решение, нет достаточного количества времени на оценку, осознание и принятие оптимальных по эффектив-

ности решений. По этой причине часто происходят фатальные ошибки в управлении сложными социальными организациями.

Одна из причин такого положения дел – значительное рассогласование между ценностями, связанными непосредственно с существованием системы, и ценностями, связанными с поведением системы (организации). Суть проблемы выражается простой зависимостью: чем больше между этими видами ценностей расхождений (противоречий), тем быстрее наступают кризис и упадок, и чем меньше – тем больше эффективности в поведении организации. Характерным является то, что этот принцип имеет всеобщий характер и присутствует как в фазе стабильности социальной организации, так и в фазе её транзитивности, о чем будет сказано далее. Особенно актуально данное наблюдение для стадий интеграции и развития социальной организации, в которых процессы управления усложняются и приобретают решающую динамику [8]. Поэтому в процессе управления сложными социальными организациями необходимо точно определять ценности существования и ценности, связанные с поведением организации, и не допускать конфликтов между ними. Именно для этого и важна роль научного знания, теории, которая позволяет на абстрактном уровне познания действительности понять и освоить методы преодоления кризисных, дестабилизирующих реальных ситуаций.

Е. М. Сергейчик, анализируя динамику исторического процесса с позиций философской рациональности, доказала его ритмичный характер «как

поочередное доминирование двух всеобщих фаз: устойчивости (стабильности) и изменчивости (транзитивности). Смысл ритма как формы упорядочения исторического процесса заключается в обеспечении качественной (ценностной) определенности последнего, его самотождественности, выделенности по отношению ко всему существующему путем выработки механизмов, с одной стороны, сохранения накопленного содержания, его развития по линии преемственности, а с другой, – создания нового, требующего переосмысления, преобразования, достигнутого в ходе предшествующего развития». «Стабильные и транзитивные периоды, – по мнению Е. М. Сергейчика, – могут рассматриваться как разновидности абстрактно-всеобщей модели общества, релевантными свойствами которой являются ценности, репрезентирующие отношение человека к миру и интегрирующие любой социальный организм (а следовательно, и сложную социальную организацию) в единое связанное целое» [15, с. 29–30].

Таким образом, каждая фаза развития общества характеризуется некоторым инвариантом «ценностного набора», соответствующего стадиям фаз. Система ценностей стабильных периодов в своём развитии проходит ряд стадий: интеграцию, либерализацию, стагнацию, кризис. Фаза транзитивности включает также четыре стадии: генезис (развитие), плюрализацию, дивергенцию (многонаправленность), рационализацию (стабилизация) [15, с. 30–31].

Динамика исторического процесса развития общества и его институтов (организаций и структур) объясняется с позиций взаимосвязанных куль-

турно-антропологических принципов, вскрывающих механизм «вырабатывания» ценностей как социокультурного феномена. Это: историзм – избирательность – упорядоченность – символизм (язык) – аксиологизм [13, с. 24–26]. Таким образом, формирование ценностей системы имеет свою логику в культурно-историческом и социально-философском планах: ценности (новые ценности) есть результат развития (саморазвития) социальной системы, в том числе сложной социальной организации, интегрирующий в свернутом виде сущностные и существенные черты (стороны, аспекты), наработанного (сложившегося) в стабильные и транзитивные периоды. Можно предполагать, что моментом начала стабилизации ценностей является их «упорядоченность» (фиксирующая момент перехода системы в новую стадию, задавая вектор инновационного развития). Таким образом, ценности как детерминанты развития и управления развитием сложной социальной организации могут быть описаны с позиций современных социогуманитарных подходов: философской рациональности, аксиологического и культурно-антропологического подходов в системном понимании каждого.

Ранее мы установили, что между ценностями, инновациями и адаптацией существуют взаимозависимости: функциональные, онтологические и деятельностные, – что создаёт аксиологическую основу управления развитием социальной организацией, а усложнение социальной организации является объективным фактором изменения управления её развитием при доминанте аксиологического императива.

Рассмотрим аксиологические детерминанты в развитии социальной организации как ценностно-детерминированный комплекс управления развитием её, и сформулируем на его базе основы управления социальной организацией на ценностных началах.

Существует тесная связь между ценностями функционирования и ценностями развития социальной организации в процессе управления ею. При этом адаптивность в системе ценностей и инноваций играет связующую роль и не прекращает своей связующей функции. Адаптация «работает» на сохранение устойчивости управляемости социальной организации в условиях её развития. Ключевым моментом устойчивости будет выполнение условия точного копирования системы при некотором изменении её элементов [16].

Устойчивость социальной организации обеспечивают социокультурные ценности, создавая опору усложнению организации. Управление развитием социальной организации как адаптивным процессом осуществляется с помощью тактических ценностей (деятельностно-технологических), мотивационно-стимулирующих и ресурсно-регулятивных. Это позволяет актуализировать все аспекты социальной организации: структурно-организационный, аксиологический, деятельностно-технологический, рефлексивный (самоидентификация). В каждом из этих звеньев участвуют новации.

Рассмотрев внутренний аспект функционирования аксиологических детерминант, необходимо перейти к внешней стороне вопроса, а именно к фазам и стадиям развития общества,

в котором функционирует социальная организация. Приняв во внимание изложенное, логично заключить, что ценности управления развитием сложной образовательной организации будут зависеть оттого, в какой фазе развития общества развивается социальная система: либо в фазе стабильного развития, либо в фазе транзитивности. В логике этих стадий, последовательно сменяющих друг друга, вырабатываются определённые ценности, которые помогают определить цели. На примере развития сферы российского образования этот процесс можно проследить на протяжении 100 лет. Так, следует отметить, что и в стабильный, и транзитивный периоды первые две стадии (интеграция и либерализация – в стабильный период; генезис и плюрализация – транзитивный период) доминируют ценности развития образования:

а) *Стабильный период.* Гуманитарная направленность содержания образования (1921–1934), возврат логики и психологии в школьные учебные планы (1946–1955), дифференциация обучения посредством введения факультативов в учебные планы школ (1966/67 уч. г.) [12, с. 94–95].

б) *Транзитивный период развития российского общества.* Гуманистические цели образования, ориентация на развитие индивидуальности, вариативная система образования вместо школьной моно модели в течение 70-летней истории советской школы, личностная ориентация на выбор содержания образования в вариативных учебных планах школ, многообразие учебных предметов в учебном плане новой структуры – региональный и школьный компоненты, кур-

сы по выбору и др. (1989–2000 гг.) [12, с. 96–97].

Таким образом, в начале каждой исторической фазы социального развития ценностью является развитие общества и его структур (институтов, организаций), ведётся поиск ресурсов, обеспечивающих управление развитием организации и общества.

Ситуации риска в развитии системы наблюдаются в последующие стадии: стагнация, приводящая к стадии кризиса (в стабильный период), и дивергенция как точка бифуркации развития системы (в транзитивный период) [6; 7]. Через эти ситуации прошла отечественная система образования: стагнация советской школы отмечена 70–80-ми гг. XX в. (половинчатость мер реформирования школы, методологическая неподготовленность реформ), кризисные явления заявили о себе в постреформенный период – 1984–1988 гг.

В транзитивный период, особенно в конце XX – начале XXI вв., видовое многообразие средних общеобразовательных учреждений несло в себе угрозу «разбегания», дивергенции вариативной образовательной системы России, но было остановлено нормативными управленческими мерами: введением аттестации образовательных учреждений как механизма закрепления определённого статуса образовательной организации. Это открывало путь к целерациональной стратегии управления развитием образовательных организаций на определенных ценностях, т. е. к рациональному функционированию (поведению) таких организаций.

Описанные явления на примере отечественного образования могут

быть объяснены тем, что периодически в обществе происходят переоценка и переосмысление ценностей. Так, например, в образовании на смену процессуально-результативному подходу пришел гуманитарно-аксиологический подход, гуманистические ценности [5].

В разных фазах развития сложных социальных систем и организаций отличие в их поведении выражается способами связей элементов, мерой системности, динамичности, особенностями развития и функционирования.

В экономической сфере этот феномен также можно проследить, но сделать это несколько труднее, чем в образовании, в силу большей сложности экономической структуры страны [17; 18]. Простое, схематичное изображение взаимодействия различных экономических и управленческих составляющих всей организации как системы не может полностью показать и объяснить причину роста качества и результативности её деятельности, ведь в каждой организации всегда есть свой набор субъективных качеств и характеристик. Они взаимодействуют особым для данной организации образом (способом). На разных стадиях развития социальной организации в стабильные или транзитивные исторические периоды (фазы) доминанта и соотношение ценностей в иерархии могут меняться как в силу адаптивных свойств, присущих данной организации, так и в силу действующих внешних факторов [8; 9; 10]. Руководителям необходимо понимать и, желательно, предвидеть, какая ценность может стать доминирующей, и, сообразно этому факту, принять комплекс необходимых мер.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Формирование ценностей сложной социальной организации объясняется с позиций философской рациональности, системного подхода, культурно-антропологического и аксиологического подходов, являющихся научно-методологическим основанием аксиологических детерминант управления развитием сложной социальной организации.

2. Развитие сложной социальной организации определяется аксиологическими детерминантами, которые отражают фазу развития самой организации и соответствующую стадию развития общества. В зависимости от них процесс развития социальной организации будет нацелен либо на функционирование и сохранение устойчивости существования в среде, либо на инновационное развитие с разной степенью новизны предлагаемых нововведений.

3. Поскольку между ценностями, инновациями и адаптацией существуют взаимозависимости: функциональные, онтологические и деятельностные, – они должны обеспечивать наличие ресурса преемственности в развитии социальной организации. В противном случае социальная организация будет подвержена различным рискам, которые при переходе общества от одной стадии развития к другой могут стать причинами скрытых деструктивных процессов (процессов конвергенции), способных привести к гибели социальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века. М.: Владос, 1994. 334 с.
2. Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания управления социальной организацией: философский анализ: автореф. дис. ... док. филос. наук. М., 2015. 40 с.
3. Бакурадзе А. Б. Функции и иерархия ценностей управления социальной организацией // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 17–26.
4. Бондарева Я. В., Бакурадзе А. Б. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия.. 2015. № 1. С. 26–38.
5. Воронцова В. Г. Гуманитарно-аксиологические основы постдипломного образования педагогов. Псков, 1997. 421 с.
6. Губман Б. Л. Теория нарратива аналитической философии истории и наследие прагматизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 130–143.
7. Евдокимов И. А. Социальные антагонизмы в критической теории Ноама Хомского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 173–183.
8. Каган М. С. Проблемы методологии гуманитарного познания. Избранные труды. М.: Юрайт, 2018. 321 с.
9. Каган М. С. Теоретические проблемы философии. Избранные труды. Ч. 2. М.: Юрайт, 2018. 191 с.
10. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
11. Песоцкий В. А., Чугунов В. М. Философско-методологические и политологические аспекты управленческой деятельности современного руководителя. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 254 с.
12. Перминова Л. М. Самоидентификация учителя: опыт дидактической рефлексии. СПб., 2004. 388 с.
13. Романов К. В. Семья и школа как феномен культурной антропологии: автореф. дис. ... док. филос. наук. СПб, 2004. 36 с.
14. Сенге П., Клейнер А., Росс Р., Смит Б., Рот Д., Робертс Ш. Танец перемен: Новые проблемы самообучающихся организаций. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 304 с.
15. Сергейчик Е. М. Философская рациональность как основа осмысления исторического процесса: автореф. дис. ... док. филос. наук. СПб, 1997. 34 с.
16. Славин Б. Б. Эпоха коллективного разума. О роли информации в обществе и о коммуникативной природе человека. М.: Ленанд, 2013. 320 с.
17. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2018. 208 с.
18. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. 676 с.

REFERENCES

1. Abdeyev R. F. *Dialektika progressivnoi linii razvitiya kak gumannaya obshchechelovecheskaya filosofiya dlya XXI veka* [The Dialectic of a Progressive Line of Development as a Universal Humane Philosophy for the 21st century]. Moscow, Vlados Publ., 1994. 334 p.
2. Bakuradze A. B. *Aksiologicheskie osnovaniya upravleniya sotsial'noi organizatsiei: filosofskii analiz: avtoref. dis. ... dok. filos. nauk* [Axiological Foundations of Social Orga-

- nizations: Philosophical Analysis: Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2015. 40 p.
3. Bakuradze A. B. [The functions and hierarchy of values for social organizations]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 1, pp. 17–26.
 4. Bondareva Ya. V., Bakuradze A. B. [Axiological foundations of the evolution of management]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 26–38.
 5. Vorontsova V. G. *Gumanitarno-aksiologicheskie osnovy postdiplomnogo obrazovaniya pedagogaya* [Humanitarian and axiological foundations of post-graduate education pedagogy]. Pskov, 1997. 421 p.
 6. Gubman B. L. [The theory of narration of analytical philosophy of history and the legacy of pragmatism]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 130–143.
 7. Yevdokimov I. A. [Social antagonisms in a critical theory of Noam Chomsky]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 173–183.
 8. Kagan M. S. *Problemy metodologii gumanitarnogo poznaniya. Izbrannye trudy* [The Problems of Methodology of Humanitarian Knowledge. Selected Works]. Moscow, Yurait Publ., 2018. 321 p.
 9. Kagan M. S. *Teoreticheskie problemy filosofii. Izbrannye trudy. V 2-kh ch.* [Theoretical Problems of Philosophy. Selected Works]. Moscow, Yurait, 2018, vol. 2. 191 p.
 10. Kagan M. S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 416 p.
 11. Pesotsky V. A., Chugunov V. M. *Filosofsko-metodologicheskie i politologicheskie aspekty upravlencheskoi deyatel'nosti sovremennogo rukovoditelya* [Philosophical, Methodological and Political Aspects of a Modern Manager]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2016. 254 p.
 12. Perminova L. M. *Samoidentifikatsiya uchitelya: opyt didakticheskoi refleksii* [The Identity of a Teacher: An Experience in Pedagogical Reflection]. St. Petersburg, 2004. 388 p.
 13. Romanov K. V. *Semya i shkola kak fenomen kulturnoi antropologii: avtoref. dis. ... dok. filos. nauk* [Family and School as a Phenomenon of Cultural Anthropology: Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2004. 36 p.
 14. Senge P., Kleiner A., Ross R., et al. *Tanets peremen: Novye problemy samoobuchayushchikhsya organizatsii* [The Dance of Change: The Challenges of Sustaining Momentum in Learning Organizations]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2017. 304 p.
 15. Sergeichik E. M. *Filosofskaya ratsionalnost kak osnova osmysleniya istoricheskogo protsessa: avtoref. dis. ... dok. filos. nauk* [Philosophical Rationality as a Basis of Understanding a Historical Process: Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 1997. 34 p.
 16. Slavin B. B. *Epokha kollektivnogo razuma. O roli informatsii v obshchestve i o kommunikativnoi prirode cheloveka* [The Era of Collective Intelligence. On the Role of Information in Society and on Communicative Nature of Man]. Moscow, Lenand Publ., 2013. 320 p.
 17. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, 2018. 208 p.
 18. Shumpeter I. A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza* [The History of Economic Analysis]. St. Petersburg, New Economic School, 2001, vol. 3. 676 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перминов Василий Леонидович – педагог дополнительного образования
ГБОУ № 354 им. Д. М. Карбышева;
e-mail: vlperminov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasiliy L. Perminov – teacher at Public Budgetary Educational Institution «School no. 354 named after D. M. Karbyshev»;
e-mail: vlperminov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Перминов В. Л. Усложнение социальной организации как детерминанта управления её развитием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 67 – 75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-67-75

FOR CITATION

Perminov V. L. Axiological Determinants of Development in Managing Complex Social Organizations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 67 – 75.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-67-75

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.412

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92

ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ АБСОЛЮТА В ТРАДИЦИИ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕИЗМА

Бондаренко В. В.

Дальневосточный федеральный университет

690922, Приморский край, о. Русский, п. Аякс, 10, д., Российская Федерация

Аннотация. В данной работе представлен анализ антропологической модели православного академического теизма в контексте содержания идеи абсолюта. Показано, что учение о человеке как личностном единстве уникальной духовно-телесной реальности в традиции казанской метафизической психологии имеет своим основанием святоотеческую антропологию. Прослежена преемственность основных положений, изложенных в программных работах основателя казанской философско-антропологической школы профессора В. А. Снегирева и П. И. Линицкого, чья рационалистическая интерпретация идеи абсолютного стала существенным вкладом в теистическое направление Киевской духовной академии. Тем самым раскрыты обусловленность метафизической модели человека представлениями об абсолюте как основная идея религиозной философии, а также внутренний характер тео-антропологических отношений. Целью работы стало обоснование преемственности святоотеческой религиозной антропологии и метафизической психологии, развивавшейся в русле духовно-академического философского знания, согласно опиравшихся на представления о духовной природе и неисчерпаемости личностного бытия в абсолютном и тварном измерениях. В исследовании использованы сравнительно-исторический метод и историко-философской реконструкции, а также метод логического анализа. Автором работы сделано заключение, что в научном исследовании выбор антропологической модели сопряжён с выбором метафизической системы, поскольку образ человека и абсолюта с необходимостью совпадают.

Ключевые слова: личность, человек, абсолют, метафизика, теизм, душа.

HUMAN PERSONALITY AS A METAPHYSICAL PROJECTION OF THE ABSOLUTE IN THE TRADITION OF SPIRITUAL ACADEMIC THEISM

V. Bondarenko

Far Eastern Federal University

10, Campus FEPU, Ajax, Russky island, Vladivostok, 690922, Primorsky Krai, Russian Federation

Abstract. The paper analyses an anthropological model of the Orthodox academic theism from the perspective of the content of the idea of the absolute. The objective of the study is to justify the continuity in the development of patristic religious anthropology and metaphysical psychology which progressed in line with spiritual and academic philosophical knowledge based on the concept of spiritual nature and inexhaustibility of personal being in both absolute and human dimensions. By means of such research methods as comparative historical and logical analyses and historical and philosophical reconstruction it is shown that the doctrine of a person as a unity of the unique spiritual and physical realities in the tradition of Kazan metaphysical psychology is based on patristic anthropology. The author establishes a connection between the main provisions of the founder of the Kazan Philosophical and Anthropological School, Professor Veniamin Alekseyevich Snegirev, and the views of Peter Ivanovich Linitsky, whose rational interpretation of the idea of the absolute became a significant contribution to the theological studies of the Kiev Theological Academy. The paper reveals that the metaphysical model of man is conditioned by the notion of the absolute as the main idea of religious philosophy, and shows the inner character of theo-anthropological relations. It is concluded that in a scientific study, the choice of an anthropological model cannot be apart from the choice of a metaphysical system, since the images of man and the absolute coincide.

Keywords: personality, man, absolute, metaphysics, theism, soul.

Ситуация кризиса, связанная с постмодернизмом и глобализацией, свидетельствует о том, что вопрос о человеке вновь актуализируется и требует своего разрешения в контексте европейской науки и философии. Для современной эпохи, сопряжённой с «прагматизацией» и «прикладнитизацией» социального универсума (по Б. И. Пружинину), характерна нацеленность на обращение к технологическим проблемам [16; 25]. При этом подразумевается необходимость закрепить новые понятия и категории – «цифровое общество» или «челове-

ческий капитал», – и одновременно в официальной риторике перейти из плоскости нравственной преимущественно в юридически-процессуальную [24; 34; 35]. Однако уникальность текущего исторического момента состоит во многообразии сопутствующего экзистенциального опыта, богатстве теории и практики жизни, которые дают возможность исследователю, оглядываясь в прошлое, совершенно обоснованно во всех смыслах подводить итоги и находить пути к живым истокам человека и его культуре [9; 27].

Преемственность религиозно-философской проблематики в духовно-академических школах России XIX – начала XX вв.

В содержании философского раздела одного из номеров периодического издания Харьковской духовной семинарии «Вера и разум» за 1895 г. изложена оригинальная трактовка представления о философской традиции, развивающейся в силу личной преемственности от ученика к учителю, от сердца к сердцу, т. е. как школа. Допускаемая «участие Провидения» в коллективной и индивидуальной жизни духа, рассматривая философию как образ веры, автор раскрывает феноменологию историко-философского исследования, в общем смысле отстаивая исключительную автономию духовно-интеллектуального творчества как личностного акта, когда философ, «как бы долго и утомительно он не трудился, он трудился лишь для себя одного». Таким образом, автор приходит к заключению, что «философия сводится к изолированности; и ученики, когда учитель создает школу, тем менее бывают философами, чем более бывают послушны ему; они мыслят при посредстве другого; они не мыслят независимо» [11, с. 64].

Здесь же размещён «Обзор главнейших направлений русской психологии» (1895) воспитанника Киевской духовной академии М. О. Вержболовича (1861–1911) – магистра богословия, преподавателя кафедры философских наук Московской духовной семинарии. Обзор включает оригинальную позицию автора, представляющую, по сути, «редукционистскую» версию понятия философской школы, которая, с нашей точки зрения, не является

бесспорной. Отмечая очевидное своеобразие института наставничества в русских психологических школах, по сравнению с западными, Вержболович замечает, что основатель капитальной психологической системы, как правило, оставался её «почти единственным представителем», «довольствуясь лишь молчаливым признанием добытых им результатов со стороны немногочисленных своих последователей» [5, с. 133]. Накопленный багаж учебной психологической литературы исследователь рассматривает как плод научного синкретизма, примыкающий к идеально-реальному направлению [5, с. 134]. Таким образом, раскрывая полноту отечественной психологической традиции как совокупности некоего многообразия направлений, очевидно имеющих преемственность с учениями о духе, развивающимися на Западе, исследователь характеризует её как оригинальное, целостное явление, в котором основополагающими выступают представления о субстанциональности духа и его познаваемости с точки зрения строгой эмпирии.

Возможно, в некотором смысле казанская школа метафизической психологии, основателем которой по праву считается философ и богослов В. А. Снегирев (1841–1889), представляет собой уникальное явление, когда учителем закладывается оригинальная традиция философского знания как «науки о человеке», обеспечивающая неразрывную преемственность и метафизическое единство нескольких поколений учёных-антропологов, глубина интеллектуального наследия которых далеко не исчерпана, а значимость со временем только возрастает.

Здесь работа Ф. Дмитриевского по ключевой проблеме субстанциональности души, выполненная под руководством профессора Снегирева, даёт начало казанскому «тео-антропологическому» направлению, общепризнанной вершиной которого становится «Наука о человеке» (1905) православного философа В. И. Несмелова (1863–1937) – выдающегося ученика В. А. Снегирева [8; 18].

По нашим данным, в этом ряду более трёх десятков единиц хранения фонда № 10 Национального архива Республики Татарстан, представляющих религиозно-философские исследования, в том числе по онтологии, аксиологии, сотериологии, эсхатологии, касающиеся истории натурфилософско-психологической традиции западной культуры, выполненные с опорой на библейско-патристические представления о человеке и данные русской богословско-философской литературы [1; 2; 3; 4; 13; 14; 17; 26; 28; 29]. Частично содержание этих работ отражено в исследовании В. А. Поля, посвященном казанской теистической традиции в целом [23, с. 154–175]. В диссертационном исследовании В. Ю. Пинчука казанской школе метафизической психологии посвящен один из разделов [21, с. 137–147]. Обзорная статья Л. Ф. Шеховцовой и Ю. М. Зенько включает перечень религиозно-психологических диссертационных сочинений воспитанников Казанской духовной академии за 1899–1900 гг. [36].

Однако наиболее существенен для нашего исследования тот факт, что казанская традиция метафизической психологии формируется на уже подготовленной почве. Ей предшествует

целая эпоха становления религиозной метафизики, опиравшейся на стремление обосновать умозрительное представление об абсолюте, причём согласно восточной традиции христианской апологетики исключительно позитивным путём с привлечением логических методов.

На историческом поприще казанской метафизической традиции, полагавшей основания всякого знания в идее сверхсущего, архиепископу Никанору (в миру Александр Иванович Бровкович, 1826–1890), автору трёхтомного капитального труда «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (1875, 1876, 1888), предшествуют И. А. Смирнов-Платонов (1816–1860), А. И. Лиллов (1832–1870), П. Г. Рублевский (выпускник Киевской духовной академии 1857 г.). Таким образом, «наука о человеке» в казанской религиозно-философской традиции, связанная с именами уже упомянутых нами Снегирева и Несмелова, а также П. А. Милославского (1846–1884), И. С. Бердникова (1839–1915), А. Н. Потехина (выпускник Казанской духовной академии 1885 г.), берёт своё начало как продолжение «науки об абсолюте». Эти смысловые линии представляют единую концепцию духовного опыта, развитого в сторону относительной рациональности целой плеядой мыслителей-мистиков, предложивших для достижения внутренней гармонии между чувством и разумом эмпирически выверенные «научные» методы умозрения.

Данный феномен вовсе не случаен в истории отечественной православной философии, опиравшейся на теистические положения, поскольку тео-антропологический вектор, направленный

от абсолюта к человеку воспроизводит и метафизическая традиция Киевской духовной академии, известная в России как одна из старейших. Киевские православные авторы – архиепископ Иннокентий (Борисов) (1800–1855), О. М. Новицкий (1806–1884), С. С. Гогоцкий (1813–1889), П. И. Линицкий (1839–1906), – хотя и известны по большей части как энциклопедисты, разрабатывали преимущественно проблематику, связанную с личностной природой абсолюта. С историей киевской традиции метафизической психологии, формальное начало которой было положено в 1833 г. назначением особого наставника для преподавания психологии на кафедре философии, связаны имена архимандрита Феофана (в миру П. С. Авсенева, 1810–1852), Ф. С. Орнатского (1849–1919), И. П. Четверикова (1880–1969).

Выдающийся отечественный психолог В. С. Серебрянников (1862–1942), положивший начало теории и практики создания студенческих психологических сообществ в духовных академиях России, в Санкт-Петербургской духовной школе выступает как преемник логико-гносеологического направления, развивавшегося не без влияния киевской теистической традиции, очевидно еще в студенческие годы усвоенной В. Н. Карповым (1798–1867). В свое время в северной столице вопросами раскрытия сущности и онтологического статуса сознания через феноменологию душевной жизни также занимались философы-теисты А. Е. Светилин (1841–1887), М. И. Каринский (1840–1917), Н. Г. Дебольский (1842–1918), Ф. Ф. Сидонский (1805–1873), А. П. Высокоостровский (1860–1912).

Дореволюционный период истории Московской духовной академии отмечен исследованиями Ф. А. Голубинского (1797–1854), В. Д. Кудрявцева-Платонова (1828–1891), А. И. Введенского (1861–1913), П. П. Соколова (1863–1923), посвященными по преимуществу психологической тематике.

Не претендуя на исчерпывающее представление о преемственности и специфике философско-богословской проблематики, нашедшей своё отражение в истории развития духовно-академических школ середины XIX – начала XX вв., мы постарались проследить наиболее общую тенденцию, представляющую важность для данного исследования. С нашей точки зрения, теистическое направление отечественной философии предстаёт как уникальное целостное явление, где вершиной философского знания, традиционно включающего разделы метафизики и логики, становится психология, опирающаяся на святоотеческую концепцию о природе человека.

**Антропологическая концепция
В. А. Снегирева как продолжение
святоотеческой традиции
личностного представления о
человеке**

По мнению историка отечественной традиции науки о душе М. О. Вержболовича, капитальный труд «Психология. Систематический курс чтений по психологии профессора Казанской духовной академии В. А. Снегирева» (1893) воплощает пример наиболее завершённой и исчерпывающей системы и опирается на святоотеческое учение о человеке как личностной

проекция абсолюта [6, с. 340, 374; 30, с. XVII–XVIII; 31, с. 480]. Вержболович полагает, что в вопросе о личности Снегирев придерживается срединного направления между метафизикой и феноменализмом [6, с. 359; 19, с. 118]. Существенную роль здесь играет психофизиология, поскольку цельная личность человека представлена единством души и тела [19, с. 119; 30, с. XI]. Вержболович касается рассмотрения идеи «я», согласно которой Снегирев трактует личность как «эмпирический феномен», т. е. в качестве «субъекта, производителя, среды и носителя всех проявлений и изменений душевной жизни» [6, с. 359; 19, с. 17, 118–119; 30, с. XIV–XV]. По Вержболовичу, признание субстанциональности и, следовательно, самостоятельности духовного начала, которое, будучи основой физических явлений, имеет для нашего сознания «принудительную силу», приводит к мысли о дуальности метафизических оснований бытия. Исследователь цитирует казанского автора: «Дух и материя – два отдельные, самостоятельные начала, оба несомненно существуют, хотя и не постижимы в своей сущности» [6, с. 344; 30, с. 47].

Вержболович останавливается на следующих узловых положениях концепции Снегирева, подтверждающих предположение о реальности, внутреннем единстве и, одновременно, неисчерпаемости личностного бытия. Исследователь прежде всего выделяет главное, указывая, что автор систематического курса чтений по психологии студентам Казанской духовой академии, рассматривая психические состояния как «живые явления в живом организме человеческой личности» и отрицая их «мнимое друг от

друга существование», ставит задачу «начертать цельный образ души человеческой как она дана во внутреннем опыте» [6, с. 340; 19, с. 115; 30, с. XIII; 31, с. 213–214, 306]. Сила, объединяющая на всех этапах жизненного процесса наличное содержание сознания, есть душа, «субстанция, особое существо, связанное с телом и от него отличное», которое Снегиревым рассматривается как «основа и последняя причина жизни личности» [6, с. 360; 30, с. 301, 312].

Чрезвычайно значима для психологии, опирающейся на субстанциональное представление о предмете своего исследования, правильная трактовка понятий физического, духовного и душевного. Вержболович акцентирует внимание на том, как в противоположность физическому Снегиревым раскрывается мир душевных явлений. Казанский профессор характеризует их как «сознательные и идеальные, сверхчувственные, субъективные и внутренние, неделимые и непространственные, одним словом духовные» [6, с. 344–345; 30, с. 54–56]. По этой причине, заключает Вержболович, психологии присущ собственный, отличный от наук о веществе метод, а именно самонаблюдение, или внутреннее наблюдение, которое дополняется «умозрением, проверенным опытом» [6, с. 344; 30, с. 18, 34]. Отсюда берёт начало приверженность Снегирева к субъективной психологии как наиболее полно разработанной отрасли науки о душе. Согласно наблюдениям Вержболовича, объём науки Снегирев ограничивает типическим и всеобщим, которые проявляются через индивидуальное [6, с. 345; 19, с. 114; 30, с. XIII].

Вместе с тем самосознание Снегирев трактует как «самооткрытие духа в его существе», который представляет «единую, неизменную и всегда себе равную субстанцию» [6, с. 359; 30, с. 301]. Вержболович разделяет ту позицию казанского философа, что независимо от содержания самосознания, меняющихся социальных условий и возрастов, общий план построения идеи «я» остается одним и тем же, все происходящие изменения «относятся к одному пункту как принадлежность одного начала – сознающего субъекта» [6, с. 359; 30, с. 291, 308]. Таким образом, в метафизике Снегирев является дуалистом, но главное содержание и интерес его труда заключаются именно в феноменологии, поскольку сама «субстанция души раскрывается из ее проявлений и законов» [6, с. 344; 30, с. XI].

Как оригинальную и последовательную Вержболович отмечает ту позицию, которая связана с представлением о непрерывности процесса сознания, совершающегося «во все течение жизни, следовательно, во сне, в самом глубоком обмороке и тому подобных состояниях», поскольку, по Снегиреву, перерыв сознания «равнялся бы прекращению жизни души» [6, с. 352; 30, с. 192]. Напомним здесь, что в своём последнем произведении («Сон и сновидения», 1875), касаясь метафизической теории духа, Снегирев мыслит его «только как чистую энергию, деятельность которой и жизнь есть сознание и только сознание» [30, с. XXIV; 31, с. 441–442; 32, с. 72–73]. Таким образом, развитие личного и бессмертного духа представляет собой непрерывный творческий процесс, в котором «все вновь творится», и виды творения

могут быть только сходными между собою, но никогда не тождественными [30, с. XXV]. Известно, что Снегирев перед своими оппонентами – «бессознательниками» последовательно отстаивал ту мысль, что чистая энергия не может подлежать временным или пространственным изменениям, следовательно, никакой бессознательной области в духе не существует. Сознание раскрывается как жизнь духа и его идей как форм деятельности [30, с. XXIV; 32, с. 66; 33, с. 335, 339–340, 350].

Развитие представления о непрерывности личного духовного начала мы находим в учении Снегирева о памяти. Вержболович подтверждает, что оно «отличается полнотою и обставлено убедительными доказательствами», хотя при этом вынужден отметить, что здесь несколько «извращается» общепринятый смысл понятий о памяти и забвении [6, с. 357–358; 19, с. 108]. По Снегиреву, память трактуется как «явление сохранения» и состоит из «забвения» двух родов – «временного и постоянного» [6, с. 357; 30, с. 249]. Исследователь специально указывает, что Снегирев, отождествляя как таковое забвение с памятью, точнее, рассматривая его как «особую форму памяти», дополнительно использует такие термины, как «исчезновение», «выпадение» [6, с. 358; 30, с. 262]. Таким образом, все доводы в пользу тождества памяти и забвения могут служить лишь доказательством мысли о невозможности абсолютного забвения. Действительно, если под памятью понимается процесс «сохранения» и «удержания» в душе всех её изменений и состояний, в соответствии с законом сохранения «силы», а в данном случае «психиче-

ской энергии», ни одно движение души, ни одно изменение сознания не может абсолютно исчезнуть [6, с. 356–357; 30, с. 240, 242]. С нашей точки зрения, данное предположение вполне согласуется с представлением о душе, скажем точнее, личности как о монаде.

Обращает внимание Вержболович и на оригинальный подход казанского мыслителя к решению вопроса о классификации душевных явлений, в основу которого положено представление о простоте души [6, с. 346; 19, с. 109]. По мнению Вержболовича, психологическая система «значительно выигрывает в глубине» и даёт простор для эмпирического исследования, будучи представлена через триады душевных состояний [6, с. 346; 30, с. 93]. Определяя ощущение как «простое, ничем не осложненное возбуждение души», Снегирев строго отделяет его от чувственного восприятия [6, с. 347; 30, с. 122]. В частности, казанским исследователем обстоятельно показано, «в чем выражается собственная воспринимающая деятельность духа и в каком отношении стоит она к деятельности его эмпирического коррелята» [19, с. 110; 30, с. XI]. С нашей точки зрения, в этой части Вержболович, вероятно, по методическим соображениям, в следующий раз опускает возможность связать систему Снегирева с монадологией Лейбница. Между тем, как комментирует Вержболович концепцию Снегирева, хотя под действием внешних и внутренних материальных сил в нервной ткани возникают массивы соответствующих движений, «последняя не в состоянии сознать себя и превратить их в ощущения», поэтому должен существовать ещё особый деятель – душа. Причём ощущение может

быть определено как восприятие душою движений внешнего мира и организма, видоизменённых в движениях нервной ткани, но только в той форме, которая соответствует её природе [6, с. 347–348; 30, с. 128].

Концепция Снегирева о душе как особого рода духовной реальности раскрывается и в разделе, посвящённом чувствам – явлениям преимущественно религиозно-нравственного порядка. Вообще чувство определяется Снегиревым как впечатление, которое производит на душу её собственные состояния и изменения, связанные с общим возбуждением нервной системы и имеющие результатом непосредственную оценку всего этого для блага индивидуума [6, с. 364; 30, с. 403]. Согласно мнению казанского профессора, чувство долга, нравственный закон, идеи добра и зла являются результатом взаимодействия двух факторов, а именно, «наблюдения значения действий для достижения счастья и благополучия» в сравнении их с «прирожденным духовной природе человека идеалом совершенства» [6, с. 368; 30, с. 585]. Таким же образом Снегирев рассматривает совесть, а именно как следствие оценки действий, а не причину или источник нравственного закона, как особого рода волнение, возникающее при оценке действий до и после их совершения. Касаясь сущности мотивов воли, Снегирев уточняет, что её роль состоит в усилении чувства долга и обязанности, «принуждающего» делать добро и не делать зла. Кроме того, необходимым условием нравственного мотива служит сознание человеком себя причиной и виновником своих действий, или чувство свободы [6, с. 373; 30, с. 673, 675].

Как указывает Вержболович, в отношении чувства свободы казанский философ придерживается срединной точки зрения, в соответствии с которой свобода, включаемая им в состав нравственного чувства, «не есть противоположность моральной необходимости», но ее вид «как факт сознательного следования сильнейшему мотиву». Этот «мотив» связан со всей совокупностью личностного жизненного опыта [6, с. 368; 30, с. 594].

Вержболович специально останавливается на решении Снегиревым вопроса о религиозном чувстве, которое трактуется как особого рода явление, независимое от чувственного опыта и укоренённое в специальной духовной деятельности [6, с. 368; 19, с. 111; 30, с. 595]. Предварительно исследователь замечает, что в объяснениях религиозного чувства автор «Психологии» держится того же «среднего между идеализмом и эмпиризмом направления» [6, с. 368–369]. Религиозное чувство рассмотрено Снегиревым как источник происхождения идеи «всемогущей Личности Божества». По убеждению казанского мыслителя, эта идея представляет субъективную основу религии и присуща человеку в силу природы его духа, связана с его самосознанием и идеей его собственной личности; причём в силу ограниченности человеческого существа подлежит развитию вместе с идеей собственной личности. Основной вывод казанского профессора: «идея Божества», являясь составной частью процесса самосознания, по противоположности есть отображение нашей собственной личности, включая ее высшие свойства [30, с. 601].

Таким образом, единство антропологических моделей казанского духовного-академического теизма и святоотеческой традиции связано с представлениями о дуальности личностного единства, согласно которым образ соединения души и тела непостижим по образу сущностного единства личностных ипостасей христианской Троицы или богочеловеческой природы евангельского Христа. Аксиоматические же основания заложены в положение о тварном происхождении человеческой души, которая имея сверхъестественный источник, ему по существу не тождественна. Будучи проекцией личного абсолюта, она духовна, проста, непрерывна в своём движении, творчески свободна, религиозно-нравственна [7, с. 302–312].

В психологии Снегирева мы не находим упоминания или определенно выраженного учения о монаде, тем не менее считаем возможным указать на очевидную близость позиций казанского теиста и предшественника немецкой классической философии, развивавшего идеи субстанциального плюрализма [32, с. 70–71]. Хотя в отношении к личностному субъекту внешние или внутренние (телесные) впечатления и служат основанием для всякого душевного проявления, по взгляду казанского мыслителя, качественная форма последнего зависит от самой природы души, ее способностей, действий и состояний. При этом существо души остается тождественным себе и неизменным в основаниях. Таким образом, душа раскрывает свои состояния исключительно из недр собственной природы, и, мы предполагаем, следовательно, отчасти родственна монаде Лейбница.

**Абсолютное начало как основной
вопрос философии и методы его
решения в теизме
(по П. И. Линицкому)**

В своей системной работе «О началах» (1885) профессор Киевской духовной академии П. И. Линицкий, развивая понятие об абсолютном как основной идее философии, одновременно обосновывает идею безусловного как центральный, основополагающий элемент самосознания, определяющий весь строй духовной и психической жизни. Исследователь придает идее безусловного ту же значимость организующего начала духовной жизни, что и самосознанию, консолидирующему личность [15, с. 113]. Понятие о безусловном начале в ряду философских понятий представлено Линицким как коренное (основное, самостоятельное), возвышенное, всеобъемлющее и синтетическое, сообщающее жизни человека определённый смысл и характер [15, с. 103–104].

Рассматривая абсолютное как самостоятельное, заключенное в себе духовное существо, Линицкий настаивает на возможности его постижения разумом в качестве всеобъемлющего начала по мере познания конечного бытия. Отсюда «безусловное есть, конечно, идея разума, но такая идея, с которой, для полноты ее значения, должна соединяться вера в бытие существа абсолютного – объекта этой идеи» [15, с. 106].

Преодолевая односторонность номинализма и реализма, а вместе с тем мистицизма и рационализма, Линицкий использует парадоксальный подход, характерный для христианской традиции Востока, православно исповедующей догмат Троицы. Интерпретируя понятие об абсолютном, киевский

мыслитель сочетает, как кажется, разноравнонаправленные акциденции бытия: «абсолютное должно мыслить как субстанцию или существо индивидуальное (личность) и вместе с тем универсальное (всеобъемлющее)» [15, с. 106].

По аналогии с решением вопроса о взаимном отношении духовных и телесных явлений Линицкий акцентирует внимание на трудностях, связанных с необходимостью обосновать безусловность абсолютного духа через его отношение к конечному и условному. С позиции самосознания само безусловное мыслится через акт «самоотвержения» как имеющее прежде всего отношение к себе [15, с. 110]. Внутренняя условность и относительность абсолютного преодолеваются Линицким через отождествление в абсолютном необходимых различий с единством его существа: «Высочайший разум и верховная воля нераздельны, составляют единую неделимую силу, нераздельное проявление единого существа» [15, с. 110–111]. «Взаимная условность» в силу закона причинности на самом деле, как полагает киевский метафизик, не должна иметь место, поскольку материя, предназначенная служить орудием для целей духа, не совечна творческой причине, от неё независимой. Тем более что творческая деятельность первой причины не необходима, а свободна: свобода столь же необходимое свойство духа, как и единство. Если проявлением свободы безусловного духа служит его творческая деятельность, для духов конечных проявлением свойственной им ограниченной свободы должно служить деятельное установление своих отношений к безусловному как причине конечной [15, с. 111–112]. Таким образом, идея без-

условного служит объединяющим началом по отношению ко всем видам человеческой деятельности.

Итак, согласно Лiniцкому, по синтетическому направлению мышления философия соприкасается с искусством, в контексте аналитической деятельности она существенно роднится с наукой. Так как цель аналитической деятельности мышления – синтез, а основное синтетическое начало есть идея абсолюта, составляющая необходимую и неотъемлемую принадлежность нашего сознания, следовательно, абсолютное – главный предмет философии [15, с. 112–113].

При этом следует отличать начала синтетические от действий, ими производимых. Поэтому синтетическое начало не то же, что целое, образуемое соединением частей; через аналитическое рассмотрение целого не может быть определено производящее его синтетическое начало. Синтетические начала (жизненная сила, целесообразность в природе, свобода воли, бессмертие души) не могут быть выведены аналитически, равно как и опровергнуты. Они должны выводиться и обосновываться синтетическим путём, т. е. совместными усилиями богословия и философии, как это полагал и казанский мыслитель [15, с. 113; 19, с. 135; 30, с. XVIII].

Рассматривая учение, развивавшееся в стенах духовных академий России XIX в., М. В. Шумейко отмечает тот факт, что его смысловым ядром стало универсальное представление об абсолютном как совершенной личности [37]. Проблема абсолюта определяла структуру и единство всего комплекса философского знания, находя свое разрешение в тесной связи с онтологическими,

гносеологическими, этическими и антропологическими идеями [12, с. 82; 20, с. 90–91; 22, с. 35]. Н. К. Еникеева находит продолжение патристической традиции в онтологии Лiniцкого в предикатах духа как основного начала: единстве, неизменяемости (тождестве сознания) и деятельности [10]. Отсюда, по Лiniцкому, материя не нуждается в отрицании, поскольку представляет орудие духовного творчества [11].

По примеру одного из авторов академического журнала обратимся к определению философии, предложенному В. Кузеном: «Загадка вселенной должна иметь свое слово; именно это слово и ищет философия» (*Souvenirs d'Allemagne*, 1866, p. 72) [11, с. 72]. Об этом же говорит и «наука о человеке», просвещённая сверхъестественной истиной: «Человек живет среди загадок, прежде всего, он сам есть загадка для себя; загадочна его природа и загадочен их Виновник. И хотя философ должен сознавать себя смиренным перед этим непроходимым мраком, но в то же время он имеет право находить себя великим, пытаться постепенно рассеивать этот мрак» [11, с. 72].

С нашей точки зрения, исторически и концептуально теистическое направление отечественной философии предстает как уникальное целостное явление, где вершиной философского знания, традиционно включающего разделы метафизики и логики, становится психология, опирающаяся на святоотеческую концепцию о природе человека.

Философы-теисты рассматривают психологию как основу философии, поскольку рациональный метод исследования духа посредством самого духа является для них преимущественным.

В силу предметной и методологической специфики «науки о человеке» дух может быть и созерцаемым, и созерцающим, поэтому прежде применения духа к внешнему для отечественных исследователей нет ничего проще и естественнее, как применить его к самому же духу.

Духовно-академическая психология предстаёт как метафизика личности, т. е. уникального и таинственного в своих сущностных основаниях единства души и телесности. Образ духовно-телесного личностного тварного единства обосновывается отечественными мыслителями по подобию метафизического концепта о единстве нетварной природы и разделении в лицах абсолютного существа.

Метафизические предпосылки психологической системы, связанные с традицией теизма, задают необходимые границы мистического и рационального, положительного знания и веры в представлениях о способах существования и формах отношений между личными реальностями, наделёнными условным и безусловным бытием.

Духовность внутреннего мира человека как проекции абсолютного существа в контексте традиции духовно-академического теизма неразрывно сопряжена со свободой и религиозно-нравственными основаниями, которые могут быть истолкованы как необходимые условия или законы жизни личностного бытия. Согласно представлениям православных философов, идея абсолюта является центральной и развивается постепенно вместе с самосознанием, определяя весь строй жизни личности. Метафизика теизма опирается на представления о тварности и одновременно самостоятельности, т. е.

творческом характере и свободе человеческого духа.

Очевидно, психологическая наука в традиции духовно-академического теизма носит отнюдь не синкретический, но универсальный характер, поскольку преодолевает односторонность и догматизм, свойственные учениям Запада; таких, опираясь на богооткровенную истину, раскрывается в полноте метафизики и эмпирии; и оставаясь в границах научного метода, развивается отечественными мыслителями как синтетическое учение, свидетельствующее о жизни личностного духа.

Так, признавая главенство духовного начала, профессор Снегирев исходит из дуалистических оснований личностного бытия, в котором мистически соединяются душа и тело. Душа как особое существо, отличное от тела, проявляет свою жизнедеятельность, объединяя содержание личного самосознания на всех этапах человеческого существования. Самосознание трактуется казанским мыслителем как самооткрытие духа, поскольку включает явления сознательные и идеальные, сверхчувственные, субъективные и внутренние, неделимые и непространственные.

В психологии Снегирева мы не находим определенно выраженного учения о монаде, тем не менее считаем возможным указать на очевидную близость позиций казанского теиста и Лейбница как предшественника немецкой классической философии, развивавшего идеи субстанциального плюрализма.

Представления Снегирева и Линницкого о духе как чистой энергии, не зависящей от пространственно-временных отношений, предполагает непрерывность сознания. Данное по-

ложение усиливается общим для теи- душе как простой сущности, следова- стической традиции представлением о тельно, неуничтожимой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азлецкий П. Современные теории инстинкта и научная оценка их с точки зрения православно-христианского учения о духовно-разумной природе человека. Казань, 1898. 110 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 234.
2. Архангельский Н. Опыт систематизации христианского нравственного учения по сочинениям Иннокентия архиеп. Херсонского. Казань, 1884. 808 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 580.
3. Беликов В. Учение о личности у Канта. Казань, 1905. 243 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 1459.
4. Булгаков С. Критический разбор основных положений эволюционной этики. Казань, 1901. 299 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 985.
5. Вержболович М. О. Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. I. С. 117–487.
6. Вержболович М. О. Обзор главнейших направлений русской психологии (окончание) // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 135–374.
7. Давыденко В. Ф. Святоотеческое учение о единстве души при разнообразии ее способностей; душа и дух // Вера и разум. 1903. № 13. С. 300–314.
8. Дмитриевский Ф. Современное положение вопроса о субстанциональности души. Казань, 1866. 63 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 56.
9. Еникеева Н. К. Исторически сложившиеся особенности духовно-академической философии // Достижения вузовской науки. 2016. № 26. С. 101–104.
10. Еникеева Н. К. Онтология Петра Ивановича Линицкого // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 26–2. С. 38–42.
11. К. И. Об идее философии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 51–72.
12. Климова О. М. Критика философского эмпиризма в религиозной философии П. И. Линицкого // Религиоведение. 2011. № 2. С. 79–83.
13. Корниоский А. Материалы для решения вопроса о происхождении души. Казань, 1878. 132 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 523.
14. Ледомский А. Данные богословско-философской русской литературы по вопросу о способах постановки доказательства бытия души, как самостоятельного начала, отличного от материи; классификация этих способов и критическая оценка их. Казань, 1901. 70 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 219.
15. Линицкий П. И. Краткий очерк основных начал философии // Вера и разум. 1895. Т. II. Ч. II. С. 73–113.
16. Наука. Технологии. Человек: материалы «круглого стола» / В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, Н. С. Автономова, Д. И. Дубровский, А. В. Катунин, С. В. Пирожкова, Е. О. Труфанова, Е. Л. Черткова, А. Ф. Яковлева // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 5–49.
17. Неклепаев И. Разбор книги Уорда «Психические факторы цивилизации». Казань, 1900. 109 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 424.
18. Несмелов В. И. Наука о человеке. М.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 438 с.
19. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.

20. Петров А. В. Человек и Абсолют в русской религиозной философии: свобода становления // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 88–91.
21. Пинчук В. Ю. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 169 с.
22. Пишун С. В. Европейская религиозная метафизика и православный теизм XIX века: поиск моделей доказательства бытия Абсолюта // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 35–42.
23. Поль В. А. Философский теизм в Казанской духовной академии (опыт системной реконструкции и интерпретации): дис. ... канд. филос. наук. Уссурийск, 2007. 175 с.
24. Понкин И. В., Понкина А. А. К вопросу о содержании понятия «человек» с позиций медицинского права и биоэтики // Главврач. 2015. № 3. С. 16–23.
25. Пружинин Б. И. Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: Института Философии РАН, 2005. С. 109–120.
26. Репно П. Учение о спасении в языческой философии (сравнительно с учением христианского откровения). Казань, 1899. 124 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 562.
27. Рождение персонализма из духа Нового времени: сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России / ред.-сост. В. Н. Болдарева. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. 392 с.
28. Рубинов Е. Учение Анри Бергсона о душе человека и его значение для религиозных идей о человеческом духе. Казань, 1916. 133 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 1436.
29. Скрынченко Д. Ценность жизни по современному философскому и христианскому учению. Казань, 1901. 169 с. // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10/2. № 384.
30. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии // Научное наследие. электронная библиотека. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения: 19.11.2018).
31. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1875. Т. I. С. 208–492.
32. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1876. Т. II. С. 51–78, 136–180.
33. Снегирев В. А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1876. Т. III. С. 321–350.
34. Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник статей / под ред. Р. В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. 452 с.
35. Шабалкина А. А. Влияние цифровой революции на изменение рынка труда и требования к человеческому капиталу // World science: problems and innovations. Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 59–62.
36. Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Психология в духовных школах России [Электронный ресурс] // Христианская психология. URL: <http://psyheo.by/psihologiya-v-duhovnyh-shkolah-rossii> (дата обращения: 03.12.2018).
37. Шумейко М. В. Понятие Абсолюта в русском духовно-академическом теизме XIX века (в контексте критики пантеистических тенденций в немецкой классической философии) // Религиоведение. 2006. № 4. С. 68–75.

REFERENCES

1. Azletsky P. [The Modern Theory of Instinct and Scientific Evaluation from the Point of View of Orthodox Christian Teaching on the Spiritual-Rational Nature of Man. Kazan, 1898. 110 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 234.
2. Arkhangelsky N. [The Experience of Systematization of Christian Moral Teaching on the Writings of Archbishop Innokenty. Kherson. Kazan, 1884. 808 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 580.
3. Belikov V. [The Doctrine of Personality in Kant. Kazan, 1905. 243 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 1459.
4. Bulgakov S. [Critical Analysis of the Main Provisions of Evolutionary Ethics. Kazan, 1901. 299 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 985.
5. Verzhbolovich M. O. [An Overview of the Main Areas of Russian Psychology]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, p. I, pp. 185–208, 233–256, 257–290, 303–336, 374–398, 399–427, 455–487.
6. Verzhbolovich M. [An Overview of the Main Areas of Russian Psychology (continued)]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 135–158, 185–209, 339–374.
7. Davydenko V. F. [The Patristic Doctrine of the Unity of the Soul with the Diversity of Its Ability; Soul and Spirit]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1903, no. 13, pp. 300–314.
8. Dmitrovsky F. [The Current Situation of the Issue of Substantiality of Soul. Kazan, 1866. 63 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 56.
9. Yeniekeyeva N. K. [Historically Formed Peculiarities of Spiritual-Academic Philosophy]. In: *Dostizheniya vuzovskoi nauki* [The Achievements of University Science], 2016, no. 26, pp. 101–104.
10. Yeniekeyeva N. K. [The Ontology by Peter Ivanovich Linitzky]. In: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority Scientific Directions: from Theory to Practice], 2015, no. 26-2, pp. 38–42.
11. K. I. [The Idea of Philosophy]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 51–72.
12. Klimova O. M. [Criticism of the Philosophical Empiricism of Religious Philosophy of P. I. Linitzky]. In: *Religiovedenie* [Religious Studies], 2011, no. 2, pp. 79–83.
13. Korniosky A. [The Materials for the Solution of the Problem of the Origin of Soul. Kazan, 1878. 132 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 523.
14. Ledomsky A. [Theological and Philosophical Russian Literature on the Problem of Methods Proving the Existence of Soul as an Entity Distinct from the Matter; The Classification of These Methods and Their Critical Evaluation. Kazan, 1901. 70 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 219.
15. Linitzky P. I. [A Brief Outline of Basic Principles of Philosophy]. In: *Vera i razum* [Faith and Reason], 1895, vol. II, part II, pp. 73–113.
16. Avtonomova N. S., Dubrovsky D. I., Katunin A. V. et al [Science. Technology. People: the Proceedings of the «Round Table»]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2015, vol. 20, no. 2, pp. 5–49.
17. Neklepavey I. [The Analysis of Ward's Book «Mental Factors of Civilization». Kazan, 1900. 109 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 424.

18. Nesmelov V. I. *Nauka o cheloveke* [The Science of Man]. Moscow, The Center of Studying, Protection and Restoration of the Heritage of Paul Florensky Publ., 2000. 438 p.
19. Nesmelov V. I. [To the Memory of Veniamin A. Snegirev]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [Orthodox Interlocutor], 1889, no. 5, pp. 97–154.
20. Petrov A. V. [Man and the Absolute in Russian Religious Philosophy: Freedom of Establishment]. In: *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Academic Bulletin], 2011, no. 3 (98), pp. 88–91.
21. Pinchuk V. Y. *Metafizicheskaya psikhologiya v russkom dukhovno-akademicheskom teizme XIX veka* [Metaphysical Psychology in Russian Spiritual and Academic Theism of the 19th century]. Moscow, 2004. 169 p.
22. Pishun S. V. [European religious metaphysics and Orthodox theism of the nineteenth century: in search of the models proving the existence of the absolute]. In: *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke* [Social Sciences and Humanities in the Far East], 2014, no. 1 (41), pp. 35–42.
23. Pol V. A. *Filosofskii teizm v Kazanskoi dukhovnoi akademii (opyt sistemnoi rekonstruktsii i interpretatsii)* [Philosophical Theism in the Kazan Theological Academy (an Experience in Systemic Reconstruction and Interpretation)]. Ussuriysk, 2007, 175 p.
24. Ponkin I. V., Ponkina A. A. [The Issue of the meaning of the concept «human being» from the standpoint of medical law and bioethics]. In: *Glavvrach* [The Chief Physician], 2015, no. 3, pp. 16–23.
25. Pruzhinin B. I. [The applied and the fundamental in the ethos of modern science]. In: *Filosofiya nauki. Vypusk 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of Science. Ethos of Science at the Turn of the Century]. Moscow, The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, issue 11, pp. 109–120.
26. Repno P. [The Doctrine of Salvation in Pagan Philosophy (in Contrast to the Christian Doctrine of Revelation). Kazan, 1899. 124 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], F. 10/2, no. 562.
27. Boldareva V. N. *Rozhdenie personalizma iz dukha Novogo vremeni: sbornik statei po genealogii bogoslovskogo personalizma v Rossii* [The Birth of Personalism from the New Time Spirit: A Collection of Papers on the Genealogy of Theological Personalism in Russia]. Moscow, Orthodox Saint Tikhon University for Humanities Publ., 2018. 392 p.
28. Rubinov E. [The Teachings of Henri Bergson on Human Soul and Their Significance for Religious Ideas on Human Spirit. Kazan, 1916. 133 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], F. 10/2, no. 1436.
29. Skrynchenko D. [The Value of Life in Contemporary Philosophical and Christian Teachings. Kazan, 1901. 169 p.]. In: *Natsionalnyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan], f. 10/2, no. 384.
30. Snegirev V. A. [Psychology. A Systematic Course of Lectures on Psychology]. In: *Elektronnaya biblioteka «Nauchnoe nasledie»* [Electronic Library «Scientific Heritage»]. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (accessed: 19.11.2018).
31. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. I, pp. 208–226, 441–492.
32. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. II, pp. 51–78, 136–180.
33. Snegirev V. A. [Sleep and Dreams]. In: *Pravoslavnyi sobesednik* [The Orthodox Interlocutor], 1875, vol. III, pp. 321–350.
34. Yershova R. V. *Tsifrovoe obshchestvo kak kulturno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka* [Digital Society as a Cultural and Historical Context for Human Development]. Kolomna, State Social Humanities University Publ., 2018. 452 p.

35. Shabalkina A. A. [The impact of the digital revolution on changing labour market requirements and human capital]. In: *Sbornik statei XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «World science: problems and innovations»* [Collection of Papers of the 14th International Theoretical and Practical Conference «World Science: Problems And Innovations»]. Penza, *Nauka i Prosveshchenie* Publ., 2017, pp. 59–62.
36. Shekhovtsova L. F., Zenko Y. M. [Psychology in the Theological Schools in Russia]. In: *Khristianskaya psikhologiya* [Christian Psychology]. Available at: <http://psyheo.by/psikhologiya-v-duhovnyh-shkolah-rossii/> (accessed: 03.12.2018).
37. Shumeiko M. V. [The Concept of the Absolute in Russian Spiritual Academic Theism of the 19th Century (in the Context of the Criticism of Pantheistic Tendencies in German Classical Philosophy)]. In: *Religiovedenie* [Religious Studies], 2006, no. 4, pp. 68–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондаренко Виктория Викторовна – кандидат медицинских наук, магистр философии, старший научный сотрудник, доцент кафедры теологии Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriya V. Bondarenko – PhD in Medicine, MPhil, senior researcher, associate professor of Theology at the Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University;
e-mail: bondarenko.vv@dvfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Бондаренко В. В. Личность человека как метафизическая проекция абсолюта в традиции духовно-академического теизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 76 – 92.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92

FOR CITATION

Bondarenko V. V. Human Personality as a Metaphysical Projection of the Absolute in the Tradition of Spiritual Academic Theism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 76 – 92.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-76-92

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-93-100

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВООПОНИМАНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ Е. Н. ТРУБЕЦКОГО

Виноградов А. И., Филиппов Д. Д.*Мурманский арктический государственный университет**183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация. Целью данной работы является анализ процесса формирования концепции интегрального правопонимания русского философа и правоведа Е. Н. Трубецкого. Для этого рассматривается содержание заочной полемики Трубецкого с представителями классических школ теоретико-правовой мысли, на основании чего сформулированы основные положения критики у русского мыслителя в адрес традиционных концепций правопонимания и основные тезисы его собственной оригинальной концепции. Благодаря этому углубляется представление о философии права Е. Н. Трубецкого. Статья адресована интересующимся вопросами истории философии и философии права.

Ключевые слова: правопонимание, интегральное правопонимание, Трубецкой, философия права.

CRITICAL ANALYSIS OF CLASSICAL CONCEPTS OF LEGAL UNDERSTANDING IN E. N. TRUBETSKOY'S PHILOSOPHICAL AND LEGAL DOCTRINE

A. Vinogradov, D. Philippov*Murmansk Arctic State University**15, Captain Yegorov st., Murmansk, 183038, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the way the concept of integral legal understanding was formed in the works of the Russian philosopher and lawyer E.N. Trubetskoy. For this aim the article describes the content of the controversy of E.N. Trubetskoy with the representatives of classical schools of theoretical and legal thought, which resulted in the basic theses of the original concept of integral legal understanding by the Russian philosopher. The outcomes of the research provide a better insight into Trubetskoy's philosophy of law. The article is addressed to people who are interested in the problems of the history of philosophy and philosophy of law.

Keywords: legal thinking, integral legal thinking, Trubetskoy, philosophy of law.

Концепция правопонимания является базовым отправным пунктом любых рассуждений о природе права и его социальном предназначении. Конкретный тип правопонимания в рамках своих методологических и философских предпосылок всегда был призван отвечать на вопросы о природе права, что указывает не только на чисто теоретический, но и на практический интерес исследователей, получающий выражение в рамках регулирования общественных отношений. В истории юридической и философско-правовой мысли насчитывается несколько теорий правопонимания, развитие которых происходило в рамках напряжённого взаимного соперничества и противостояния.

Параллельно с этими процессами существует также стремление найти объединительное решение проблемы правопонимания, усилившееся в наше время. Как отмечает З. Д. Деникина, сейчас «все большее значение имеет полномасштабный сравнительный анализ наличных концепций с целью нахождения однозначного, сбалансированного представления о праве» [2, с. 7]. В рамках отечественной философско-правовой мысли это стремление со временем конвертировалось в систематические попытки создать комплексную интегральную концепцию правопонимания, способную наиболее адекватно отразить объективные признаки и закономерности развития правовых явлений, преодолеть недостатки существующих теоретико-правовых школ и объединить в себе их несомненные достоинства.

Одним из наиболее интересных представителей русской юридической школы интегрального правопонимания стал кн. Е. Н. Трубецкой (1863–1920), чьи философско-правовые исследования в данном направлении отличались системностью избранного подхода и вниманием к аргументации оппонентов.

Неудивительно, что в своих работах Трубецкой систематически подвергает критике наиболее распространенные в его время концепции правопонимания. Взгляды русского философа и правоведа носили ярко выраженный идеалистический характер, в то время как философско-правовая мысль конца XIX – начала XX вв. была направлена на разработку преимущественно натуралистических теорий права. Юридическая наука стремительно очищалась от каких-либо идеалистических наслоений, а само право трактовалось, исходя из объективных закономерностей существования естественного мира, без привлечения «избыточных» сущностей. Сердцевину полемики европейских и русских мыслителей составлял лишь вопрос о том, какая именно грань естественных закономерностей развития права как социального феномена в наиболее полной мере отражает его подлинную природу.

Наиболее влиятельной концепцией правопонимания на рубеже веков являлся юридический позитивизм. Различные разновидности данного типа правопонимания трактовали право в рамках этатистского подхода, определяя его в качестве результата проявления властной воли государства. Трубецкой отмечает гносеологиче-

скую ограниченность подобного подхода, поскольку отождествление права с проявлением государственной воли лишает возможности провести философско-правовой анализ его субстанциональных свойств и, как итог, определить его природу.

Развивая свою антипозитивистскую аргументацию, Трубецкой привлекает ресурсы исторического и антропологического знания, демонстрируя догосударственное происхождение правовых норм. По мнению русского философа, существует «необозримое множество норм позитивного (положительного) права, коих обязательства обуславливаются вовсе не санкцией государственной власти, а какими-либо другими внешними фактами, например, тем, что таков был обычай у отцов и дедов, что так постановил тот или другой собор пастырей церкви, та или другая международная конференция» [5, с. 295]. Для Трубецкого наиболее убедительным выглядит социальное происхождение положительного права, что связывает право с эволюцией общества как такового. Нормы позитивного права могут складываться вне зависимости от вмешательства государства и государственного законодателя. Так, источником правового обычая может выступать авторитет конкретного общества или общественной среды.

Трубецкой считает, что в догосударственный период люди уже подчинялись определённым правовым нормам, когда ни государства, ни государственного правотворчества, ни какой-либо организованной власти ещё не существовало. Подтверждение этому русский философ находил в этнографических исследованиях обыча-

ев диких народов, в социальной жизни которых присутствуют правила несомненной юридической природы в условиях полного отсутствия государства и даже предпосылок для его формирования.

Догосударственный, или, лучше сказать, нон-государственный, характер права Трубецкой видит на всём протяжении человеческой истории. Феномен правового обычая в действующем позитивном праве имеет обязательную силу не потому, что он санкционирован государством, а потому, что государство вынуждено считаться с уже существующими нормами правового поведения, отменить которые оно (государство) не в состоянии. Отсюда проистекает порочный логический круг в аргументации позитивистов. Если обычай имеет силу благодаря государственному санкционированию, почему его обязательная сила никак не изменяется с того момента, как он не был «благословлен» государством, до того момента, когда он уже признан государством. Ничто в действии правового обычая не изменяется от факта его государственного признания: ни его содержание, ни общеобязательная сила действия, ни круг субъектов, которые ему следуют.

Анализ взаимного соотношения и взаимодействия права и нравственности, проведённый Е. Н. Трубецким, так или иначе был направлен против аргументации сторонников современного ему юридического позитивизма в своих исследованиях, традиционно игнорировавших ценностный компонент юридических установлений. Позитивисты видели в аксиологическом и нравственном измерении права избыточные метафизические измышления,

от которых необходимо избавиться. Классики юридического позитивизма считали необходимым оперировать в своих работах исключительно юридической терминологией, избавляясь от каких-либо нравственных оценок. Естественно, при таком подходе сам вопрос о «нравственно должном в праве» был исключён.

Позитивизм сводил право к установлению действующей политической воли в определённом социальном порядке. Непродуктивность подобного подхода очевидным образом заключается в его неспособности решить вопрос об источнике авторитета права. Неясными являются причина общеобязательного характера юридических предписаний и признание людьми своей подчинённости этим предписаниям. Фактически теория права, которая сводит правовые установления к чисто волюнтаристскому акту, игнорирует необходимость интеграции юридических предписаний в сферу общественной жизни посредством процедуры легитимизации права: «по отношению к власти, которая господствует одной только голой силой, подданные не связаны ни правовыми, ни вообще никакими бы то ни было другими обязательствами. Власть имеет несомненное право господствовать лишь постольку, поскольку она действительно представляет собой то общество, над которым она господствует, то есть поскольку она служит его благу, выражает его волю, соответствует господствующим в данной среде интересам и воззрениям. ... Если мы обязаны повиноваться, то только потому и лишь постольку, поскольку она олицетворяет собой авторитет той или другой окружающей нас общественной среды. ... Очевидно,

что здесь мы имеем дело с таким авторитетом, который не может быть сведен ни к какой другой высшей форме внешнего авторитета» [5, с. 320].

Позитивизм отрицает естественное право, низводя феномен юридических норм исключительно до уровня положительного права. При такой постановке проблемы право представляло бы собой неэффективный и нестабильный институт. Сложная многосторонняя природа права низводится в рамках позитивистской методологии до уровня элементарных рационально-логических построений. Трубецкой считал, что «право позитивное не есть единственная форма права, что над ним есть иное, высшее право, которое служит первоначальным источником всякого авторитета, всякой власти и, следовательно, является первоначальной основой всякого правового порядка. Эта высшая форма права, отличного от права положительного, независимо от какого бы то ни было авторитета, и есть то, что называется естественным правом. Существование естественного права неопровержимо доказывается тем, что без него никакое вообще право было бы не возможно. Отрицая естественное право, мы должны, если хотим оставаться последовательными, отрицать и право позитивное; ибо необходимым логическим следствием отрицания естественного права является отрицание всякого права вообще» [5, с. 320].

Сама критика существующего права становится возможна лишь в том случае, если в нашем сознании имеется представление о некоем правовом идеале. Если нормы положительного права не соответствуют этому правовому идеалу, у нас формируется стремле-

ние к преобразованию существующих юридических предписаний. Естественное право выступает стимулом правовых преобразований. Поэтому, по мнению Трубецкого, принципиально неверно сводить право исключительно к праву положительному.

Но данная установка не означала безоговорочного принятия Трубецким концепции естественного права. Важным дополнением естественно-правовой концепции становится утверждение русского мыслителя о том, что естественное право не находится в стационарном состоянии, но динамично изменяется в соответствии с запросами эпохи. Ранее сторонники естественно-правовой концепции обычно трактовали право как некий кодекс неизменных норм. Такую позицию можно найти в «старой» теории естественного права, родоначальником которой был Гуго Гроций и истоки которой содержатся в трудах древнеримских теоретиков права. Предполагая, что правовой идеал есть выражение законов мирового разума, представители этой школы мыслили естественное право как систему незыблемых правовых принципов, выступающих абсолютным критерием для реального, позитивного права. Как правило, такая точка зрения вела к осуждению существующего порядка вещей, который плохо соответствовал указанному правовому идеалу [3, с. 30].

Былые теоретики естественного права, по мнению Трубецкого, не учитывали его вариабельности в различных исторических и культурных условиях. Более того, эти различия были даже своеобразным контраргументом против самой концепции естественного права. Мыслители про-

шлого стремились к рефлексивной реконструкции наилучших форм государственного и политического устройства, игнорируя то обстоятельство, что универсального образца для всех и каждого быть не может. Ведь наилучшее государственное устройство также отражает максимально гармоничное сочетание наибольшей степени реализации внешней свободы индивида и общественного блага, возможного в конкретное историческое время у конкретного этноса [6, с. 84].

Противопоставляя позициям старых теоретиков естественного права своё мнение, Трубецкой обосновывает его следующим образом: естественное право определяет границы внешней свободы человека в той степени, в какой они отвечают всеобщему благу и закону добра. Однако степень этого соответствия может меняться в различные исторические эпохи и у разных народов. Следовательно, степень реализации этой внешней свободы также может быть различна, так как «добро не требует, чтобы пределы внешней свободы лица определялись одинаковым образом» [5, с. 322].

Максимум внешней свободы определяется благом общества, в котором существует данная личность. Гармония между свободой и общественным благом не может носить неподвижный характер. Трубецкой трактует право как освобождающую силу, импульс, дающий человеку возможность реализации внешней свободы против тех ограничений и препятствий, которые могут существовать в обществе. Однако, поскольку данные ограничения и препятствия в разных обществах отличаются друг от друга, и требования естественного права к реализации

внешней свободы индивида также могут сильно различаться.

Требования единства, с одной стороны, и индивидуальной самобытности и свободы, с другой, должны быть в равной степени удовлетворены в процессе продвижения к конечной цели мирового развития. Это и определяет существование нравственности и права как относительно независимых принципов, ведущих человека к грядущему идеальному состоянию и в равной степени необходимых для полного раскрытия как человеческого единства, так и человеческой свободы.

Анализ основных преимуществ и недостатков наиболее влиятельных концепций правопонимания, проведённый Трубецким, позволяет ему обозначить основные преграды на пути построения интегральной философско-правовой теории. Исходной посылкой для воззрений русского философа является понимание права как сложного многомерного социального феномена, избыточная акцентуация лишь на одной грани природы которого неизбежно будет приводить к внутренним противоречиям и снижать продуктивность всей теории в целом. Именно данная черта оказалась свойственна всем наиболее влиятельным теориям права прошлого.

Трубецкой наглядно продемонстрировал ограниченность позитивистского подхода, в рамках которого право было сведено к выражению воли государства, чем фактически была девальвирована правовая гносеология. Абсолютизация отдельных граней права как сложного феномена также породила внутренние противоречия в историческом, социологическом и классово-материалистическом подхо-

дах. Хотя в каждом из них Трубецкой отмечал наличие здорового рационального зерна, существенно расширявшего потенциал философско-правовой рефлексии [1, с. 56].

Собственное учение Трубецкого о праве было направлено на попытку создания целостной интегральной философско-правовой системы, способной вобрать в себя достоинства существующих концепций правопонимания и преодолеть недостатки различных правовых школ. Как итог, в развернутом виде можно обозначить наиболее важные выводы Трубецкого о природе права, которые были указаны им в рамках критического анализа взглядов иных исследователей.

Право в рамках концепции Трубецкого выступает фактором, определяющим внутренний порядок общества, основы сознательного сотрудничества индивидов, оно является минимальным условием организации и продуктивного развития социума. Важнейшим аспектом правогенеза выступает вопрос о границах внешней свободы индивида, которые определяют меры должного и возможного поведения в системе субъективных прав и обязанностей. Право, таким образом, является нравственно обоснованной мерой личной свободы.

Сделанные Е. Н. Трубецким выводы о легитимизирующей функции общественного сознания по отношению к юридическим нормам имеют существенное значение и для современной теории и философии права. Распространённым явлением в общественной жизни современного российского общества является низкая эффективность действия тех или иных юридических законов. Принятые в ус-

ловии игнорирования общественных потребностей и интересов правовые установления часто фактически появляются на свет «мертворожденными», не получая необходимого действия в социальной жизни. В этом случае можно говорить о том, что общество не придаёт таким законам легитимного значения и не следует им: «об их существовании быстро забывают, и они уходят в небытие, так и не став правом» [4, с. 108].

Обобщая вышеизложенное в настоящей статье, необходимо сделать ввод о том, что философско-правовое учение Е. Н. Трубецкого представляет собой образец построения целостной интегральной концепции правопони-

мания, направленной на преодоление недостатков существующих школ теоретико-правовой мысли. В результате русским философом и правоведом формулируется представление о праве как о сложном социально обусловленном феномене, возникающем на основе необходимости общественного взаимодействия и объединения в социальную группу, о порождаемом данным взаимодействием стремлении к упорядочиванию социальных отношений между субъектами о ценностной основе, способной определять гармонию между интересами внешней свободы индивида и общественным благом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбов А. П. Право. Свобода. Личность. Сравнительный анализ немецкой и русской философии права. СПб., 2002. 301 с.
2. Деникина З. Д. Философия права и общая теория права как виды метатеоретического знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 6–13.
3. Евлампиев И. И. Философские и правовые воззрения Евгения Трубецкого // Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 5–38.
4. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб., 2015. 472 с.
5. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1917. 227 с.
6. Хандуле М. М. Социальное право и социальная система в философии русского зарубежья // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 84–88.

REFERENCES

1. Al'bov A. P. *Pravo. Svoboda. Lichnost'. Sravnitel'nyi analiz nemetskoi i russkoi filosofii prava* [Law. Freedom. Personality. A Comparative Analysis of German and Russian Philosophy of Law]. St. Petersburg, 2002. 301 p.
2. Denikina Z. D. [Philosophy of Law and General Theory of Law as Kinds of Meta-theoretical Knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 2, pp. 6–13.
3. Yevlampiev I. I. [Philosophical and Legal Views of Eugene Trubetskoy]. In: *E. N. Trubetskoi. Trudy po filosofii prava* [E. N. Troubetzkoy. Works on the Philosophy of Law]. St. Petersburg, 2001, pp. 5–38.
4. Polyakov A. V., Timoshina E. V. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. St. Petersburg, 2015. 472 p.

5. Trubetskoy E. N. *Leksii po entsiklopedii prava* [Lectures on the Encyclopedia of Law]. Moscow, A.I. Mamontov's Printing House, 1917. 227 p.
6. Khandule M. M. [Social right and social system in the philosophy of the Russian Diaspora]. In: *Sotsialno-gumanitarnoe obozrenie* [The Review of Social and Humanity Studies], 2016, no. 2, pp. 84–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, доцент, директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета;

e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Филиппов Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения Мурманского арктического государственного университета;

e-mail: ddfilipp@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, associate professor, director of the Institute for Social Sciences and Humanities, Murmansk Arctic State University;

e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Dmitryi D. Philippov – postgraduate student at the Department of Philosophy, Social Science and Social Law, Murmansk Arctic State University;

e-mail: ddfilipp@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Виноградов А. И., Филиппов Д. Д. Критический анализ классических концепций правопонимания в философско-правовом учении Е. Н. Трубецкого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 93 – 100.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-93-100

FOR CITATION

Vinogradov A.I., Philippov D.D. Critical Analysis of Classical Concepts of Legal Understanding in E. N. Trubetskoy's Philosophical and Legal Doctrine. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 93 – 100.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-93-100

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-101-109

ЦЕЛОСТНОСТЬ И ЛОГОС В ФИЛОСОФИИ В. Ф. ЭРНА

Ишутин А. А.*Московский финансово-промышленный университет «Синергия»**105318, г. Москва, ул. Измайловский вал, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды русского религиозного философа В. Ф. Эрна. Цель работы – обозначить критерии, по которым происходит радикальное противопоставление Логоса и ratio в решении проблемы целого русским мыслителем. Детально раскрывается понятие *Логос* как целостный разум вне отвлечения от живой действительности. Делается акцент на то, что в рационалистической философии реальность искусственно дробится на мёртвые части, сводится к схемам и отрывается от полноты жизни. Специфика взглядов В. Ф. Эрна заключается в том, что, по его мнению, Целое становится Целым только при допущении, что оно находится за *пределами* нашего мира, за пределами смерти и является ноуменальным Существом. Используя исторический, аналитический, диалектический и системный методы исследования, автор приходит к выводу, что взаимосвязь идей целостности, Логоса и бессмертия является оригинальной темой именно философии В. Ф. Эрна. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в настоящее время, в эпоху социальных трансформаций и господства постмодернизма, идея целостности в онтологии и гносеологии становится вновь весьма важной, так как без этой идеи невозможно какое-либо историческое проектирование. Статья адресована политехнологам, занимающимся формированием идеологии в современной России.

Ключевые слова: Логос, Целое, часть, ratio, онтологизм, природа, холизм.

WHOLENESS AND LOGOS IN THE PHILOSOPHY OF V. F. ERN

A. Ishutin*Moscow University for Industry and Finance «Synergy»**2, Izmaylovsky Val st., Moscow, 105318, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the views of the Russian religious philosopher V. F. Ern. The purpose of the article is to identify the criteria by which the Russian thinker opposed Logos to ratio in solving the problem of wholeness. The concept of Logos as an integral mind inextricable from the living reality is revealed in detail. The emphasis is put on the fact that in rational philosophy the reality is artificially divided into dead parts reduced to schemes and torn from the completeness of life. The peculiarity of Ern's views is that the Whole becomes as such only if it is outside the world, beyond the limits of death and noumenal. Using historical, analytical, dialectical and sys-

temic methods of research, the author comes to the conclusion that the interrelation of ideas of wholeness, Logos and immortality is the original theme of Ern's philosophy. The theoretical and practical significance of the article lies in the fact that at present, in the era of social transformations and domination of postmodernism, the idea of integrity in ontology and epistemology becomes again very important because without this idea any historical projecting is impossible. The article is addressed to political technologists engaged in the formation of ideology in modern Russia.

Keywords: logos, whole, part, ratio, ontologism, nature, holism.

Владимир Францевич Эрн (1882–1917), философ рубежа XIX–XX вв., продолжает традиции русской философии и так же пытается решить проблему Целого. Делает он это посредством радикального противопоставления таких понятий, как Логос и ratio. «Абсолютно данное моего мировоззрения – *восточнохристианский логизм*», – утверждает он. Существо Логоса, по его мнению, состоит в *божественности*, это предвечное определение самого Абсолютного, не субъективно-человеческий принцип, а объективно-божественный. «Бог христианства *изначально* был Логосом» [5, с. 82], постулирует В. Ф. Эрн. Этот Логос есть конкретное живое существо, воплощённое и присутствующее в историческом процессе.

Следуя мысли В. Ф. Эрна, отметим, что изначально существует Слово, а Вселенная образуется за счёт раскрытия этого изначального Слова. Таким образом, Мир – это Откровение, поэтому он не может быть лишён логичности даже в самых отдалённых своих глубинах. Т. е. он есть проекция Логоса. Именно поэтому Мир является целостным, в нём прослеживается единство. Всё в этом мире проникнуто Божественным Словом. Любое движение в этом мире есть движение (развитие) этого Слова. Оно присутствует везде, даже в мелочах. В человеческом сознании Логос может открываться

через мифологию, искусство, поэзию, христианскую религию и философию [5, с. 131].

Философия по В. Эрну – это дискурсивно-логический Логос, но этот Логос не ограничивается ratio, ибо в ratio идёт процесс отторжения данного дискурсивно-логического ядра от Разума, представляющего собой некое целостное единство. Это отторжение влечёт за собой образование пустот, которые, в свою очередь, заполняются всевозможными мифами, главным из которых является отрешённость мысли от сущего [5, с. 89]. В. Ф. Эрн считает, что кульминацией развития личности человека является не что иное, как Логос. Именно открытие внутри себя Логоса стирает границы между материальным и нематериальным, и поэтому само понятие Истины *онтологично* [5, с. 80].

Итак, Эрн акцентирует внимание на единстве, нераздельности в *логизме* формы и содержания мысли. Это учение о единстве *постигающего* и *постигаемого*, это видение живой реальности. Логос является разумом, не разделённым на калейдоскопические элементы. И он не оторван от нашей жизни как таковой. Это «глубочайшее единство познающего и того объективного смысла, который познаётся» [5, с. 3].

В. Ф. Эрн радикально противопоставляет философию Логоса рациона-

листической философии Запада. По его мнению, носители *ratio* по творчеству и гениальности значительно уступают носителям Логоса. *Ratio* – это не более, чем «формальный рассудок, оторванный от полноты и бесконечного многообразия жизни» [5, с. 3]. Современную ему технократическую цивилизацию, краеугольным камнем которой является машинное производство, В. Ф. Эрн характеризует как «законное и необходимое детище рационализма». По убеждению философа, для истинной культуры нет врага более радикального, чем *ratio*. «Тот отрыв от природы как Сущего, который лежит в основе рационализма, вкладывается как скрытая магически разделяющаяся сила в каждый продукт цивилизации» [5, с. 321], – утверждает В. Ф. Эрн. Получается, что цивилизация – это не культура, цивилизация – это «изнанка» культуры.

В. Ф. Эрн обвиняет новую философию в том, что она не признаёт природы как *сущего*. «*Res cogitans* непреодолимой пропастью отделяется от *res extensa*» [5, с. 29], – пишет он. Целостная реальность искусственно дробится на мёртвые части, сводится к схемам и отрывается от полноты и бесконечного многообразия жизни. «Внешняя схема оказывается нормой» [5, с. 330], вся космическая жизнь предстаёт как механизм, состоящий из более мелких, «счастливых» или «несчастливых», но всё равно механизмов. Жизнь и мышление оказываются тотально детерминированными, «причинными», а значит, несвободными. Схематизм создаёт бездонную пропасть между рационализмом и искусством, рационализмом и религией.

Фрэнсис Бэкон и Рене Декарт, по мнению русского мыслителя, желая заставить природу служить потребностям и благосостоянию человека, порывают с живой $\psi\sigma\iota$ античности, полной органических $\epsilon\iota\delta\omicron$ 'ов, и с не менее живой *natura creata creans* («природой сотворенной творящей») Средневековья, которая никак не исчерпывается тем, что в ней открывается человеку, и ведёт самостоятельную таинственную жизнь [5, с. 28–29]. Современные же В. Ф. Эрну неокантианцы Генрих Рикерт и Герман Коген высказались ещё более радикально: что мысль человеческая, будучи в корне рациональной, не имеет никакого отношения к однозначно иррациональной действительности *Вселенского Целого*, и столь радикальный разрыв в познании не устраивал Эрна.

Ratio, по его мнению, есть результат схематического отвлечения, отсюда происходит нивелировка человеческого мышления. Рассудок берётся как бы в среднем разрезе. Индивидуальные «отклонения» вообще отрицаются, и в основе оказывается количественный принцип [5, с. 79]. По В. Ф. Эрну, к осознанию целостной реальности, к осознанию Логоса приходят совершенно другим способом. Необходима *интенсификация сознания*, на которую способны гений и вдохновение, и в этом контексте Логос выступает в своей *качественной* ипостаси.

Восприятие жизни, как гигантской механической системы в которой божественное влияние отсутствует, логизму чуждо. Жизнь проявляется для него органически в виде отдельного индивидуума или индивидуальной части сложного целого. «Отвергая детерминизм, логизм радикально ут-

верждает себя как философию *свободы*» [5, с. 330], – пишет В. Ф. Эрн. Поэтому *динамическая теория познания* для него наиболее востребована, наиболее верна. Исходя из этой теории, познание определяется усилием воли, приложенной к поиску Истины. И на лестнице Богопознания, т. е. познания Сущего, всех превосходят герои и подвижники духа – *святые*» [5, с. 82].

Русский мыслитель утверждает, что мысль высказанная и мысль потаённая, проявляющаяся через действия, эмоции, жесты, одинаково важны. В. Ф. Эрн полагает, что логизм как раз и является тем звеном, которое способно уравновесить абсолютный индивидуализм и принципиальный универсализм. Приобщение к Логосу, приобщение к скрытым сторонам духа, ощущение Абсолютного Целого происходит только через личность и в личности. Отсюда Эрн выделяет в качестве наиважнейшей черты всей русской философии персонализм, т. е. значительность личности её творцов и создателей. В качестве примера он приводит роль личности у Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва [5, с. 93]. В этой связи В. Ф. Эрн утверждает, что кроме Логоса *надземного*, воплощённого в слове, можно выделить и Логос *подземный*, иррациональный, который не воплощён (не только написанное, но и обертоны намёков и тайн). Там «логист» и должен искать скрытое Слово, тёмные основания Сущего, потенцию Логоса, без которого «ничего не начало быть из того, что начало быть» [5, с. 94].

Символизм философии Логоса мистическими нитями соединяет логизм как с символическим языком искусства, так и с символизмом ре-

лигий, ведь и культура, и религия, по В. Ф. Эрну, жили и живут в «космическом лоне *natura creata creans*» [5, с. 117, 330]. Культура, Логос, природа и жизнь нераздельны.

Итак, с точки зрения русского мыслителя, никакой границы между религиозным, философским и эстетическим началом нет и быть не может. Это органические части единого духовного, «логического» опыта человека. Искусство строится на единстве эстетического восприятия, которое проникает в иные миры, религия – на единстве добра и воли, которые побеждают хаос и зло, философия же – на попытках охватить *целое мира* в единстве теоретической мысли. Подлинная философия имеет ноуменальные корни. Она отнюдь является не делом только индивидуальным и личным, но сверхличным [5, с. 331]. Поэтому философия должна стремиться не к научности, а к объективности, так как она «первороднее науки не только во времени, но и в идее» [5, с. 110].

В. Ф. Эрн считает, что каждый человек способен охватить мыслью Вселенную, Абсолютное Целое. Для этого мысль должна быть свободной, подлинно автономной, она должна освободиться от порабощённости ассоциациями. Чтобы достигнуть божественного ядра мысли и ощутить свою божественную природу, как раз и требуются гений и вдохновение, *напряжённость*, т. е. *тоничность* мышления. Онтологический *tóno* есть «*внутренне* определенная напряженность. Тонизм *враждебен* нормативизму. Эрн приводит в качестве примера «долг» Канта. Тонизм свободен, благодатен, он выше всяких норм. «Тонична любовь, тонично вдохновение,

тоничен подвиг святых», – утверждает мыслитель [5, с. 330]. Не всякая мысль божественна, но всякая личность имеет потенциал божественной мысли.

Мысль достигает абсолютной свободы, когда она становится ноуменальной, живой творческой частью великой *natura creata creans* и в своей напряжённости достигает Λόγος'a, она выводит из себя ту свободу, которая принадлежит ей по существу как ноумену, как живой части Сущего, как «вещи в себе» [5, с. 99–100].

Свобода же цельного социума («социального индивидуума», по терминологии Эрна) заключается в том, что он, социум, способен не только воспринимать достижения отдельных человеческих личностей, но и, самое главное, сохранять эти достижения в живом «внутреннем» виде. Так возникает метафизическая преемственность культурного творчества, в котором при этом сохраняется человеческая личность. Именно с такой позиции и следует, как считает русский мыслитель, оценивать преемственность, внутреннее единство русской философии. Здесь в творчестве В. Ф. Эрна явно проступают эзотерические мотивы. Только то, что имеет исток в божественном Логосе, избавлено по настоящему от противоречий и имеет целостность в своём самопознании [5, с. 326].

Цель подлинного познания – добиться совпадения «*субъективно переживаемого с объективным порядком и строем Вселенной*» [5, с. 170]. Это приобщение способна осуществить интуиция. Мгновенные озарения важны даже в математике – сугубо рациональной науке, не говоря уже об

остальных науках. Интуитивное мышление помогает личности познать царство свободы, достичь органического единства, целостности, когда между содержанием мышления и жизнью уже нет пропасти, когда «цельная истина о реальности познаётся только цельным человеком» [1, с. 121]. В этом и есть подлинное, высшее освобождение, увеличивающее в мире явлений качество и количество «той подлинной свободы, которая корни свои имеет в *мире вещей в себе*» [5, с. 185].

Человеческая личность – это реальный мост между царством свободы и царством природы. Смысл существования человека – увеличение подлинной свободы через разрыв причинности. Это значит, что явление претворяется в ноумен, существование претворяется в бытие, и таким образом осуществляется *преображение*. Феноменальная сторона человека – это его принадлежность к миру явлений, а ноуменальная – это принадлежность к царству свободы, когда он оказывается вещью-в-себе. Этот кантовский дискурс в устах русского мыслителя приобретает совершенно другое, даже, пожалуй, противоположное звучание. В. Ф. Эрн настаивает, что феноменальное и ноуменальное в человеке не разделены, а соединены в целостной человеческой индивидуальности [5, с. 191–192]. В данном утверждении Эрна снова явно звучит идея персонализма. Почувствовать за явлением сущность, за феноменом – ноумен, соединить эти две реальности воедино помогает страстное ощущение каждого *мига*. Именно в миге можно ощутить Вечность.

В историческом процессе человечество усваивает объективную Ис-

тину, и в этом познании останавливаться на полпути нельзя. Ставить границы объективному знанию недопустимо. Адекватное познание *части* требует объективного знания о *целом* [5, с. 229]. *Целое* – это и есть Истина, которая, в свою очередь, представляет собой безусловную реальность, обладающую полнотой Бытия, бесконечным источником жизни и смысла. Философ связывает Истину с идеей Бога Живого, который и помогает человеку переместиться в Абсолютное [5, с. 231]. Раскрытие абсолютной Истины представляет собой подлинный прогресс. «Нет абсолютно – *нет и прогресса*. Без объективной основы вера в прогресс есть самая плоская и мерзкая вера» [5, с. 234].

При христианском понимании прогресса, как считает русский мыслитель, нарастание ценностей есть процесс усвоения Абсолютной полноты бытия. Только в этом случае может произойти *вселенское освобождение*, которое тщетно пытаются осуществить позитивизм и социализм с их идеей количественного возрастания материальных благ. Главное же таинство жизни в другом: когда Божество спускается в наш земной мир, очеловечивается, и тем самым и человечество восходит на более совершенную, более ноуменальную ступень бытия [5, с. 235].

Философ считает, что Логос может быть по-настоящему усвоен только в богочеловеческом (!) историческом процессе. Личность Богочеловека есть та самая точка в истории, в которой происходит подлинное усвоение Логоса. Абсолютное же познание Целого возможно лишь за «гранями» истории: «Для философа-логиста ... жизнь не может быть завершена в гранях времени,

так не может быть завершено и творческое осознание задач и путей жизни» [5, с. 74]. Здесь ощутима переключка с социально-релятивистскими идеями современников В. Ф. Эрн – П. И. Новгородцева и С. Л. Франка [4, с. 180–188].

В контексте проблемы соединения феноменального и ноуменального Эрн разрабатывает холистскую теорию целого [2, с. 21–30], о которой мы уже кратко упоминали в контексте его исторического дискурса. Он утверждает, что Целое не может «собраться», если речь идёт просто о сумме разрозненных частей. Человеческие же жизни в их феноменальном качестве, т. е. обрывающиеся смертью, и есть такие разрозненные частицы. Целое как некий Организм возникает, когда происходит выход за пределы нашего мира, когда оно становится «сверхэмпиричным, ноуменальным Существом» [5, с. 237–238], когда смерть преодолена. Возникает Единое Существо, у которого две стороны: ноуменальное и эмпирическое. Таким образом философ решает проблему целостности в социуме и существенно дополняет идею *солидарности* в интерпретации русского писателя и философа В. Ф. Одоевского [3, с. 129].

Вышеприведённые рассуждения приводят В. Ф. Эрн к учению о Церкви, которая также проявляет себя как Церковь мистическая, ноуменальная и Церковь воинствующая, имманентная миру, которая постепенно одолевает силы хаоса. В этом смысле христианское восприятие предполагает обязательное наличие в прогрессе *абсолютных* элементов и подлинного субъекта, коим является бессмертная личность человека [5, с. 239].

Любопытно, что В. Ф. Эрн связывает Церковь через социального индиви-

дуума с Природой (именно с большой буквы!), что несколько контрастирует с учением официальной религии с её радикальным дуализмом духа и материи, божественного и природного начал. Осознать Природу как Сущее – это значит увидеть её самостоятельность не только по отношению к человеку. Она должна обладать некоторой самостоятельностью даже по отношению к Богу, т. е. абсолютно Сущему.

Внутри Абсолютного Целого есть прерывное и непрерывное взаимодействие частей, прерывное и непрерывное развитие. Непрерывное развитие – это развитие в мире феноменов по закону причинности, времени и пространства. Прерывные же процессы – это моменты единения с ноуменальным миром. Эти процессы иррациональны, мистичны, чудесны, они переводят естественное на качественно новую ступень для того, чтобы с этой ступени до определённого пункта процесс опять развивался непрерывно. Соприкосновение мира Абсолютной свободы и мира причинной обусловленности, «как огонь палящий, сжигает всю шелуху естественного развития, а подлинно ценное этого процесса, обогащаясь соприкосновением с «мирами иными», питаясь ими, продолжает дальнейший свой рост» [5, с. 243–244]. В. Эрн называет иррациональными процессами творение мира, появление органического в неорганическом, появление сознания в органическом, появление самосознания в сознающем, а также рождение в человечестве «истинного Сверхчеловека» – Иисуса Христа. Но приобщение к иррациональному потенциально доступно каждому человеку: рождение внутреннего человека в каждой личности де-

лает нас членами Богочеловечества – Церкви.

Итак, философ настаивает, что для сознания цельного и всеобъемлющего мировоззрения, которое могло бы вообрать всю полноту истины, необходимо учитывать не только естественные, но и сверхъестественные процессы, важно не искажать суждения и умозаключения оторванностью от целого, т. е. от всего материала, доступного человеческому видению. Мыслитель категорично заявляет, что «один гений, больной какой-то ноуменальной болезнью» [5, с. 312], опрокидывает все утверждения многочисленных посредственных специалистов и что «корни гения всегда уходят в мистические глубины Сущего» [5, с. 320].

Подлинная культура и подлинное творчество, по Эрну, приходят из мира ноуменов. Всякое творчество есть преодоление формой (конкретной, созидательной идеей) косности и упорства материала (материи). Познание – это лишь один из видов творчества.

По мнению мыслителя, основная задача «логистской» философской мысли на данном этапе развития – преодолеть ключевой недостаток рационалистической мысли, вернуться к природе как Сущему: это мысль в природе и природа в мысли. Мысль, вырвавшаяся из плена человеческих ассоциаций и феноменальностей, есть живая часть великой *natura creata creans*. Данный вывод оказывается актуальным до сих пор, т. к. очевиден «постмодернистский» мировоззренческий кризис современной цивилизации, а целостность как мировоззренческая парадигма была всегда краеугольным камнем именно русского культурного кода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ишутин А. А. Идеи целостности в мировоззрении славянофилов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 118–128.
2. Ишутин А. А. Некоторые теоретические аспекты холизма как философской позиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 4. С. 21–30.
3. Ишутин А. А. Холизм и солидарность в философских взглядах В.Ф. Одоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 2. С. 124–133.
4. Матюхин А. В. Принцип политического релятивизма в творчестве П. Н. Новгородцева и С. Л. Франка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 2. С. 180–188.
5. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Г. Скворода. Жизнь и учение. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 591 с.

REFERENCES

1. Ishutin A. A. [The idea of integrity in the world of the Slavophiles]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 3, pp. 118–128.
2. Ishutin A. A. [Some theoretical aspects of holism as a philosophical position]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 21–30.
3. Ishutin A. A. [Holism and solidarity in the philosophical views of V. F. Odoevsky]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2018, no. 2, pp. 124–133.
4. Matyukhin A. V. [The principle of political relativism in the work of P. N. Novgorodtsev and S. L. Frank]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 2, pp. 180–188.
5. Ern V. F. Borba za Logos. G. Skovoroda. Zhizn i uchenie [The Struggle for Logos. G. Skovoroda. Life and Teachings]. Minsk, Harvest; Moscow, AST Publ., 2000. 591 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ишутин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Ishutin – PhD in Philology, associate professor at the Department of Philosophy and History, Moscow University for Industry and Finance «Synergy»;
e-mail: a_ishutin@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ишутин А. А. Целостность и Логос в философии В. Ф. Эрн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 101 – 109.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-101-109

FOR CITATION

Ishutin A. A. Wholeness and Logos in the Philosophy of V. F. Ern. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 101 – 109.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-101-109

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВОБОДЫ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Моисейкина Т. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ онтологического аспекта свободы в русской религиозной философии первой половины XX в. Исследование проведено с применением методов историко-философского анализа: сравнительного анализа; историко-философской реконструкции; интерпретации; синтеза как соединения интерпретированного материала в новом качестве. В результате анализа выявлено, что отечественные религиозные философы первой половины XX в. рассматривали свободу и как абсолютизированное и хаотизирующее онтологическое начало, содержащее зерна зла, и как высший божественный дар. Это понятие неизбежно ассоциировалось с судьбой личности, с её нравственным выбором, с её ценностными ориентирами. Теоретическая значимость статьи заключается в том, что предпринятый историко-философский анализ взглядов отечественных религиозных мыслителей на происхождение и сущность свободы ставит перед современной наукой задачу дальнейшего осмысления сущности свободы и ее значения в нравственном выборе личности, раскрытия особенностей персонализма с его индивидуализированными усилиями воли в преодолении мирового зла, что выводит рассматриваемую проблему на междисциплинарный уровень. Статья предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов, изучающих историю русской философии, а также для всех интересующихся проблемой основ отечественной духовной культуры.

Ключевые слова: онтология, свобода, детерминизм, персонализм, личность, бытие.

ONTOLOGICAL ASPECT OF FREEDOM IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE EARLY 20TH CENTURY

T. Moiseykina*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation¹*

Abstract: The aim of the article is to analyze the ontological aspect of freedom in the Russian religious philosophy of the first half of the 20th century. The study was conducted using the methods of historical and philosophical analysis: the method of comparative analysis; method of historical and philosophical reconstruction; interpretation method; method of synthesis as a

combination of the interpreted material in a new quality. As a result of the study, it was revealed that Russian religious philosophers of the first half of the 20th century considered freedom as an absolute and at the same time chaotic ontological principle combining both evil and divine. This concept was inevitably associated with the fate of a personality, its moral choice and values. The theoretical value of the article lies in the fact that the undertaken historical and philosophical analysis of the views of Russian religious thinkers on the origin and essence of freedom sets before modern science a task of further researching the essence of freedom and its significance in the moral choice of an individual, revealing the peculiarities of personalism with its individual efforts to overcome world evil, which brings the problem at the interdisciplinary level. The article is intended for teachers, graduate students and those studying the history of Russian philosophy, as well as for all interested in the problem of the foundations of the national spiritual culture.

Keywords: ontology, freedom, determinism, personalism, personality, being.

Одной из отличительных черт русской религиозной философии является её стремление к целостности, гармоничности и «симфонийности» во всех областях философского знания – от онтологии и гносеологии до антропологии и аксиологии. Стремясь к обоснованию целостного, структурно непротиворечивого бытия, отечественные мыслители выносили за его рамки те элементы, которые, с их точек зрения, нарушали эту целостность, поскольку изначально содержали в себе зёрна хаоса и противоречий. Таким элементом, роль которого в мироздании всегда было трудно объяснить с точки зрения его созидательности, является свобода. Это понятие редко рассматривалось в положительном ключе. Оно одновременно и манило, и пугало своей мощью и необузданностью, независимостью и даже абсолютностью.

В русской религиозно-философской традиции онтология свободы стала постоянным предметом размышлений для Н. А. Бердяева, которого называли рыцарем свободного духа за его многочисленные сочинения, в которых свободе отводилась роль силы, неподвластной Богу («Философия сво-

боды», «Философия свободного духа», «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация», «Дух и реальность» и т. д.). В определении свободы он существенно отличался от В. Соловьева, у которого свобода играла «больше отрицательную роль как проводник хаоса и зла» [6]. Для Бердяева свобода – понятие многоаспектное. Свобода, беря начало за пределами бытия, «вырывается» в бытие и проявляется на всех его уровнях: в бытии личности, общества, природы, – являясь основой творчества, укореняясь в вере и нравственности. Свободе противопоставлен детерминизм, который в христианской традиции тесно связан с провиденциализмом (божественным промыслом), упорядоченностью и структурированностью.

Точкой опоры в исследовании места свободы в мироздании для Н. Бердяева всегда была человеческая личность, которую он отличал от индивидуума, исходя именно из антиномии свободы и детерминизма. В отличие от классиков марксизма, видевших в личности продукт общественных отношений, учёный таким продуктом считал не личность, а индивидуума, поскольку

последний зажат в тиски общества и «детерминирован» им. Личность же определялась им как духовная реальность, в основе которой лежит свобода, более того – личность и есть свобода. В определении онтологического фундамента свободы Бердяев отходит от понятий субстанции, монады, разума, объявляя таковым творчество, реализуемое посредством «творческого акта». Предвидя упреки со стороны апологетов классической рационалистической философии в отходе от «научной» традиции, мыслитель настаивает, что смысл свободы можно уяснить исключительно с позиций христианства «в акте веры, в котором дается не призрачная, а подлинная реальность и конкретный гнозис ... Христианский гнозис приводит к трансцендентному реализму, к конкретному персонализму, к философии свободы. Свобода, прежде всего свобода, – вот душа христианской философии, и вот, что не дается никакой другой, отвлеченной и рационалистической философии» [2, с. 15].

Для Н. Бердяева, как и для В. Соловьева, христианские догматы – вовсе не омертвелые формы, не постулаты из спекулятивных метафизических теорий, а живое, опытное знание, основанное на фактах. Тем более что решение основной задачи философии – постижение истины с помощью человеческого разума – возможно только на сверхиндивидуальных, соборных началах. Для Бердяева философская свобода мышления возможна только под церковными сводами, вдали от царства необходимости и материального рабства. Философскому рационализму недоступно понимание свободы, которая в философ-

ском мистицизме, напротив, является центральной категорией: «Личность иррациональна для рационалистической философии и всегда разложима и на что-нибудь сводима; пантеистический монизм или атомистический плюрализм оказываются роковыми пределами рациональной мысли. Для мистической философии личность изначальна, неразложима, постижима в единственности своего вечного бытия. Рационалистическая философия бессильна решить проблему зла, так связанную с проблемой свободы и личности. Для мистической философии проблема зла разрешима, это её пробный камень» [2, с. 29].

Но и у Н. Бердяева, видевшего в свободе центральный элемент мироздания, это понятие рассматривалось с двух сторон. Тёмная, негативная сторона свободы – «свободы от» – имеет греховную природу, она трактовалась мыслителем в духе немецкого средневекового мистицизма, выстраивавшего свои онтологические конструкции на понятии *Ungrund* (добытийное начало). Другая сторона свободы имеет божественную природу – «свобода для», проявляясь в творчестве, любви, стремлении к добру, истине и красоте.

Впрочем, бердяевская трактовка свободы созвучна не только религиозно-мистическим учениям. В таком же ключе свобода рассматривалась и А. Шопенгауэром, который придал свободе и воле статус иррациональных начал. Бердяев идёт дальше, пытаясь увести свободу в область, находящуюся «по ту сторону» добра и зла, делая её основой новой этики – этики Третьего Завета. Здесь совсем в духе Ницше воспевается дионисийское начало

свободы, подвигающее человека противостоят тотальности государства и власти природы. Но чем острее звучит у Бердяева тема творческой, освобождённой от объективированного и детерминированного бытия личности, тем сильнее звучат ноты парадоксальности и даже трагичности положения этой личности в тотально детерминированном мире. Эта трагичность усиливается по мере того, как философ в своём стремлении максимально разрушить все преграды, сдерживающие свободно творящую личность, уходит всё дальше от христианской догматики, согласно которой абсолютная свобода является прерогативой Бога. Автор «Философии свободы» как будто забывает о сотворённости и греховности человека, о необходимости в синергийном сопряжении с Богом стремиться к спасению и, в конечном итоге – к обожению.

Это объясняется тем, что философ был сосредоточен не на тёмной стороне человеческого бытия, а на той, которая освещена лучами богоподобия и богообразности. Следуя христоцентрическому принципу, Бердяев видел в человеке прежде всего творца, который, подобно Богу, возвышается над множественностью и разрозненностью природного бытия, над тёмным царством необходимости и причинности, устремляясь в царство свободы. Именно свобода, а не необходимость, с точки зрения философа, является главным инструментом воздействия Бога на человека и мир. Бог не принуждает признавать и познавать себя, но человек, наделённый даром свободы и творчества, интуитивно стремится к богопознанию и тем самым к самоспасению.

Главным препятствием для человека на пути к свободному творчеству, следуя данной логике, можно было бы признать именно необходимость, детерминизм материального мира. Однако Бердяев это препятствие усматривает в процессе объективации, укорененном, по его убеждению, в человеческом сознании. Поскольку человек, в отличие от остальных представителей природного мира, является носителем искры Божьей, его сознание с необходимостью становится полем взаимодействия разнородных сил – природно-материальной и активно-творческой. Сознание самостоятельно объективирует мир, «упаковывая» его в чувственные, причинно-следственные и другие формы, одновременно стремясь вырваться из силков собою же созданной объективации. Эта вечная, напряженно-драматическая борьба свободного духа и мира объектов становится главным предметом личностно-человеческой, экзистенциальной философии.

Но объективация представляет собой не только объективирующую функцию сознания; она означает трансформацию самого человека в безликий объект материального мира. Объективация «означает падшестъ мира, его раздробленность и порабощенность, причем экзистенциальные субъекты и личности превращены в вещи, в предметы, в объекты. Но она означает также акты субъекта, личного духа, направленные на установление связей и сообщений в этом падшем мире» [2, с. 389]. Свободный субъект нуждается в принципиально новой философской системе, в новом типе метафизики, новой онтологии. Свобода должна быть вынесена за рамки бытия, поскольку

«когда в основу кладется бытие и признается примат бытия над свободой, то всё им детерминировано, детерминирована и свобода, но детерминированная свобода не есть свобода. Но возможен и другой тип философии, который утверждает примат свободы, творческого акта над бытием. Только второй тип благоприятен свободе» [1].

Следует отметить, что философская традиция определять свободу как добытийное метафизическое начало не является чем-то революционно новым, она уходит своими корнями в средневековую немецкую мистику. Бердяев же внёс в эту традицию динамическую ноту, призвав отказаться от статической трактовки свободы, и даже говорил о диалектике свободы в мире. Так, ложно направленная свобода может обернуться своей противоположностью, а именно – рабством. Чтобы не допустить такого перерождения, необходимо уловить саму суть свободы – её духовность, синонимичность духу.

Динамическую черту свободы (в отрицательном, разрушительном ключе) отмечал и С. Л. Франк, называя свободу «бесформенной потенциальностью» и отождествляя её с дьяволом или ангелом, восставшим против Бога. Правда, несколько отступая от традиционных христианских интерпретаций, философ видит изначальную причастность этого демонического, хаотического начала человеческой душе. Свобода как «демоническая стихия», укореняясь в духовной сфере личности, ослабляет проявление положительного, божественного начала, т. е. положительной свободы – свободы творчества, и толкает человека на путь эгоизма и самолюбования. Именно в

таком ослаблении связи человека с его духовным первоисточником – Богом – Франк видел сущность первородного греха, искупление которого человеку предстоит совершить через нравственное совершенствование.

Однако представления С. Франка и Н. Бердяева о путях этого нравственного совершенствования и, в конечном счёте, обожения существенно различались. Если Бердяев, фактически отождествляя свободу и творчество, именно в творчестве видел выход из тёмного царства вещей, то Франк с его двухуровневой онтологией свободы представлял ситуацию иначе. Тёмная, или «самостийная» свобода у Франка, не будучи укоренённой в подлинном бытии, но тем не менее серьёзно влияя на поведение человека, как правило, ограничивается внешними воздействиями со стороны государства, общества, законов и т. д. Однако свобода личности для философа – это «незыблемая сфера, на которую не распространяется никакое внешнее организационное принудительное вмешательство» [11, с. 393]. Поэтому государственно-правовая сфера может лишь ограничить свободу человека, чтобы оградить жизнь от негативных, разрушительных действий «самочинной свободы», что никак не решает задачи нравственного роста человека. Эта задача соотнесена с глубинным, личностным взаимодействием человека и Бога и проявляется, как и у Бердяева, в подлинной свободе – в творчестве (философском, научном, религиозном, художественном). Однако Франк не предлагал полагаться всецело на человека в его творческом самоопределении, но призывал руководствоваться духовным наставниче-

ством со стороны церкви как коллективной организации духовной жизни.

Понимая церковь как внешнюю по отношению к человеку организацию, ограничивающую его в поступках (как и в случае с государственно-правовым ограничением человека), философ всё же обращал внимание на существенное различие церкви и государства в их взаимоотношениях с человеком. Это различие заключается в характере подчинения человека: если в случае с государством человек ограничен в своих действиях стыдом или страхом перед общественным порицанием, то подчинение церкви «добровольно и основано на свободном признании её внутренней авторитетности» [11], поскольку церковь является символическим проявлением Бога.

О двойственной природе свободы говорил и С. Н. Булгаков, пытаясь соединить диалектику реализации свободы со своей софиологической концепцией. Но философ так и не определился с вопросом происхождения свободы, то говоря о её несотворённости, премирности и претварности, то как будто отказываясь от этой позиции, поскольку «свобода до или вне того, что является субъектом свободы, тоже не существует» [8, с. 137]. В любом случае булгаковская концепция свободы, выстроенная на идейной платформе философии всеединства, оказывалась чревата фундаментальными противоречиями, одно из которых – противоречие между свободой и детерминизмом. В анализе отношений свободы и необходимости философ ориентировался на понятия исторической и метафизической свободы, соотнося каждую из них о разными онтологическими уровнями: «Исто-

рическая, внешняя необходимость может быть преодолена актом человеческой свободы, но перед необходимостью метафизической, т. е. тайной, неведомой человеку логикой истории, свобода человека бессильна, ибо историей правит София» [3, с. 264]. Поэтому С. Булгаков весьма пессимистично относился к роли свободы в мировой истории, видя в ней «онтологическое безумие», негативное начало, тормозящее развитие человечества. Она – причина «смертного злключения в материальном мире, существующим по механическим законам природы» [9, с. 154]. Поэтому философ с неизбежностью пришёл к выводу о необходимости синергийного взаимодействия человеческой свободы и свободы божественной, «как объединение усилий божественного и человеческого начал» [7, с. 144].

В диалектическом ключе рассматривал понятие свободы и Н. О. Лосский, делая акцент на причинно-следственных связях в её реализации. Фактически философ абсолютизировал человека («субстанциального деятеля»), объявив его главным субъектом и причиной деятельности, детерминирующим события, а не наоборот. Элемент зла, ассоциированный со свободой, Н. О. Лосский объяснял разным пониманием деятелями своей цели – достижения совершенства и полноты бытия. Однако это зло не является онтологическим свойством свободы, не укоренено в ней, а исходит от неправильного понимания свободы деятелем. Его сочинение «Свобода воли» является гимном свободе, отождествлённой философом с абсолютным добром, путь к которому сопряжён с тяжестью выбора и неизбежностью ошибок.

Тем не менее и Н. Бердяев, и С. Франк, и С. Булгаков, и Н. Лосский, видя в свободе как светлые, так и темные стороны, всё же рассматривали её в персоналистическом ключе, настаивая на индивидуальном усилии воли в преодолении греха и зла. У Е. Н. Трубецкого как последователя учения В. Соловьева о Богочеловечестве на первый план выдвигается концепция о свободе как родовом, общечеловеческом феномене, что исключает возможность индивидуальной борьбы с наследием первородного греха: «Пока грехом связан род, подневолен греху и каждый индивид в качестве члена рода; а потому проявления индивидуальной свободы могут быть лишь частичными, исчезающими проблесками другого мира. Полное освобождение

индивида возможно лишь через всеобщее освобождение рода» [10, с. 157], поскольку именно «общность как основа формирования подлинной Богочеловечности подавалась ... как безусловный аксиологический приоритет» [5, с. 168].

Таким образом, каким бы ни было восприятие онтологического происхождения свободы в русской религиозной философии – как абсолютизированной и хаотизирующей силы, содержащей зёрна зла, или как высшего божественного дара, это понятие неизбежно ассоциировалось с судьбой личности, с её нравственным выбором, с её ценностными ориентирами и её «антропологическим кодом» [4, с. 113].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: АСТ, 2011. 672 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
3. Бондарева Я. В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. М.: ИИУ МГОУ, 2011. 322 с.
4. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Проблема человека в русской духовной культуре XII–XVII веков: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 112–127.
5. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159–171.
6. Бондарева Я. В., Фурсова В. Э. Отечественная философская мысль в поисках антропологической целостности // Журнал философских исследований. 2017. Т. 3. № 2. С. 1–19.
7. Бондарева Я. В., Наместникова И. В., Фурсова В. Э. Триединство «дух–душа–тело» как онтологическая основа целостного человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 144–152.
8. Булгаков С. Н. Невеста Агнца. М.: Общедоступный православный университет, 2006. 656 с.
9. Мирошкин М. С. Идея бессмертия в философии хозяйства С. Н. Булгакова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 153–158.
10. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
11. Франк С. Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 480 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Dukh i realnost* [Spirit and Reality]. Moscow, AST Publ., 2011. 672 p.
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [The Philosophy of Free Spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p.
3. Bondareva Ya. V. *Metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz* [Methodological Bases of Russian Religious Philosophy: Historical and Philosophical Analysis]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 322 p.
4. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [The problem of man in the Russian spiritual culture of the 12th – 17th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 3, pp. 112–127.
5. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [Religious and philosophical anthropological paradigm in Russian philosophy of the 19th – early 20th century: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy.], 2017, no. 4, pp. 159–171.
6. Bondareva Ya. V., Fursova V. E. [Domestic philosophical thought in search of anthropological integrity]. In: *Zhurnal filosofskikh issledovaniy* [Journal of Philosophical Studies], 2017, vol. 3, no. 2, pp. 1–19.
7. Bondareva Ya. V., Namestnikova I. V., Fursova V. E. [Triunity «spirit–soul–body» as an ontological basis for the holistic person]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 144–152.
8. Bulgakov S. N. *Nevesta Agntsa* [The Bride of the Lamb]. Moscow, Public Orthodox University Publ., 2006. 656 p.
9. Miroshkin M. S. [The idea of immortality in the philosophy of management by S. N. Bulgakov]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp. 153–158.
10. Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [The Sense of Life]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p.
11. Frank S. L. *Realnost i chelovek* [Reality and Man]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 480 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моисейкина Татьяна Александровна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Moiseykina – postgraduate student at the Department of Philosophy of Moscow Region State University;
e-mail: t.moiseykina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Моисейкина Т. А. Онтологический аспект свободы в русской религиозной философии первой половины XX в. // Вестник Московского государственного об-

ластного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 110 – 118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118

FOR CITATION

Moiseykina T. A. Ontological Aspect of Freedom in Russian Religious Philosophy of the Early 20th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.2, pp. 110 – 118.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-110-118

УДК 1/14

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-119-125

УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ, МОРАЛИ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА У БОЭЦИЯ

Соколовская И. Э.*Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова**117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация**Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена**191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация. В основе данной статьи лежит анализ философского творчества Боэция, а именно проблемы соотношения в его мировоззрении «двойного сплава» христианства и античной мудрости. Эмпирически проведено исследование синтетического характера видения Боэцием сущности человека. Человек – высшее звено в иерархии земного существования. Он соединяет в себе принадлежность к тварному миру и к миру духа. Позиция Боэция заключается в том, что путь к благу для человека – это путь приобщения его к знанию. В работе автором использовались методы синтеза (соединение различных компонентов учения о человеке – философия, антропология, этика – в единое учение о человеке) и философской компаративистики (сравнение феномена человека в античной и христианской культурах). Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в раскрытии антропологического и этического учения Боэция, а также в определении места его этики в современном мире. Статья адресована студентам и аспирантам, обучающимся по направлениям философии, теологии и религиоведения.

Ключевые слова: христианская антропология, прикладная этика, нравственность и мораль.

BOETHIUS ON MAN, MORALITY AND APPLIED ETHICS

I. Sokolovskaya*Plekhanov Russian University of Economics**36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation**The Herzen State Pedagogical University of Russia,**48, Moika River embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Abstract. The article examines the philosophical works of Boethius, namely the ratio of Christianity and antique wisdom in his outlook. The empirically conducted research proved Boethius' synthetic vision of human nature. According to Boethius humans are the crowning stage in terrestrial hierarchy. They belong both to the created and spiritual worlds. Boethius' position is that the way for humans to well-being lies through knowledge. The research methodology included synthetic methods combining philosophical anthropological and ethical data on man and a method of philosophical comparison. Theoretical

and practical value of the study consists in examining Boethius' anthropological and ethical doctrine and the role of his ethics in modern world. The article is addressed to the students and postgraduate students majoring in philosophy, theology and religious studies.

Keywords: Christian anthropology, applied ethics, morality.

Место Боэция в средневековой философии определяется тем, что он как «последний римлянин» завершает собой переход от Античности к собственно Средневековью. При этом он является «отцом схоластики», т. е. принадлежит к Средневековью в прямом смысле слова. Сам интерес Боэция к логическим сочинениям Аристотеля делал его принадлежащим не к Античности, а к Средневековью [7, с. 159].

Принципиальное изменение общеисторической ситуации в период жизни Боэция состоит в том, что задача защиты и пропаганды христианства, актуальная во времена Тертуллиана, была во многом уже решена. В какой-то степени решена и актуальная во времена Августина задача борьбы с многочисленными ересями, возникавшими, как правило, на той или иной языческой основе. Поэтому, как это ни парадоксально, отношение к античному наследию становится более спокойным, как бы нейтральным. При заимствовании тех или иных античных идей уже не надо специально оговаривать правомочность данного шага. Как замечает Г. Г. Майоров, «при восприятии Августина, античный компонент его мышления обычно подвергался редукции. Наоборот, Боэций принимался вместе со всем наследством, основную долю которого составляли переводы на латинский язык логических трактатов Аристотеля и латинские руководства по греческим наукам» [4, с. 356]. В этом – парадокс восприятия

Боэция последующими поколениями христиан.

Действительно, если обратиться к прославившему Боэция «Утешению философией», мы не сможем вполне чётко установить, написано ли оно христианином или же стоиком, или неоплатоником. Разумеется, у Боэция присутствует отсыл к Божественному началу. Но как человек, поставленный в абсолютно пограничную ситуацию, «последний римлянин» выявил некоторую глубинную сущность своего мировоззрения. Его мировоззрение оказалось своего рода двойным сплавом: христианства с античной мудростью, – при этом сама античная мудрость у него также подверглась «возгонке» и доведена до состояния античной мудрости как таковой, без явно выраженной школьной ориентации. Боэций не стоик и не неоплатоник. Потому он и христианин, что он привносит в христианскую мысль чистый экстракт античной интеллектуальной культуры [3, с. 355].

В. И. Уколова пишет, что «Боэцию гораздо ближе идея бога-демиурга, строителя, столь показательная для платоновской традиции, чем идея бога-творца» [9, с. 110]. Боэций вполне воспринял платоновское иерархическое понимание мироздания. Но в той же степени космическую иерархию переняло у Античности христианское мышление. Поэтому Боэций выражает собой не уклонение в ересь, а магистральное направление христианской мысли.

В учении Боэция о судьбе, которой подчиняется всякая человеческая жизнь, очень трудно усмотреть христианское понимание провидения. Скорее мы имеем дело с рецепцией античной идеи о колесе Фортуны. Но Боэций находит способ примирить оба мировоззрения. Колесо Фортуны направляет Высший разум, и делает он это, чтобы показать человеку тщетность его земных притязаний и устремлений. Собственно, эта мысль и оказывается главной для Боэция, пронизывает всё содержание его «Утешения». «Провидение есть сам божественный разум, стоящий во главе всех вещей и располагающий все вещи, судьба же есть связующее расположение изменяющихся вещей, посредством неё провидение упорядочивает их существование» [1, с. 265].

В свете сказанного становится понятным синтетический характер видения Боэцием сущности человека. Человек – высшее звено в иерархии земного существования. Он соединяет в себе принадлежность к тварному миру и к миру духа. Стремление вверх, к духовному совершенству становится для человека путём к свободе, освобождением от власти судьбы. Приобщение к духовному благу приводит человека к блаженству, приобщает к Богу. Своеобразие позиции Боэция заключается в том, что путь к благу для него – это путь приобщения человека к знанию [9, с. 101].

В понятии совершенствования и стремления к благу в учении Боэция соединяются антропология и этика. «Основная задача человека – жить согласно природе, ведущей к благу путём познания, и в этом смысл его существования» [8, с. 125]. Человек, – по-

грязный в пороках, отвращается от блага. Порочный человек утрачивает человеческое в самом себе. Он погружается в небытие и тем наказан за свой порочный выбор. Таким образом, соблюдать или нет этический идеал – зависит от самого человека. Боэций как бы соединяет здесь эллинистический идеал мудреца и христианскую ориентацию на жизнь святого [6, с. 25].

В подобных этических ориентациях, конечно, сильно влияние платонизма, которое, однако, не противоречит поучениям отцов христианской церкви. Подлинное благо – в душе человека. Но он ошибочно ищет его вовне. Почему он неудержимо стремится к этим суетным благам? «Да потому что он принимает их за истинные – он ожидает, что через их посредство он обретёт истинное блаженство, т. е. достигнет совершенного состояния души, наслаждающейся всеми благами сразу» [5, с. 403]. Видимо, секрет мощного духовного воздействия идей Боэция в том, что он привносит в христианское понимание человека сократический мотив ошибочного познания блага. Мотив этот, как известно, включает в себя момент надежды на познание истинное и, стало быть, на исправление человека. Этим Боэций коренным образом отличается от Августина с его идеей предопределения посмертных судеб людей. Вот как Боэций примиряет, совмещает античную и христианскую традиции в этом вопросе: «Человеческий рассудок должен быть подвластен Божественному разуму. Поэтому устремимся, насколько в наших силах, к горней обители Высшего разума. Здесь человеческий рассудок узрит то, что в себе самом увидеть не может» [1, с. 285–286].

В этом смысле всё «Утешение» Боэция выступает как наставление о путях достижения благой жизни, которые приведут человека к собственно человеческому состоянию, т. е. к такому, которое предназначено Богом при сотворении человека.

«Утешение философией» Боэция имеет большое нравственное значение. Пришедшая в камеру к Боэцию Философия говорит, что всё в мире происходит по Божьей воле и по резонам, не известным человеку, и что человеку принадлежит в действительности только то, что он не утратит никогда, что у него никто не в силах отнять: добродетель и достоинство. Человек должен познать себя и стать добродетельным.

Почему не устыдилась судьба, взирая на обвинение невиновного и низость обвинителей? – спрашивает Боэций Философию. – Неужели возможность замысла нечестивца обвинить невиновного не «должна выглядеть чудовищной в глазах Бога?». Боэций не усомнился в Боге, но не может постигнуть свершившейся с ним самим несправедливости.

Ты полагаешь, что перемены Фортуны совершаются без вмешательства Божьего? – отвечает Боэцию Философия. – Главное, что должно беспокоить, это твоя душа. Разве благосклонность Фортуны – то, чего душа по истине жаждет? Разве можно удивляться предательству Фортуны, по сути своей переменчивой? В совершившемся с человеком, следует вывод, нужно видеть не только внешнюю, но и внутреннюю сторону. «Если бы принадлежали тебе блага, на утрату которых ты жалуешься, ты бы ни в коем случае не мог бы их потерять» [2, с. 355]. Сожалеешь

об утрате красивых вещей? А красоты природы – разве они принадлежат тебе?

Что же это за блага, которые заключены в самом человеке, и которые он не может утратить помимо собственной воли? Это – добродетели, душевные качества. «Твои несчастья являются наказанием за твои заблуждения», – говорит Философия [10, с. 240]. О потере чего ты сожалеешь? Ты, смертный, стремишься к внешнему, но счастье – внутри тебя. Блаженство не может быть заключено в случайных вещах. Если ты этого до сих пор не понял, не следует ли благословить несчастья, обрушившиеся на тебя? Ведь они дадут возможность постигнуть, в чём состоит истинное благо. «Зачем ты привязываешься к внешним благам, как будто они – твоя собственность ... Есть ли что-нибудь более ценное для тебя, чем ты сам?» – спрашивает Философия. Раз ты сожалеешь об утраченных мирских благах, включая семейное общение и доброе имя, значит, ты в действительности не столь праведен, как пытаешься себя представить. Подлинно блаженный человек не станет сожалеть о подобной потере. Поэтому несчастья для человека – начало нового этапа на пути к обретению себя в душе своей, на пути к блаженной жизни в Боге.

Внешние блага (богатство, власть, знатность) сами по себе не обладают никакими достоинствами. «Богатства не могут утолить ненасытную жадность, а власть не даёт власти над самим собой тому, кого порочные страсти опутывают нерасторжимыми цепями» [6, с. 331]. Так же и высокая должность. Она не может придать человеку достоинство и честь. Посмерт-

ная слава – казалось бы, то, к чему мы должны стремиться, но это – вторая смерть (известная мысль Марка Аврелия), она может держаться поколение, два, три, а потом всё равно умрёт. Для мудреца даже похвала ничего не значит, потому что даже если она соответствует его достоинствам, то она ничего прибавить к ним не может. На примере этой, хорошо известной в стоицизме мысли видно, как искусно Боэций осуществляет трансформацию античных ценностей в христианские. Знать посмертную судьбу человеку не дано, но «если ты украсишь душу наилучшими добродетелями, нет тебе дела до судьбы, определяющего награду» [1, с. 210]. Речь, разумеется, идёт о мирских оценках, но если иметь в виду решение Божье, то и здесь человек вручает Богу свою душу, которую он стремился по возможности «украсить добродетелями».

Существо, причастное Божественному разуму, не может обрести блаженства через обладание неодушевлёнными предметами. Он должен познать самого себя и тогда обретёт блаженную жизнь. Гарантий блаженства у него нет именно в силу свободы воли и богоподобия. «Положение, уготованное человеку природой таково, что лишь тогда человек отличается от

всех прочих вещей, когда познаёт себя, и он же опускается ниже животного, если перестаёт осознавать своё предназначение» [1, с. 215]. Порочный человек по виду сохраняет человеческое обличье, но уподобляется животным по своим душевным качествам.

Боэций приходит к выводу, что добродетели присуще собственное достоинство. Причём достоинство проявляется в правильном употреблении, в соответствии с Божественным миропорядком.

Итак, философское учение Боэция занимает поистине уникальное место в эволюции философского знания. Будучи «последним римлянином», он унаследовал дух и культуру античности, в частности, платонический постулат о том, что благой человек одновременно и блаженный (счастливый), а также стоическую «жизнь в соответствии с природой». Вместе с тем, принадлежа всецело эпохе Средневековья, Боэций в полной мере является и христианским мыслителем: его учение о жизни и судьбе – по сути, смягченный августиновский провиденциализм, а заботой о душе как средоточии человеческого в человеке Боэций соединяет в своем наследии Античность и христианство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боэций. Утешение философией. М., 1990. 414 с.
2. Замора Кальво Х. М. Истина и модусы познания у Боэция: Неоплатонический подход // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. № 2. Т. 11. С. 354–371.
3. Лисанюк Е. Н. Утешение логикой? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Вып. 1. № 3. С. 21–34.
4. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М., 1979. 433 с.
5. Майоров Г. Г. Судьба и дело Боэция // Боэций. Утешение философией. М., 1990. С. 315–413.

6. Печатнов В. В. Проблема зла у Августина и Боэция // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № . С. 20–28.
7. Рафикова Э. Ш., Филимонова Г. В. Великий римлянин Боэций // Актуальные проблемы развития современной науки и образования: сб. трудов. 2015. С. 158–159.
8. Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. 160 с.
9. Фокин А. Р. Аристотелевские категории в латинской тринитарной теологии (Марий Викторин, Августин, Боэций) // Философский журнал. 2016. № . С. 100–119.
10. Marenbon J. Boethius. Oxford, Oxford University Press, 2003. 272 p.

REFERENCES

1. Boethius. *Uteshenie filosofiei* [The Consolation of Philosophy]. Moscow, 1990. 414 p.
2. Zamora Calvo H. M. [The Truth and the Modes of Cognition in Boethius: a Neoplatonic Approach]. In: Schole. *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Scholarly Antiquity Philosophy Studies and Classical Tradition.], 2017, no. 2, vol. 11, pp. 354–371.
3. Lisanyuk E. N. [Consolation by logic?]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2004, issue 1, no. 3, pp. 32–34.
4. Mayorov G. G. *Formirovanie srednevekovoi filosofii* [The Formation of Medieval Philosophy]. Moscow, 1979. 433 p.
5. Mayorov G. G. [Boethius' Fate and Works]. In: *Boetsii. Uteshenie filosofiei* [Boethius. The Consolation of Philosophy]. Moscow, 1990, pp. 315–413.
6. Pechatnov V. V. [Augustine and Boethius on Evil]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2017, pp. 20–28.
7. Rafikova E. S., Filimonova G. V. [The Great Roman Boethius]. In: *Aktualnye problemy razvitiya sovremennoi nauki i obrazovaniya: sb.* [Current Problems of the Development of Modern Science and Education: A Collection], 2015, pp. 158–159.
8. Ukolova V. I. «Poslednii rimlyanin» Boetsii [«The Last Roman» Boethius]. Moscow, 1987. 160 p.
9. Fokin A. R. [Aristotelian Categories in Latin Trinity Theology (Marie Victorine, Augustine, Boethius)]. In: *Filosofskii zhurnal* [Philosophical Journal], 2016, pp. 100–119.
10. Marenbon J. Boethius. Oxford, Oxford University Press, 2003. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколовская Ирина Эдуардовна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; докторант кафедры философии, факультета философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
e-mail: iren3d@yandex.ru

AUTHOR INFORMATION

Irina E. Sokolovskaya – Doctor of Psychology, professor at the Department of Psychology, Plekhanov Russian University of Economics; degree-seeking candidate at the Department of Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: iren3d@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Соколовская И. Э. Учение о человеке, морали и прикладная этика у Боэция // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 119 – 125.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-119-125

FOR CITATION

Sokolovskaya I. E. Boethius on Man, Morality and Applied Ethics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 119 – 125.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-119-125

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-126-133

ФИЛОСОФСКО-НАУЧНАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX – НАЧАЛА XX В.: ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Устинов О. А.

*Культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня
141308, г. Сергиев Посад, ул. Парковая, д. 16, Российская Федерация*

Аннотация. В основе работы лежит исследование процесса институционализации и эволюции философско-научной антропологической парадигмы в отечественной философии XIX – начала XX вв. Основное содержание исследования составляет анализ антропологических процессов, протекавших в этот период под влиянием успехов естествознания: русские мыслители-материалисты впервые обосновали понимание человека как существа естественного – биосоциального. Этот переход стал предпосылкой к началу рассмотрения всего комплекса антропологических вопросов в соответствии с принципами материализма. В результате исследования, осуществлённого с использованием метода реконструкции, выявлены базовые положения данной парадигмы: представление о роли и месте человека в природе и обществе, вопросы антропогенеза, соотношение свободы и необходимости, смысла и назначения жизни, личности и общества. Автору удалось обосновать вывод что сторонники философско-научного подхода, несмотря на ряд недостатков, связанных с некорректной рецепцией классического марксизма, заложили основы для формирования и развития философской антропологии в СССР и России. Статья адресована специалистам в области истории философии, преподавателям философских наук, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: материализм, антропологическая парадигма, человек, биологическое и социальное, свобода и необходимость, практика, смысл жизни, личность и общество, философская антропология, марксизм.

PHILOSOPHICAL, SCIENTIFIC AND ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O. Ustinov

*The Center for Culture and Education «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men
16, Parkovaya st., Sergiev Posad, 141308, Russian Federation*

Abstract. The subject of this research is the process of institutionalization and evolution of philosophical and scientific anthropological paradigm in Russian philosophy of the 19th – early 20th centuries. During this period, under the influence of successful developments in natural science, Russian materialist thinkers substantiated the understanding of man as a natural-biosocial being. This transition was a prerequisite for the whole complex of anthropological issues being considered through the prism of materialism. The article reconstructs and examines the basic provisions of this paradigm: the ideas about the role and place of man in nature and society, the issues of anthropogenesis, the relationship between freedom and necessity, the meaning and purpose of life, the relationship between the individual and society. It is concluded that the supporters of the philosophical and scientific approach, despite a number of shortcomings associated with the incorrect reception of classical Marxism, laid the foundations of philosophical anthropology in the USSR and Russia.

Keywords: materialism, anthropological paradigm, man, biological and social, freedom and necessity, practice, meaning of life, individual and society, philosophical anthropology, Marxism.

Философско-научная антропологическая парадигма сформировалась в русской философии во второй половине XIX – начале XX вв. в период наибольшей популярности естественно-научного мировоззрения, синонимом которого стал марксизм (проблема формирования и эволюции *религиозно-философской* антропологической парадигмы в русской философии этого периода была рассмотрена ранее [6]). Обоснование взгляда на человека как биосоциальное существо повлекло за собой рассмотрение всего комплекса антропологических проблем с позиции материализма.

Основоположниками данной парадигмы были Г. В. Плеханов и В. И. Ленин, которые дали в своих трудах наиболее полную схему решения проблемы человека, опираясь на работы К. Маркса. Другиетеоретики (А. А. Богданов, А. В. Луначарский, Н. И. Бухарин), не отрицая наличия в марксизме антропологического пафоса, создавали собственные версии марксизма, часто далёкие от первоисточника.

Рассмотрим основные положения данной парадигмы.

Первое положение. Русские марксисты констатировали, что человек есть единственный на земле носитель разумного, нравственного и духовного начал. Призванный занять место Бога, он должен был стать, по их мнению, подлинным творцом истории и положить начало бесконечному совершенствованию человеческого рода в созданном им коммунистическом обществе.

Наиболее явно эта риторика использовалась «богостроителями» (А. Богдановым, А. Луначарским, М. Горьким). Так, Горький писал: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – всё...»¹. «Величественный, гордый и свободный, он мужественно смотрит в очи Правде и говорит ... Я ... призван ... найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать...»². А. Луначарский полагал, что К. Маркс возвёл антропологию в степень теологии³.

¹ Горький М. Репину И. Е (23 ноября [5 декабря] 1899) // Горький М. Собрание сочинений. 30 т. Т. 28. М., 1954. С. 101.

² Горький М. Человек // Горький М. Собрание сочинений. 30 т. Т. 5. М., 1950. С. 366.

³ Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. 1. СПб.: Шиповник, 1908. С. 31.

Искания «богостроителей» были отвергнуты Г. В. Плехановым и В. И. Лениным, усмотревшими в них «идеалистический уклон». Но, критикуя идею «богостроительства», они не брали под сомнение правильность понимания человека как центра Вселенной. Напротив, они видели в подчинении человека «новым богам» утрату им своего онтологического статуса [8, с. 112]. Вера в то, что «для человека высшее создание – человек», была для марксистов общей.

«Человека светлого будущего», победившего религиозное и экономическое рабство, русские марксисты именовали «новым человеком». Этот «новый человек» должен был стать «подлинным хозяином земного шара», «познать свою суть, свои возможности и роль в природе» и преобразовать «царство необходимости» в «царство свободы»¹. Капиталистическому «человеку-дробу» противопоставлялся Марксов «целый», коммунистический человек [4]. Но восстановление этой целостности мыслилось ими лишь через преодоление разделения труда, приговаривающего людей к обязательным социальным функциям. Философского обоснования под идеал человеческой целостности русские марксисты не подводили.

Второе положение. Русские марксисты рассматривали человека как сугубо естественное существо. Отказавшись от использования категорий «дух» и «душа», они сосредоточились на изучении сознания как телесного процесса. Основным своим аргументом они считали теорию Ч. Дарвина о происхождении человека от чело-

векообразных обезьян, подчёркивая, что «только внутренняя связь между марксизмом и дарвинизмом дает возможность понять поток бытия в его первичной связи с неорганической природой...»².

При этом многие теоретики считали приемлемой трактовку сознания у материалистов XVIII–XIX вв. Так, Г. Плеханов полагал в целом правильной максиму о мозге, выделяющем мысль, как печень желчь³, и фактически сводил психические процессы к физиологическим. Характерно его признание в невозможности в полной мере объяснить феномен сознания с материалистической точки зрения⁴. Аналогичными были рассуждения А. В. Луначарского [9] и А. А. Богданова [3].

Интерпретация социальной сущности человека также не была лишена редуccionизма. Следуя схеме рассуждений К. Маркса, они воспроизвели тезис о решающей роли практики в становлении человека. Орудия труда изначально являлись определяющим фактором развития и превратились затем в производительные силы, детерминирующие жизнь и мышление людей. Именно поэтому, резюмирует мысль Плеханова Т. И. Филимонова; «Общественный человек в различные исторические периоды ... оказывается

² Троцкий Л. Д. Задачи коммунистического воспитания // Троцкий Л. Д. Сочинения. В 23 т. Т. 21. М., Л.: Госиздат, 1927. С. 334–335.

³ Плеханов Г. В. Логика ошибки // Плеханов Г. В. Год на родине: Полное собрание статей и речей 1917–1918 годов. 2 т. Т. 1. Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. С. 339.

⁴ Плеханов Г. В. О мнимом кризисе марксизма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 40–41.

¹ Луначарский А. В. Идеализм и материализм. М., Л.: Красная новь, 1924. С. 20–21, 43.

представленным в обусловленных ими социальных ипостасях» [10, с. 84]. Отсюда делался вывод об автоматическом преобразовании «старого человека» в «нового» в результате коренного переустройства производительных сил.

Исключением из этого ряда был В. И. Ленин, который реконструировал процесс антропогенеза в соответствии с логикой Маркса и констатировал, что человек обладает возможностью кардинально изменять наличные условия бытия благодаря способности глубоко и обстоятельно их анализировать¹. Из хода рассуждений Ленина следовало, что психические процессы в человеке не могут быть сведены к физиологическим: сознание является в человеке квинтэссенцией человеческого.

Третье положение. Решение русскими марксистами вопроса об отношении материи и сознания предопределило их трактовку проблемы свободы и необходимости в природе и обществе. Объявляя ничтожными заявления о том, что человек зависит от предначертаний свыше, будучи субъектом истории, они тем не менее делали акцент на примате объективных факторов в виде сил природы и производительных сил как их формы. Так, Плеханов настаивал на том, что без соответствующих природных условий человек не смог бы выделиться из животного мира. А обращаясь к проблеме «великих личностей», указывал на то, что ход событий определяется развитием производительных сил, а не талантами того или иного политика, даже если он Наполеон².

¹ Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. М.: Политиздат, 1969. Т. 29. С. 85, 195.

² Плеханов Г. В. О роли личности в истории //

Контрастом «поглощению» свободы необходимостью в работах большинства теоретиков выглядели заявления некоторых из них, напротив, полной свободе человека в истории. В частности, А. А. Богданов, солидаризуясь с интерпретацией марксизма как философии практики, обосновывал взгляд на человека как субъекта с опорой на эмпириокритицизм Э. Маха, выделяя в нём идею о том, что мир есть «форма социального согласования опыта различных людей» [5, с. 34], и как таковой является пространством бесконечной самореализации практико-ориентированного интеллекта [4, с. 30]. Впоследствии именно идеи Богданова станут в СССР философской платформой политики авторитарной трансформации общества [1].

Преодолением этих крайностей была ленинская теория «диалектического метода в политике». Первоначально Ленин продвигал грубую теорию отражения, указывая на одностороннее воздействие материи на человека [2, с. 422]. Однако позднее обнаружил у Маркса идущий от Гегеля тезис о субъектно-деятельной природе человека («Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»³) как базовую максимум марксизма. Примером приложения данного метода на практике была ленинская концепция революции, согласно которой строительство социализма может быть начато при отсутствии условий к нему с последующим

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 327.

³ Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. М.: Политиздат, 1969. Т. 29. 782 с.

их созданием¹. Фактически речь шла об организованном творении человеком мира на основе овладения и управления законами его развития. Г. В. Плеханов полагал подобное невозможным².

Руководство действиями пролетариата В. Ленин закреплял за авангардной партией, подчеркивая, что последняя обязана сохранять постоянную связь с выдвинувшими её на передовые позиции массами. Как отмечает А. В. Бузгалин, Ленин отстаивал «ассоциированное социальное творчество» [7, с. 289].

Четвёртое положение. Русские марксисты не уделяли специального внимания проблеме смысла жизни. Однако сама дискуссия о создании коммунистического общества вынуждала их дать ответ на этот вопрос.

Большинство теоретиков отождествляло понятия «смысл жизни» и «счастье», не оспаривая того, что человек должен быть счастлив и что стремление к счастью является естественным³. Квинтэссенцией счастья была для них возможность удовлетворения человеком его физических и духовных потребностей. Поскольку капиталистическая система делит общество на господствующий и угнетаемый классы, удовлетворение представителями последнего их потребностей является недостижимым, и, следовательно, со-

циальная и индивидуальная гармония может быть реализована только посредством создания новой экономики. Получалось, что новый способ производства гарантирует счастье всем членам общества, просто обеспечив им качественно новый уровень достатка.

Этому же пониманию коммунизма как воплощённому счастью был подчинён и анализ проблемы морали. Никто из теоретиков не отрицал необходимости нравственности – универсальных правил поведения, признанных культурой человечества. Однако в принятой в «старом» обществе системе этических норм (морали) они видели искажение «золотых правил» общежития, продиктованное эксплуататорскими целями господствующих классов. Подразумевая под «моралью» и «нравственностью» разные явления, они употребляли их как синонимы, невольно запутывая понимание своих текстов. Так, высказывание В. Ленина о том, что «...наша нравственность подчинена ... интересам классовой борьбы пролетариата»⁴, нередко понималось как отрицание морали вообще, но Ленин имел в виду под коммунистической моралью идеалы добра и справедливости и объявлял всё мешающее их утверждению подлежащим историческому небытию, не более того. Социальное насилие рассматривалось русскими марксистами как неизбежное зло. Но при коммунизме насилие должно было, по их мнению, прекратить существование по причине устранения разделяющих обще-

¹ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 тт. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 381.

² Плеханов Г. В. Логика ошибки // Плеханов Г. В. Год на родине: Полное собрание статей и речей 1917–1918 годов: 2 т. Т. 1. Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. С. 217–219.

³ Луначарский А. В. Мораль с марксистской точки зрения. Харьков: Пролетарий, 1925. С. 30.

⁴ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: 55 тт. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 309.

ство противоречий. Русские марксисты противопоставляли «ложному гуманизму» «гуманизм подлинный» и строили на этом противопоставлении защиту революционного террора. Но в процессе реальной политической практики данный подход мог обернуться произволом и истреблением целых классов.

Таким образом, ненаполненные содержанием тезисы русских марксистов о смысле жизни и духовных ценностях человека показывали предельную бедность их рецепции марксовой антропологии.

Пятое положение. Проблема соотношения личности и общества решалась русскими марксистами в соответствии с принципом социцентризма. Упоминая в том или ином контексте человека, они рассматривали его как члена группы, класса, общества. Причиной этого было стремление опровергнуть положение идеалистической антропологии о ценности отдельно взятой личности, в котором подозревалось возвеличивание того или иного человека в ущерб всем остальным, что рассматривалось как попытка закрепить незыблемость неравенства средствами философии. Но, указывая на ограниченность индивидуалистского подхода, русские марксисты не замечали, что удаляются в другую крайность, утверждая в качестве единственно верного примитивизированный коллективистский подход с логически связанной с ним моделью «казарменного коммунизма».

Плеханов и Ленин не принимали вульгарного понимания коллектив-

ности. Первый предупреждал, что её результатом может быть только неограниченная власть одного лица или избранной группы лиц¹. Второй, признавая за авангардом партии ведущую роль, настаивал на привлечении к управлению как можно большего числа членов общества².

Тем не менее, несмотря на попытки выправить нарушения в балансе интересов личности и общества, русские марксисты не сделали акцента на ценности отдельно взятого человека, не обратились к теме прав человека и остались апологетами грубого социоцентризма со всеми вытекающими отсюда последствиями для их политической практики.

Таким образом, можно сделать вывод, что в работах русских марксистов XIX – начала XX вв. был представлен материалистический взгляд на проблемы развития природы, общества и человека, что позволяет говорить о формировании в отечественной философии научно-философской антропологической парадигмы. Несмотря на ряд существенных недостатков в предложенных ими решениях, обусловленных своеобразной «болезнью роста», именно они заложили основы для дальнейшего формирования и развития философской антропологии в СССР и России в XX–XXI вв.

¹ Плеханов Г. В. Централизм или бонапартизм? // Возвращенная публицистика. Кн. 1. М.: Высшая школа, 1991. С. 33–46.

² Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: 55 тт. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 316.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. В, Вельм И. М. Восход и закат Красной Звезды: концепция социально-организованного опыта А. А. Богданова и её роль в становлении советской модели социализма в 1920 – середине 1930-х годов. Ижевск, 2008. 138 с..
2. Андерсон К. Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 415–431.
3. Балановский В. В. Александр Богданов: от критики науки к практике жизни // Соловьёвские исследования. 2012. № 3 (35). С. 157–177.
4. Богданов А. А. Новый мир // Богданов А. А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28–89.
5. Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. 1. М., 1905. 189 с.
6. Бондарева Я. В., Устинов О. А. Религиозно-философская антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX века: историко-философский анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 159–171.
7. Бузгалин А. В. В. И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 256–290.
8. Водолазов Г. Г. Уроки Плеханова: метод, теория, революционное действие // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 108–125.
9. Любутин К. Н., Франц С. В. Человек в философии А. В. Луначарского // Дискурс-Пи. 2005. № 1 (5). С. 69–72.
10. Филимонова Т. И. Некоторые аспекты плехановской концепции исторического развития как идеи о становлении человека // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин). М.: РОССПЭН, 2013. С. 72–98.

REFERENCES

1. Alekseyev V. V, Velm I. M. Voskhod i zakat Krasnoi Zvezdy: kontseptsiya sotsialno-organizovannogo opyta A. A. Bogdanova i ee rol v stanovlenii sovetskoi modeli sotsializma v 1920 – seredine 1930 godov [The Sunrise and Sunset of the Red Star: The Concept of Socially Organized Experience of A. A. Bogdanov and its Role in the Formation of the Soviet Model of Socialism in 1920 – mid 1930s. Izhevsk, 2008. 138 p.
2. Anderson K. [Reopening Lenin: the Dialectics of Philosophy and World Politics]. In: Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin) [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 415–431.
3. Balanovsky V. V. [Alexander Bogdanov: from Science Criticism to Life Practice]. In: Solovyevskie issledovaniya [Solovyovskiy Studies], 2012, no. 3 (35), pp. 157–177.
4. Bogdanov A. A. [New World]. In: Bogdanov A. A. Voprosy sotsializma: raboty raznykh let [Bogdanov A. A. The Issues of Socialism: Miscellaneous Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 28–89
5. Bogdanov A. A. *Empiriomonizm. Stati po filosofii* [Empiriomonism. Essays on Philosophy]. Moscow, 1905, vol. 1. 189 p.
6. Bondareva Ya. V., Ustinov O. A. [Religious and philosophical anthropological paradigm in Russian philosophy of the 19th – early 20th century: historical and philosophical analysis].

- In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2017, no. 4, pp.159–171.
7. Buzgalin A. V. [V. I. Ulyanov: Materialized Philosophy]. In: *Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 256–290.
 8. Vodolazov G. G. [Plekhanov's Lessons: Method, Theory, Revolution]. In: *Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 108–125.
 9. Lyubutin K. N., Frants S. V. [Man in A. V. Lunacharsky's Philosophy]. In: *Diskurs-Pi*, 2005, no. 1 (5), pp. 69–72.
 10. Filimonova T. I. [Some Aspects of Plekhanov's Concept of Historical Development as an Idea on Human Formation]. In: *Russkii marksizm: Georgii Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. pp. 72–98.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинов Олег Александрович – кандидат философских наук, заведующий научно-просветительским отделом Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня;
e-mail: olustinov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Ustinov – PhD in Philosophy, head of the Department of Science and Education, at the Center for Culture and Education «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men;
e-mail: olustinov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Устинов О. А. Философско-научная антропологическая парадигма в русской философии XIX – начала XX в.: историко-философский анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 126 – 133.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-126-133

FOR CITATION

Ustinov O. A. Philosophical, Scientific and Anthropological Paradigm in Russian Philosophy of the 19th – Early 20th Centuries: Historical and Philosophical Analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 126–133.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-126-133

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 167.7

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-134-144

АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП: О НЕКОТОРЫХ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Журенков Д. А.

Институт философии Российской академии наук

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12 стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования является определение онтологического основания научно-технического развития китайской цивилизации. Процедура исследования и общая система действий по организации исследования определяются пониманием и объяснением антропного принципа: основание, критика и ограничение принципа с позиций китайской философии. Автором проведен философско-методологический анализ научно-технического развития китайской цивилизации на основании ключевых компонентов структуры научно-познавательной деятельности. Показано, что онтологическое основание научно-технического развития Китая определяет философско-методологическая доктрина единства культуры и метода, свободы, любви к мудрости (сюэ) и человеколюбия (жэнь). Теоретическая и практическая значимость результатов обусловлена выявленной совокупностью онтологических оснований научно-технического развития китайской цивилизации в контексте антропного принципа.

Ключевые слова: антропный принцип, инновация, китайская философия, научно-техническое развитие, онтология.

ANTHROPIC PRINCIPLE: SOME ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF CHINA

D. Zhurenkov

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,

12, bld. 1, Goncharnaja st., Moscow, 109240, Russian Federation

© CC BY Журенков Д. А., 2019.

Abstract. The purpose of this study is to determine the ontological basis of scientific and technical development of Chinese civilization. The procedure of research and the general system of actions for the organization of research is determined by the understanding and explanation of the anthropic principle. It includes: the basis, criticism and limitation of the principle from the standpoint of Chinese philosophy. The author conducted a philosophical and methodological analysis of the scientific and technical development of Chinese civilization on the basis of the key components of the structure of scientific and cognitive activity. The author showed that the ontological basis of scientific and technical development of China is determined by the philosophical and methodological doctrine of the unity of culture and method, freedom, love of wisdom and humanity. The theoretical and practical significance of the results is due to the identified set of ontological foundations of scientific and technical development of Chinese civilization in the context of the anthropic principle.

Keywords: anthropic principle, innovation, Chinese philosophy, scientific and technical development, ontology

Сегодня идеи восточных философий о «резонансе» различных частей единого космического целого обретают новое звучание; во всяком случае, могут быть восприняты как мировоззренческая догадка, которая находит отклик в современных представлениях научной картины мира, реализующей синергетический подход к описанию различных процессов природы, социальной жизни и человеческого духа [14, с. 500]. Академик В. С. Степин указывал на удивительное соответствие современной научной картины мира не только тем новым менталитетам, которые постепенно формируются в недрах западной (техногенной) культуры конца XX в. в связи с осмыслением современных глобальных проблем, но и философским и мировоззренческим представлениям традиционных культур Востока [14, с. 490–491]. Научная деятельность схематично может быть представлена как отношения субъекта, средств познания и объекта, связь которых между собой может быть выражена через ключевые компоненты научно-познавательной деятельности,

такие как метод, конструкт¹ и культура. Китайская мысль фундаментально многообразна, аргументативна и полемична; в классическом китайском письменном языке есть потенциал для многих форм рациональности [13, с. 89–118]. Говоря о китайской философии, нельзя не отметить поиска ею высших порядков мировой гармонии, любви и человечности, что напрямую нас приводит к её связи с антропным принципом в различных духовно-практических формах.

Духовное основание антропного принципа в трактовке китайской философии

Антропный принцип – один из фундаментальных принципов современной космологии, который фиксирует связь между крупномасштабными свойствами нашей Вселенной (Метагалактики) и существованием

¹ Конструкт – понятие современной методологии науки, подчёркивающее активность, конструктивность работы научного сознания при введении в состав концептуальных структур научного знания специфически научных понятий и соответствующих терминов в язык науки.

в ней человека, наблюдателя¹. Общим основанием антропного принципа выступает ведущее в китайской философии и методологии понятие небытия, определяемое в категориях пустоты (*сюй*) и наполненности (*ши*). Пустота имеет полярную напряженность *ян* и *инь*. *Ян* и *инь* делят пустоту на бесконечное множество точек. *Цзы* – средний элемент между *ян* и *инь*, означающий место учения, тождества ученика и учителя. Учение направлено от небытия *у* к бытию *ю*, от пустоты *сюй* к наполненности *ши*, от случайности *юн* к субстанциональности *ти*, от бесформенности *Дао* к формообразованию *Дэ*, от неимения *у* *вэй* к владению *вэй*.

Учение как сложность жизненных оснований охватывается понятийной общностью «метод – конструкт – культура» в различных формах. Начиная с периода правления династии Шань-Инь, в XVIII–XII вв. до н. э. фиксируется государственная форма. Начиная с периода Западного Чжоу, в XII–VIII вв. до н.э. проявляется *логическая форма*, понятие *шэн жэнь* (совершенная мудрость, совершенномудрый), определяющая **субъекта познания**. С периода Восточного Чжоу в VIII–III вв. до новой эры в понятиях *да сюэ* и *хао сюэ* формулируется **антропный принцип** научно-технического развития китайской цивилизации и фиксируется форма жизни, объединяющая государственную форму и логическую в духовно-практическую форму. В период с III в. до н. э. по II в. н. э. происходит анализ духовно-практической формы принципа антропности и фиксируется собственно философская форма поня-

тийной общности «метод – конструкт – культура».

Государственность и духовность принципа антропности усиливается учением *сюань сюэ* в период II–VI вв. Рассуждения о человеке, отмеченном печатью духа, положили начало **сильной трактовке антропного принципа** [12, с. 207]. Вселенная имеет свойства, позволяющие развиваться духовно-практической форме жизни в сложной связи между Метагалактикой и Человеком. В *сюань сюэ* была поставлена цель «фэн лю» (свободная форма жизни) [4, с. 405–407]. В нравственном отношении *сюань сюэ* – это ничто, отсекая нечто, направленное в небытие, или инновация. Первым указал на всеобъемлемость инновации Сюнь Цзы². Принцип антропности в сильной трактовке устанавливает связь инновации с отсутствием наличного бытия, небытием (*у*) Духовное основание принципа антропности по *сюань сюэ* имеет корень в понятии *сюэ*, означающем учение как тождество ученика и учителя, выражающее нравственное отношение к свободе. Нравственное отношение к свободе определяет критическую форму понятийной общности «конструкт – метод – культура», что ведёт к критике антропного принципа.

Чувственно-рациональное основание критики принципа антропности с позиций китайской философии

Критическая форма является онтологически, в сущности, анализом принципа антропности, а методоло-

¹ Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 1–4. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

² Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. С. 142–209.

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 142–209.

гически (формально) понятийной общностью «метод – конструкт – культура». Критическая форма подчиняется принципиальной связи *сюэ* и *жэнь*, вытекающей из тождества учитель – ученик, именно поэтому в критической форме онтологически и методологически формируется **интенция**. Логическая форма понятийной общности «конструкт – метод – культура», отражённая в понятии *шэнь жэнь*, определяет **субъекта познания**. Критическая форма понятийной общности «метод – конструкт – культура» отражается в понятии *сюэ* и определяет **объект познания**. На чувственно-рациональном основании наблюдается противоречие не между субъектом и объектом (онтологическая связь гармонична по принципу золотой середины), а между небытием и нигилизмом, впервые установленное в V–IV вв. до н. э. учениями о добром и злом началах человека философами Мо Цзы и Сюнь Цзы: человеческая природа не может быть нигилистической. Ведущей категорией критики выступает отношение «высшее и низшее». Содержанием критики является утверждение, что человек выше действительного бытия и не должен быть подвергнут бремени жизни и смерти. Существуют устойчивое жизненное основание – это принцип *у взэй*, не-деяния того, что противоречит форме жизни. На чувственно-рациональном основании ведётся критика принципа антропности, начиная с III в.

В трудах Ван Би проводится ряд значительных рассуждений. Определение формы жизни не следует давать по нравственным мотивам: форма жизни не есть что-то, следовательно, не есть бытие, следовательно, иное понятие; небытие является основным в опреде-

лении формы жизни, а понятие «бытие» является производным. Причём, в мировой пневме *ци* есть нечто, определяемое подобно, как форма жизни, это принцип *Ци*. По принципу *Ци* формируется категория «высшее – низшее», выстраивающая отношения корня и вершины, одного и многих, движения и покоя [9]. Небытие – это модель сущности, в ней человек пребывает, а не бытийствует, заброшенный в онтологический проект; заброшенность в проект является проблемой человека, вызывающей инновацию. В критической форме на чувственно-рациональной основе дается новое понимание небытия как модели сущности, что считается первым инновационным моментом, называемым модельно-конструктивным мышлением. В модельно-конструктивном мышлении прекращается хаотическое движение (традиционно известное как небытие) и наступает покой (бытие). Покой в модельно-конструктивном мышлении не противостоит движению, а выступает источником движения, называемом конструктом.

Конструкт – это второй момент инновации, обусловленный самокритикой. Всякое бытие начинается в пустоте (модели), движение начинается в покое, аналогом покоя выступает конструкт, поэтому все предметы, одновременно движущиеся, возвращаются в пустоту (модель) и покой (конструкт); в чём проявляется постоянство предмета модельно-конструктивного мышления как тождество сущности и образа сущности, что и означает моделирование.

В критической форме **критерием моделирования** считается движение возвращения мысли к корню. Возвра-

щение к корню – это возвращение к истоку пустоты (модели) и истоку покоя (модельно-конструктивного мышления). В чём искать исток пустоты и покоя, модели и модельно-конструктивного мышления?

Третий инновационный момент обусловлен свободой. Исток пустоты равно основание модели определяют категории *сюй* (пустота) и *ши* (наполненность), выражающие образ скрытой сущности – структуры. В модельно-конструктивном мышлении присутствует идущая от истока небытия идея смерти, ведущая к принципу *у взэй* и принципиальной связи *сюэ* и *жэнь*. Дилемма «делай благо – не повреди» отражается в связи *сюэ* (учение) и *у взэй* (не-деяние), определяющей моральную креативность.

Критическая форма принципа антропности трансформируется на чувственно-рациональной основе в биоэтическую форму понятийной общности «метод – конструкт – культура». В биоэтической форме как покое модельно-конструктивного мышления коренным понятием выступает небытие, отраженное в категориальной связи жизнь – смерть. Критика выявляет в понятийной общности «метод – конструкт – культура» виртуальную реальность моделирования, а именно внутреннюю переходную форму от небытия к идее смерти. Внутренняя форма инновации характеризуется высшей степенью моральной креативности, проникновением принципа всеобъемлющей любви (*цзянь ай*) в *сюань сюэ*.

Чувственно-рациональное основание критики принципа антропности, пневма *Ци* и принцип *У взэй* подвергаются инновации феноменально – об этом говорится в трактате Гэ Хуна

«Баопу-цзы» [3]. Человек раскрывает нравственную природу. Сокровенная, метафизическая *сюань*, первооснова нравственной природы, называемой *чжэнь и*, выступает основанием внутренней формы инновации.

Впервые в IV в. речь идет о метафизическом основании ограничения принципа антропности. Китайской философией было создано учение о высших полях действия человеческой природы – *дань тянь* как этически достойных формах жизни. В полемике с Бао Цзинь-Янем Гэ Хун в IV в. дал определение вечности как «незыблемости неравенства», возникшего во Вселенной по причине развития формы жизни. Разработанное Гэ Хуном в «Баопу-цзы» учение о бесконечной форме жизни оказывает влияние на развитие принципа антропности в критической форме. Критика принципа антропности способствует обновлению *сюэ* до самопознания. В учении *сюэ* критика выступает принципом нравственного воспитания, объяснения противоречия, понимания новой формы, вызывает интенцию творчества предметной реальности. Критерием служит добродетель *Дэ*, утверждаемая в качестве внешней форм инновации. В субстанциальном переходе внутренней и внешней формы инновации формируется категориальное отношение познания гармонии, взаимосвязь понятия *Тай Цзы* и принципа *Ци*. Встаёт вопрос о метафизическом основании ограничения принципа антропности.

Метафизическое основание ограничения принципа антропности, исследуемое китайской философией

Модели, принципы, рассуждения и предпосылки научно-технического

развития Китая имеют онтологическое основание «очень трудно получить, но легко потерять».

Ван Тун в VI в. выполнил объемный труд о необходимости включения понятия небытия в метафизическую картину мира. Категориями взаимодействия бытия и небытия в великом равновесии *ти* и *юн*, *суй* и *ши* определяют связь науки и техники, идущую от методологии *Сян шу чжи сюэ* [4, с. 419–421]. В соответствующих комментариях *сюэ* понимается как метод. Логическую форму *Сян шу чжи сюэ* исследовал в XX в. Шэнь Чжунтао (Ч. Т. Сун)¹. Символическая форма *Сян шу чжи сюэ* основана на понятиях *сюэ* и *жэнь*, что было продемонстрировано в герменевтических приёмах философа-логика XX в. Ван Хао, ученика Фэн Юланя.

В логико-символической форме *Сян шу чжи сюэ* осуществляется, исходя из *Дао сюэ* (учения о форме), субстанциальный переход внешней и внутренней форм инновации. Субстанциальная переходная форм инновации по принципу *Ли* ведёт к *синь сюэ*, что было обосновано философией эпох Сун (X–XII вв.) и Мин (XIV–XVII вв.), причём Сунская философия выступает в роли конструкта в понятийной общности «метод – конструкт – культура». Посредством сунской философии *синь сюэ* продолжается в учении *ли сюэ*. Метафизическое ограничение принципа антропности выражается в противопоставлении *синь сюэ* и *ли сюэ*, закрепляется в конкретной философии *пу сюэ* в XVIII в. Дай Чжэнем.

В модернизации науки и техники Китая XIX–XX вв. состоялось обращение к идее перемен в контексте *пу*

сюэ. Трактовка идеи перемен как творчества в природе привела к определению принципиальной формы метафизического ограничения, это *Ли – Ци* взаимосвязь, формирующая идеальную конструкцию, в ней растворяется источник человеческих страданий – «нечеловечность» (*бу жэнь*). В начале XX в. появляется понятие *чжэсюэ*, означающее философию Китая. Се Улян и Ху Ши, исследуя историю философии Китая, обратили внимание, что онтологическое основание китайской науки – это *сюэ* [16]. В XXI в. вопрос о *сюэ* исследуется в связи с понятием *жэнь*. Итак, с середины XX в. *сюэ* и *жэнь* выступают онтологической моделью научной формы китайской культуры. *Сюэ* и *жэнь* получили не только аналитическое рассмотрение, но и гармоничное согласование.

Фэн Юлань понятийно провел *синь ли-сюэ яньцзю*, так называемое Исследование нового учения о принципе Фэн Юланя [4, с. 472–475]. В исследовании Фэн Юланя *сюэ* раскрывается в четырех пустых, лишенных положительного содержания формальных понятиях. Это, во-первых, *Ли-принцип* (идеальная форма, высшим выражением ее является великий предел *Тай Цзы*); во-вторых, *ци* – материя (материальная сила); в-третьих, *дао ди* – постоянный процесс движения-преобразования общей формы, совмещающий все единичные процессы; в-четвёртых, *да цюань* – «великое целое», всеобъемлющая любовь, модернизация понятия *цзянь ай* (принцип «всеобщей любви»). Таким образом, определяется идеальная конструкция, модель небытия на общем принципе *Ли – Ци*. В принципиальной трактовке небытия *ли* – это

¹ Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т. 1-4. М.: Мысль, 2010. 2816 с.

принцип жизни, а *ци* – это принцип инновации.

Биоэтика XX–XXI вв. как социальный институт управления инновационными процессами ведёт к мысли о *сюань сюэ*, метафизическом ограничении принципа антропности. Ду Ваймин обращает внимание на повседневность и определяет онтологию науки и техники как моральную метафизику [5, с. 83–116]. Моральная метафизика означает преемственность *Дао Тун*, связь с природой осуществляется конструктивно. В понятийной общности «метод – конструкт – культура» метафизически значимым является конструкт, проводящий метафизическое ограничение. Посредством конструкта осуществляется ряд научных процедур.

Научное обоснование *Дао Тун* выполнил в IX в. Хань Юй. Расширение понятия *Жэнь* до человеческой воспитуемой природы [18, с. 9–105] и понятия Великого предела *Тай Цзы* сделал в XI в. Чжан Цзай. Рассеянная во Вселенной *ци* и взаимодействие *ци* – *юй* в согласии с *Ли-принципом*, исходящие из Великого предела *Тай Цзы*, служат основой, на которой воспитательная сила способна взрастить человеческое качество *жэнь*. Воспитуемая *жэнь* – это первичная основа мироздания, она же – великий предел *Тай Цзы*, *Жэнь* проявляется в человеке в виде *чэн* – подлинности, искренности, требующей «главенства покоя» *чжу цзин*.

Постановка метафизической проблемы состоялась в XI в. Чжоу Дуньи, который исходя из древнейшего представления китайского народа о Великом Пределе *Тай Цзы*, поставил вопрос о метафизическом ограничении принципа антропности [1; 2]. Чжу Си

в XII в. создал научную форму воспитания, классифицирующую постижение небытия. Классифицирующее постижение небытия в форме воспитания (*Гэ у*) приводит к моральному совершенству личности [10]. Метафизическое определение принципа антропности происходит в сравнении чжусианства со школой Лу Цзюяня – Ван Янмина, начало школы было положено в XII–XV вв. возрождением *Синь сюэ* в отношении *Тай цзы*. Чжусианство и ван-янмизм к середине XX в. создали новое определение *Ли-принципа* в качестве нравственного творчества. Инновационным началом считается *жэнь*, принципиально противостоящая метафизической проблеме. Значительный вклад в понимание и объяснение *жэнь* как нравственного творчества внёс английский синолог – переводчик памятников китайской цивилизации Ангус Ч. Грэм [19].

Метафизическая проблема принципа антропности, впервые сформулированная Шао Юн в XI в., состоит в следующем: существуют высшие принципы, управляющие Вселенной. Они могут быть представлены математическим выражением, поэтому познаваемы исключительно в объективном аспекте. Условие познания математической модели имеет феноменологическую природу: рассматривать и исследовать модель с точки зрения находящейся внутри модели, помещая себя в сердцевину, сущность, структуру [17]. Феноменологическое моделирование происходит в золотой середине. Золотая середина считается Великим пределом *Тай Цзы*. Шао Юн применил учение о золотой середине в теории познания, затем в математической модели описал границу физики и метафизики, тра-

диционно снимаемую в расширении добродетели Дэ. Концепция математического моделирования сокровенного знания *сюань сюэ* Шао Юна является образцом конструкта, инклюзивно регулирующей принцип антропности.

У Чэном в XI в. было обосновано, что *Ли-принцип* – основа герменевтической модели, а *ци-принцип* – основа символической модели, их тождество определяется как забота и доверие. Лу Цзююань в XII в. выразил метафизическую проблему словами: «Вселенная – это мое сердце, мое сердце – это Вселенная. Каждый человек, благодаря исконно присущей ему *жэнь* непосредственно воспринимает сердцем ритмы всей Вселенной» [6; 7]. В Новое время Янь Юань построил символическую модель *сюэ* [8, с. 141–142].

Крупный мыслитель XVII в. Ван Чуаньшань развил символическую модель учением о Великой пустоте (*тай сюй*) как безграничном и безначальном вмещилище вселенской субстанции (*ци* – пневмы), вывел положение об имманентности движения Великой пустоте. Он подготовил постановку вопроса о форме развития науки и техники в категориях знания и действия (*чжи* – *син*), вытекающих из вопроса о небытии. Инновационная форма имеет определение: «Великая пустота *тай сюй* – единая реальность *ши чжэ е*»¹.

Структурное единство субстанция – принцип, функциональное единство движение – покой, онтологическое единство *чжи* – *дэ* в деятельности астронома XVII в. Гу Яньбу образуют

¹ Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. I. М.: Мысль, 2010. С. 363.

Шоссанд Д. Китай в XVIII веке. Расцвет империи Цин. М., 2016. С. 271–272.

Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Т. I. М., 2006. С. 175–180.

учение о естестве (*пу сюэ*), устанавливающее мировоззренческий критерий знаний, таким образом, *пу сюэ* сблизилось с *хань сюэ*². Ученый XVIII в. Дай Чжэнь, лидер хань сюэ, рассуждал о космологическом проявлении шань (доброты – искусности) [11]. Ван Хао, логик, кибернетик, философ XX в., проводил герменевтическую методологию в трактовке *сюэ*.

Философская дискуссия³ о метафизике и науке, выраженная в противопоставлении науки (*кэсюэ*) и метафизики (*сюаньсюэ*), провела категориальную связь *Дун* – *Цзин* (движение – покой). Онтологическая первичность покоя означает первичность метафизики, в которой человек выступает в категориях *ти* и *юн* (телесная сущность и деятельное проявление). *Ти* и *юн* понимаются как целое и его часть, как *чжи* – чистая форма и *син* – поступок, трактуются как *да сюэ*, великое учение, исходящее из природы человека. *Да сюэ* означает исследование фундаментальности инновационной деятельности как принципиальной глубины человечности, охватываемой тезисом «Учиться быть человеком». Этот тезис стал ведущим в китайской философской проблематике XXI в.

Сегодня в поисках долговременных универсальных истин китайская философия смело и творчески преодолевает метафизические ограничения. В этом стремлении современная китайская философия проявляет инклюзивный характер, включая все формы филосо-

² Пу сюэ // Синология.ру: URL: <http://www.synologia.ru/a/Пу-сюэ> (дата обращения: 14.04.2019).

³ Дискуссия о науке и метафизике // Синология.ру URL: http://www.synologia.ru/a/Дискуссия_o_науке_и_метафизике (дата обращения: 14.04.2019).

фии, в том числе философию мировой гармонии и философию предела, проводит специальную линию философствования, в которой говорится о любви, человечности, «сердце» и общении. По мысли Дермота Морана (Dermot Moran) линия в философии «учиться быть человеком» критически отразится на решении вопросов экологической угрозы и выживания¹.

Итак, метафизическое ограничение антропного принципа, выявленное китайской философией, описывается в традиционных категориях *Тай Цзы* и *сюань сюэ*. В исследовании метафизической проблемы определяются онтологические основания инновационной формы понятийной общности «метод – конструкт – культура» *жэнь* и *сюэ*, что позволяет сделать заключение о некоторых онтологических основаниях развития научно-технического опыта Китая. Онтологическое основание развития научно-технического опыта Китая, выявляемое с позиций китай-

ской философии, определяют свобода (трактуемая в категориях «движение дун – покой цзин») и «пустота сюй – наполненность ши»), а также любовь к мудрости (трактуемая в категориях любви к мудрости *сюэ* и человеколюбия *жэнь*). *Сюэ* и *жэнь* являются феноменами воспитания на основании примера, методологическими принципами, формами развития. В понятиях *сюэ* и *жэнь* выражаются сущность и субстанция новейшего опыта научно-технического развития Китая. *Сюэ* и *жэнь* являются корневыми понятиями китайской философии и источниками онтологического оптимизма этой древнейшей цивилизации. Онтологический оптимизм китайской культуры [15] проявляется в построении методологии науки и техники на основании понятия небытия (*у*). Освоение человеком небытия имеет инклюзивный характер, творчество предков органично включается в инновационную среду науки и техники современного Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. Изображение Первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов // Московский телеграф, 1832. Ч. 48. № 23. С. 285–316.
2. Буддийский взгляд на мир / ред.-сост. Е. П. Островская, В. И. Рудой. СПб., 1994. 462 с.
3. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. с китайского Е. А. Торчинова. СПб., 1999. 384 с.
4. Духовная культура Китая. Том 1: Философия / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2006. 727 с.
5. Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени / пер. с фр. Г. Наумовой. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.
6. Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. 354 с.
7. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. 606 с.
8. Малявин В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000. 436 с.
9. Маслов А. А. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». М.: Сфера, 1995. 568 с.

¹ Приветственное слово Президента Международной федерации философских обществ // 24-я Всемирный философский конгресс: [сайт] URL: <http://wcp2018.pku.edu.cn/zxzc/index.htm> (дата обращения: 04.04.2019).

10. Чжу Си. О сознании (синь): Из философского наследия Чжу Си. М., 2002. 318 с.
11. Радуль-Затуловский Я. Б. Дай Чжэнь – выдающийся китайский просветитель // Вопросы философии, 1954 № 4. С. 119–128.
12. Рифтин Б. Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М.: Наука, 1979. 360 с.
13. Рыков С. Ю. Лики китайской рациональности // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 89–118.
14. Степин В. С. Философия и методология науки. М.: Академический проект; Альма Ма-тер, 2015. 716 с.
15. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: Познание запредельного. Спб.: Пальмира, 2017. 463 с.
16. Чжан Жу-Синь. Критика прагматистской философии Ху Ши. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 108 с.
17. Шао Юн. Числа превращений дикой сливы мэй-хуа (Мэйхуа и шу). Киев, 1993. 104 с.
18. Шедевры китайской классической прозы / пер. с кит. В. М. Алексеева. М., 2006. 973 с.
19. Graham A. C. Two Chinese Philosophers: Ch'eng Ming-tao and Ch'eng Yi-Ch'uan. London, Lund Humphries, 1958. 195 p.

REFERENCES

1. Bichurin N. Y. [The image of the first beginning, or the origin of physical and moral laws]. In: *Moskovskii telegraf* [Moscow Telegraph], 1832, vol. 48, no. 21, pp. 3–33, no. 22, pp. 157–193, no. 23, pp. 285–316.
2. Ostrovskaya E. P., Rudoi V. I. *Buddiiskii vzglyad na mir* [The Buddhist view of the world]. St. Petersburg, 1994. 462 p.
3. Ge Khun. Baopu-Tzu. St. Petersburg, 1999. 384 p.
4. Titarenko M. L. *Dukhovnaya kultura Kitaya. Tom 1: Filosofiya* [Spiritual Culture of China. Volume 1: Philosophy]. Moscow, *Vostochnaya literatura* Publ., 2006. 727 p.
5. Naumova G. *Kniga znaniy: Besedy s vydayushchimisya myslitelyami nashego vremeni* [The Book of Knowledge: Conversations with Eminent Thinkers of Our Time]. Moscow, *Progress-Traditsiya* Publ., 2010. 504 p.
6. Kobzev A. I. *Uchenie Van Yanmina i klassicheskaya kitaiskaya filosofiya* [The Teachings of Wang Yangming and Classical Chinese Philosophy]. Moscow, 1983. 354 p.
7. Kobzev A. I. *Filosofiya kitaiskogo neokonfutsianstva* [The Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow, *Vostochnaya literatura* Publ., 2002. 606 p.
8. Malyavin V. V. *Sumerki Dao. Kultura Kitaya na poroge Novogo vremeni* [Tao Twilight. Chinese Culture on the Threshold of the New Time]. Moscow, 2000. 436 p.
9. Maslov A. A. *Misteriya Dao. Mir «Dao de tszina»* [The Mystery of Tao. The World of «Dao de Jing»]. Moscow, *Sfera* Publ., 1995. 568 p.
10. Zhu Xi. *O soznanii (sin): Iz filosofskogo naslediya Chzhu Si* [On Consciousness (Blue): From the Philosophical Heritage of Zhu Xi]. Moscow, 2002. 318 p.
11. Radul-Zatulovsky Y. B. [Dai Zhen – a Prominent Chinese Educator]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1954, no. 4, pp. 119–128.
12. Riftin B. L. *Ot mifa k romanu: Evolyutsiya izobrazheniya personazha v kitaiskoi literature* [From Myth to Romance: the Evolution of the Image of the Character in Chinese Literature]. Moscow, *Nauka* Publ., 1979. 360 p.
13. Rykov S. Y. [Faces of Chinese Rationality]. In: *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], 2018, vol. 33, pp. 89–118.

14. Stepin V. S. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, *Akademicheskii proekt Publ.*, Alma Mater Publ., 2015. 716 p.
15. Torchinov E. A. *Puti filosofii Vostoka i Zapada: Poznanie zapredelnogo* [Eastern and Western Paths of Philosophy: Understanding of the Beyond]. St. Petersburg, *Palmira Publ.*, 2017. 463 p.
16. Zhang Zhu-Xin. *Kritika pragmatistskoi filosofii Khu Shi* [The Criticism of Hu Shih's Pragmatic Philosophy]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1958. 108 p.
17. Shao Yun. *Chisla prevrashchenii dikoi slivy mei-khua (Meikhua i shu)* [The Number of Transformations of Wild Plum Mei-Hua (Plum Blossom and Shu)]. Kiev, 1993. 104 p.
18. Alekseyev V. M. *Shedevry kitaiskoi klassicheskoi prozy* [Masterpieces of Chinese Classical Prose]. Moscow, 2006. 973 p.
19. Graham A. C. Two Chinese Philosophers: Ch'eng Ming-tao and Ch'eng Yi-Ch'uan. London, Lund Humphries, 1958. 195 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журенков Денис Александрович – соискатель Института философии РАН (Сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития), начальник отдела информационно-аналитического обеспечения ФГУП «ВНИИ «Центр», Москва;
e-mail: dzhurenkoff@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Zhurenkov – PhD applicant at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Sector of the Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development), head of the Department of Information and Analytical Support at the All-Russian Research Institute «Centre», Moscow;
e-mail: dzhurenkoff@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Журенков Д. А. Антропный принцип: о некоторых онтологических основаниях научно-технического развития Китая // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 134 – 144.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-134-144

FOR CITATION

Zhurenkov D. A. Anthropic Principle: Some Ontological Foundations of Scientific and Technical Development of China. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 134 – 144.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-134-144

УДК 007/801

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-145-153

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЯ: ФИЛОСОФСКО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА СЕРБИИ)

Янич М. С.*Нишский университет**18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия*

Аннотация: Целью работы выступает выявление сущности лингвистической экологии как современной социолингвистической дисциплины, которая занимается сохранением национального языка со специальным уходом за его этической и эстетической ролью в обществе. Основное содержание исследования составляет анализ глобальной социальной реальности, придавшей общественному дискурсу Сербии форму непрофессионализма и фамильярности. В результате исследования, осуществлённого на основе системного подхода, установлено, что следствием глобализации является утверждение так называемого «небрежного» стиля публичной коммуникации, характеризующегося неуважением к языковой национальной культуре. Такая форма общественного поведения не только разрушает речевую культуру, но и косвенно проникает во все остальные сферы жизнедеятельности общества. Автором сформулирована задача для общественных организаций в отношении граждан – уделять особое внимание предмету лингвистической экологии, иными словами, сохранять основные ценности национального языка. Статья адресована специалистам в области философии науки и техники, преподавателям философским и лингвистики, аспирантам всех направлений

Ключевые слова: лингвистическая экология, культура речи, общественный дискурс, речевые этикеты, гоноративы.

LINGUISTIC ECOLOGY: PHILOSOPHICAL AND SEMIOTIC ASPECT (BASED ON PUBLIC DISCOURSE IN SERBIA)

M. Yanich*The University of Nish**2, Universitetska Square, Nish, 18106, Republic Serbia*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the essence of linguistic ecology as a modern sociolinguistic discipline which is engaged in preservation of national language with special care of its ethical and esthetic role in society. The main content of the research is the analysis of the global social reality which deteriorated Serbia's public discourse to the degree of non-professionalism and familiarity. As a result of the research conducted on the basis of systemic

approach it is established that the approval of the so-called «negligent» style of public communication which is characterized by disrespect for language national culture is a consequence of globalization. Such form of public behavior does not only destroy speech culture, but also indirectly gets into all other spheres of social activity. The author formulated a task for public organizations concerning citizens – to pay special attention to linguistic ecology i.e., to preserve core values of the national language. The article is addressed to the experts in the field of philosophy of science and technology, lecturers in philosophy and linguistics, postgraduate students.

Keywords: linguistic ecology, culture of speech, public discourse, speech etiquette, hono-rifics.

*Язык живая сила, с которой связана
не только культура, но и само
существование одного народа.*

Иво Андрич

Введение

В современном мире глобальной культуры произошёл ряд многочисленных социальных изменений, основными признаками которых являются унификация общественных ценностей и всеобщая культурная идентификация по образцу, предложенному мировыми лидерами. Имеет место «обострение противоречий рациональности и нравственности, виртуальности и реальности, транснационального глобализма и национальных культур» [6, с. 263], а тесная межнациональная взаимосвязь, напротив, создаёт впечатление близкого родства, спонтанности и знакомства широких слоёв населения, и эта черта самая поразительная в сфере общественной коммуникации. Глобализация осуществляется на основе того, что всё больше увеличивается культурный, и прежде всего языковой, обмен информацией. Причём это не просто информационный обмен на лексическом, стилистическом и грамматическом уровнях, но и совокупное культурное проникновение. В современном межкультурном общении до-

минирует англосаксонская языковая культура.

Вопросами регулирования взаимоотношений между языками, а тем самым и культурами занимается относительно молодая дисциплина – лингвистическая экология, предметом изучения которой являются сложные взаимоотношения между языком и обществом, или, как уточняет сербский академик, славист Предраг Пипер, «отношения между определенными аспектами человеческого сообщества и его среды». Причём «специфическим признаком предмета лингвистической экологии является отношение между языком и окружающей средой, в которой язык существует и функционирует. К этому нужно добавить и вопросы засорения языка либо этического характера (например, злоупотребление языком, которое в современных средствах массовой информации приобретает форму утончённого криминала), либо эстетической природы (подавление поэтической функции языка, прежде всего в сфере художественной литературы, т. е. деперсонализации, с почеркнутой инструментальной функцией языка в большинстве остальных областей его функционирования)» [2].

Таким образом, главная задача экологии языка – сохранение языковой

культуры и самодостаточности национального языка. Одно из самых важных свойств языковой культуры – речевые этикететы, формы культурного поведения в общественной коммуникации, выбор и пользование соответствующих гоноративов, т. е. этикетов вежливого общения¹.

Теоретический подход к проблеме

Культура речи – очень сложная языковая деятельность, которая состоит из четырёх компонентов: языкового, этического, коммуникативного и эстетического. *Языковой* компонент подразумевает литературно-языковую норму; *коммуникативный* зависит от речевой ситуации (ситуационного контекста, в котором происходит коммуникация); *эстетический* связан со стилем и красотой языкового выражения, а *этический* компонент подразумевает знание и использование правил языкового поведения в данных социальных ситуациях.

Под этическими нормами подразумеваются этикететы, т. е. кодифицированное использование этикетов, или вежливых речевых формул – гоноративов. Речевой этикет² входит в область языковой культуры и подразумевает уважение правил вежливого языково-

го поведения в определённой речевой ситуации, т. е. кодифицированное речевое поведение [2] как стереотипный автоматизированный речевой поступок в определённых внеязыковых рамках. С точки зрения культуры коммуникации, вежливость абсолютно необходима и играет значительную роль в повседневной коммуникации в различных сферах языкового выражения. Так же, как внеязыковой контекст требует употребления языковых средств во взаимном языковом обмене и общении внутри одного речевого сообщества речевые этикететы социально и культурологически обусловлены и отличаются от языка к языку, от культуры к культуре [7].

С точки зрения социолингвистического аспекта вопросы языковых этикетов мотивировали Радовановича [4] установить «грамматику общественного статуса» как метафорическое название взаимной обусловленности языковых и общественных явлений. «Вопросы такого рода, как правило, отсутствуют в дескриптивных и нормативных сербохорватских руководствах, хотя указывают структуру и регулярности, как и в области традиционно понятой грамматики...» [4, с. 132]. Он поясняет, что этикететы денотаций деловых отношений – это местоимения второго лица единственного числа *ты* и множественного числа *Вы*. «Употребление личных местоимений *ты* или *Вы* не просто грамматический, но лингвистический вопрос. Здесь речь идет о функции подчеркивания характера отношений между представителями данного языка, т. е. в коллективе, о котором идёт речь, а также о роли указания на относительный общественный статус коммуникатора

¹ Кристал Д. Энциклопедический словарь современной лингвистики: «В грамматическом анализе некоторых языков термин гоноратив относится к синтаксическим и морфологическим различиям выражения уровня вежливости или уважения, особенно в связи с взаимным общественным статусом участников. Системы местоимений в нескольких европейских языках выражают такой контраст, напр. Французский *tu* против *vous* (сербохорватский *ти* против *ви*)».

² Прим. автора: Этикет – установленный способ поведения в определенных обстоятельствах в обществе.

в реализованном речевом событии – т. е. на статус одного участника в нём в отличие от статуса другого ... Какова, на самом деле, роль появления, вернее, отсутствия местоименной формы *Вы* в положении, этикетом которого выражается второе лицо единственного числа? Несомненно, не грамматическая, но интерактивная, и в том смысле коммуникационная» [4, с. 132–134]. Симметричное расположение местоименных форм *ты* – *ты* указывает на равенство статусов коммуникаторов. Солидарность может быть основана на: принадлежности одному поколению, подобию жизненных ситуаций, родственных связях, одном и том же политическом или идеологическом направлении или на эмоциональной связи. Симметричное расположение местоименных форм *Вы* – *Вы* говорит о дистанции между коммуникаторами: незнакомство, официальность ситуации, неязыковые конвенции, формальное или протокольное устроение поведения. Здесь важно подчеркнуть то, что контекстуальная адаптивность не статичный экстралингвистический факт, а субъект, который подлежит изменениям и переговорам.

Вопросы речевых этикетов затрагивает и Милан Шипка [5] в своей работе «Культуры речи». Он дает краткий обзор происхождения гоноративов в сербском языке, отмечая, что обращение на *Вы* к одному человеку мы приняли от западноевропейских народов в международном языковом обмене. «Обращение на *Вы* появилось в IV веке н. э. в Римской империи. Тогда оно было зарезервировано только для царей, пока остальные обращались друг другу на *ты*. В средневековье этот обычай распространился и укрепился

в Западной Европе, причём на *Вы* обращались не только к правителям, но и другим людям в качестве уважения» [4, с. 218]. «Обращение на *Вы* указывает на социальную и эмоциональную дистанцию между коммуникаторами, официальное отношение друг к другу и даже определенную отчужденность» [3, с. 219]. Как особую причину такого обращения он подчёркивает неравенство поколений или обществ и добавляет, что любое нарушение этих правил, прежде всего переход с *ты* на *Вы*, особенно в официальных отношениях, представляет знак неуважения и недооценки, невежливого и некультурного поведения (вульгаризация и рурализация).

Этикеты обозначают и выбор языковых средств при обращении в общественной и официальной коммуникации. Так, к взрослым мы обращаемся *госпожа / мисс и господин*, а в обращении к начальникам добавляется и статус: *господин декан, господин директор, господин профессор, господин президент, Ваше Королевское Величество, Ваше Высочество, Его Высочество Принц Англии, Его Величество Король, Ваше Святейшество, Ваше Высокопреосвященство* [3, с. 223].

Этикеты вежливого обращения в общественном дискурсе означают, что: к незнакомому собеседнику надо обращаться на *Вы* (на *ты* можно перейти только по предложению старшего); движения тела должны быть согласованы; надо избегать использования местоимений *я (мой)*; собеседнику надо смотреть в глаза; внимательно слушать и не перебивать его. Кодекс культурного поведения через язык исключает использование общественно-недопустимой лексики (вульгаризмов),

лексических средств и выражений (ругательств), и это касается также интонационных компонентов речи в плане запрещения повышенного тона как неприличной аффективной реакции.

Формы вежливости в общественном дискурсе электронных средств массовой информации

Средства массовой информации несут ярко выраженную ответственность с точки зрения ухода за культивированным способом выражения, что известно и самим теоретикам журналистики. Медиа являются массовыми средствами информирования и коммуникации, а это вносит и ответственность за публично произнесённое слово. Слово журналиста должно быть не только моделью речевой правильности, но и примером безупречно профессиональной беседы, которая соответствует всем вышеуказанным максимам кооперативной коммуникации. Обращение на радио и телевидении представляет вершину, в которой культура выражения должна достигнуть своего репрезентативного максимума и выполнять важную воспитательную функцию. Этому дискурсу медиа журналист-ведущий придаёт основной тон – достойный, спокойный, сдержанный и прежде всего соответствующий культуре поведения. Медиа-коммуникация осуществляется параллельно на трёх уровнях: ведущий – гости (участники) телепередачи – зрители / слушатели, – и она должна быть основана на принципах теории вежливости и нормативах языковой культуры. Ведущий как посредник коммуникации среды аудитории, с одной стороны, и источника информации (гостя), с другой стороны, на-

правляет разговор, отдавая приоритет гостям и слушателям. Личность ведущего не должна быть доминирующей, навязчивой, показывать нервозность и нетерпение. Он должен внимательно слушать собеседников без излишнего прерывания и ни в коем случае не портить настроение остальным участникам общественно-массовой коммуникации.

Вежливое речевое поведение в общественном дискурсе электронных средств массовой информации Сербии приобрело новую глобалистскую направленность, которая характеризуется прежде всего нивелированием профессионального по отношению к повседневному, частному. Вежливые речевые формы заменяются гибкими фамильярными и спонтанными формами ведения беседы, и профессиональная коммуникация в журналистике приобретает черты разговорного функционального языка. Не вызывает сомнений, что этот «небрежный» язык является результатом популяризации и демократизации современного общества и что подобное языковое поведение ведёт к языковой унификации, т. е. неформальным способам «демократического» поведения в обществе, лишенном дистанций вежливости и речевых этикетов для обозначения социальной иерархии.

Такова ли ситуация в текущей практике общественного дискурса Сербии? Этот риторический вопрос наводит на отрицательный ответ. Чтобы эту гипотезу научно подтвердить, мы проанализировали общественно-массовый дискурс в течение нескольких недель весны 2018 г., отслеживая теле- и радиопрограммы в Сербии, где для анализа была выбрана речевая форма

журналиста в программах информационно-развлекательного характера. В результате анализа мы пришли к очень интересным выводам, характерным для новых форм журналистской общественной речи:

1. Обращение на *Вы* в программах носит очень гибкий характер и основано на личных предпочтениях журналистов, прежде всего в соответствии с собственным чувством близости с собеседником, независимо от серьёзности темы и официального профессионального статуса и репутации гостя. Бывало, что ведущий вначале обращается к нему на *Вы*, а потом спонтанно переходит на *ты* по праву дружбы и знакомства вне телепередачи. Часто бывало и попеременное обращение на *ты* / *Вы* в течение журналистской беседы в программе, что мы условно могли бы назвать сочетанием (соединением) речевых этикетов уважения.

2. Если речь идёт об общественных и профессиональных этикетах, титулах, названиях и профессиях, они, как правило, подчёркиваются только при объявлении собеседника. Упомянутые этикеты почти не существуют в дальнейшем ходе журналистского разговора, кроме того, создаётся впечатление намеренного избегания любого обращения к собеседнику, а таким образом и маркировки. Данное журналистское решение представляет новый вид косвенного, т. е. подразумеваемого обращения. Такой речевой непрофессионализм способствует маргинализации индивидов, которые профессионально компетентно говорят по определённой теме.

3. Этикеты общественного статуса *мисс*, *госпожа* и *господин* используются редко, в исключительных случаях, если

речь идёт о государственных деятелях или зарубежных гостях. Значит, существует непоследовательность при употреблении этих гоноративов.

4. Вместо фамилии в коммуникации общественного дискурса чаще всего наблюдается обращение по имени, а иногда и по прозвищам. Кроме того, доминирующее положение занимает обращение, характерное для среды коллег, осуществляющих телепередачу (ведущие, репортёры, ведущие прогнозов погоды). Это фамильярность ещё более подкрепляется постоянными взаимными коллегиальными приветствиями и благодарениями, что им придаёт значимости в программе, и в результате их роль выглядит центральной, а роль гостей выглядит побочной и вторичной. Отступление от культуры общения становится ещё больше, когда при обращении к коллегам в программе почти каждый из них, как правило, получает эпитеты *наш/а*, *мой/я* (*наш репортёр Марко*, *моя collega Майя*, *наш Александр Симич*, ... *мы услышим от нашего Александра...*). Это приводит к отступлениям от требований теории вежливости, потому что зрители перед телеэкранами идентифицируются со счастливицами, которые удостоены избранно смотреть элитные события на телевидении. Забывается, что журналисты и телевидение здесь для зрителей! Ведущие всегда пользуются возможностями жаловаться на трудности их работы, как, например, вставать рано для утренней программы.

5. Доминирующие черты журналистского диалога, такие как фамильярность и неформальное общение, усиливаются преувеличенным использованием личных местоимений: *я* и

мой. Этим подчёркивается личность ведущего в качестве бесспорной звезды медиа (*С моим гостем разговариваю о том...; Я благодарю Вас от имени моей команды за участие в моей программе; Теперь должен спросить...?; Со мною отличный гость...*).

6. Индивидуальность как семантическая категория в сербском языке наиболее ярко грамматически выражена в категории лица [2, с. 592], поэтому и в случаях, когда не выражается личным дейксисом, навязывается глаголами в личной форме. В сербском массовом дискурсе часто говорят от первого лица единственного и множественного числа, т. е. с первой позиции, что указывает на скрытую эгоцентричность личности журналиста. Мы убедились и в том, что у перспективы *мы / наши* тоже сильна позиция в общественном дискурсе электронных средств массовой коммуникации. Создаётся впечатление, что перспектива *вы (ваш, вам)*, которую предполагает аудитория, медленно исчезает из общественного дискурса средств массовой информации, и всё реже можно услышать когда-то известный апеллатив *дорогие / уважаемые зрители!*

7. Ещё одно явление, которым маргинализируется речевой этикет в общественном дискурсе средств массовой информации, – частое перебивание собеседника, результатом которого является неприятная сцена, где журналист навязывается всезнающим «супергероем», а гость, который по профессии компетентен говорить на данную тему, напоминает непослушного ученика, которому строгий учитель читает лекцию. Такая манера коммуникации обозначает неуважение к собеседнику и навязывание личного

превосходства и доминирования, пока сами зрители остаются в смущении от разорванного течения диалога. Культура слушания, особенно слушания собеседника, пришедшего в программу говорить по определенной теме, является основой культурного диалога.

Выводы

Вежливое речевое поведение в общественном дискурсе электронных средств массовой информации Сербии имеет новый глобалистский наряд, который прежде всего отмечается выравниванием профессионального по отношению к частному. Вежливые речевые формы заменяются гибкими фамильярными и спонтанными способами ведения разговора, и профессиональная коммуникация в журналистике получает свойства разговорного функционального стиля. Не вызывает сомнений, что этот «небрежный» язык является результатом популяризации и демократизации современного общества и что таковым своеобразным языковым поведением оно идёт в направлении языковой солидарности, т. е. неформальных способов «демократического» социального поведения, лишённых вежливых дистанций и речевых этикетов для денотации общественной иерархии.

Однако не вызывает сомнений и то, что причина оправдания «небрежной» манеры журналистского общения лежит в конкуренции и маркетинговой стратегии в беспощадной борьбе СМИ за рейтинг в целях стать более актуальным и конкурентным на рынке, а тем самым и лингвистически приблизиться к получателю. Вышеупомянутые тенденции показывают, что дискурс средств массовой информации

отказывается от своей языково-образовательной функции.

Тем не менее нельзя забывать и о том, что журналист несёт большую ответственность перед обществом и образовательную нагрузку как создатель речевого поведения и речевых навыков. Произносимые им публично слова представляют собой образец для подражания аудитории, которая не только отражает речевые формы журналиста, но и воспроизводит эти речевые формы в многочисленных жизненных ситуациях общения.

Вот что об этом пишет Пипер: «То, что лингвистическая экология занимает особое место в ряду родственных социолингвистике дисциплин, и то, что, с другой стороны, сближает её как одну из узких областей экологии с родственными дисциплинами, является этическим (вместе с ним часто и эстетическим) критерием в анализе различных форм взаимоотношений языка и среды, в которой он функционирует... Лингвистическая экология

имеет истинно экологическое основание настолько, насколько открывая, описывая и объясняя факты в рамках своего предмета, не преувеличивает значение функционального момента в ущерб оценке общественных и языковых процессов с точки зрения их вклада в создание или уничтожение определённого культурного и духовного содержания, и с точки зрения оценки степени гармоничности их сосуществования» [2].

Таким образом, в процессе «формирования здоровой духовной среды, удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к общественному сознанию» [1, с. 157], особенно в условиях глобализации, необходимо сохранение языковой экологии, для чего требуется повышение уровня речевых этикетов в электронных средствах массовой информации с тем, чтобы поднять общую культуру выражения на более высокий уровень общественной иерархии и в повседневном общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песоцкий В. А., Беркут В. П., Майкова В. П., Молчан Э. М., Бондарева Я. В. Методологические и аксиологические подходы к решению проблем консолидации общества в эпоху глобализации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. № 1. Т. 8. С. 138–157.
2. Radovanović M. Spisi iz kontekstualne lingvistike. Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1997. 269 с.
3. Stamenković I. Analiza diskursnih koraka i strategija neučivosti u srpskom i engleskom jeziku. Ниш, 2013. 111 с.
4. Stojanović D. Učtivost u nemačkom i japanskom jeziku [Электронный ресурс] // Komunikacija i kultura online, 2011, Godina II, br. 2. URL: <http://www.komunikacijaikultura.org/index.php/kk/article/view/194/151> (дата обращения: 04.04.2019).
5. Шипка М. Култура говора. Нови Сад: Прометей, 2008. 387 с.
6. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The Problem Of Society Consolidation In The Era Of Globalization: Methodological And Axiological Aspects // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018 Vol. 8. Iss. 5. P. 263–281.
7. Watts R. Politeness. New York: Cambridge University Press, 2003. 304 p.

REFERENCES

1. Pesotsky V. A., Berkut V. P., Maykova V. P., Molchan E. M., Bondareva Ya. V. [Methodological and axiological approaches to the solution of the problems of social consolidation in the era of globalization]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2018, no. 1, vol. 8, pp. 138–157.
2. Radovanović M. Spisi iz kontekstualne lingvistike. Novi Sad, Sremski Karlovci: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1997. 269 c.
3. Stamenković I. Analiza diskursnih koraka i strategija neučivosti u srpskom i engleskom jeziku. Nish, 2013. 111 p.
4. Stojanović D. Učtivost u nemačkom i japanskom jeziku. In: *Komunikacija i kultura online*, 2011, Godina II, br. 2. Available at: URL: <http://www.komunikacijaikultura.org/index.php/kk/article/view/194/151> (accessed: 04.04.2019).
5. Shipka M. Kultura govora [The Culture of Speech]. Novi Sad, Prometej Publ., 2008. 387 p.
6. Berkut V. P., Bondareva Ya. V., Kostyukova T. A., Maykova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The Problem of Social Consolidation in the Era of Globalization: Methodological And Axiological Aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018, vol. 8, iss. 5, pp. 263–281.
7. Watts R. Politeness. New York, Cambridge University Press, 2003. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина С. Янич – доктор филологических наук, профессор факультета философии Нишского университета, Республика Сербия;
e-mail: marina.janjic@filfak.ni.ac.rs

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Janjić – Doctor of Philology, professor at the Department of Philosophy, the University of Niš;
e-mail: marina.janjic@filfak.ni.ac.rs

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Янич М. С. Лингвистическая экология: философско-семиотический аспект (на примере общественного дискурса Сербии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 145 – 153.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-145-153

FOR CITATION

Janjić M. S. Linguistic Ecology: Philosophical and Semiotic Aspect (Based on Public Discourse in Serbia). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 145 – 153.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-145-153

УДК 165.32, 004.942

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-154-163

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Шалагина Г. Э.¹, Шалагин С. В.²

¹Казанский национальный исследовательский технологический университет
420015, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68, Российская Федерация

²Казанский национальный исследовательский технический университет имени
А. Н. Туполева
420111, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 10, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются социогуманитарные аспекты инфокоммуникационных технологий (ИКТ), связанные с инфо-социальной реальностью 5.0. и постнеклассической наукой. Основное содержание работы составляют обобщение теоретических исследований в информатике, выявивших когнитивные проблемы компьютерного моделирования и проектирования, а также анализ корпуса информационно-технических и философских текстов, составляющих подходы к технике: «пессимистический» и «оптимистический». В результате исследования выявлено, что гуманитаризация естествознания осуществляется посредством технических наук в силу их контакта с социумом. На основе изучения неолиберально-экономических влияний на техническое творчество установлено, что когнитивные проблемы вызваны как парадигмально-научными, так и социальными причинами. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что на основе междисциплинарного подхода авторы обновили проблематику исследуемой области на стыке информатики и социогуманитарных наук. Предложены перспективы развития ИКТ, связанные с экологическими вызовами постмодерна (инфохимия, нанокomпьютеры). Статья адресована специалистам в области философии науки и техники, преподавателям философских наук, исследователям социогуманитарной проблематики, аспирантам всех направлений.

Ключевые слова: гуманитаризация, когнитивные проблемы, инфохимия, постнеклассика, инновационизм, транзиторность.

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A SUBJECT OF SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES

G. Shalagina¹, S. Shalagin²

¹*Kazan National Research Technological University*

68, Karl Marx st., Kazan, 420015, Russian Federation

²*Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev*

10, Karl Marx st., Kazan, 420111, Russian Federation

Abstract. The article considers some socio-humanitarian aspects of info-communication technologies (ICT) related to info-social reality 5.0 and post-non-classical science. The authors summarize the experience of theoretical research in computer science which revealed cognitive problems of computer modeling and design. The article analyzes the body of information-technical and philosophical texts making up “pessimistic” and “optimistic” approaches to technology. It is shown that humanitarization of natural science is carried out by means of technical sciences because of their contact with society. Based on the study of neoliberal-economic influences on technical creativity, it is established that cognitive problems are caused by both paradigmatic scientific and social reasons. The authors updated the problems of the study area at the intersection of Informatics and Social Sciences and proposed the perspectives of ICT development connected with environmental challenges of post-modernity (info-chemistry, nanocomputers).

Keywords: humanitarization, cognitive problems, info-chemistry, postclassical, innovationism, transitivity.

Основные гуманитарные подходы к осмыслению информационно-коммуникационных технологий

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) сегодня являются предметом исследования не только информатики, но и социально-гуманитарных наук. Примеры таких исследований демонстрируют: STS, в том числе подход Б. Латура [3]; цифровая антропология, предполагающая не только использование компьютерной техники в исследованиях, но и изучение постмодерного человека в аспекте влияний на него дигитальной реальности [12; с. 123–128, 214–220]; «цифровые гуманитарные науки», включая гуманитарную информатику и цифро-

вую гуманитаристику [7]; информология [6].

Основных причин междисциплинарного интереса к ИКТ две. Во-первых, инфо-социальная реальность 5.0, когда результаты компьютерного моделирования и проектирования молниеносно внедряются в практику и влияют на паттерны повседневности. Технологии становятся фактором формирования нового человека, вплоть до его телесности, рассмотренной с позиций трансгуманизма. Во-вторых, в постнеклассической парадигме возрастает роль технических и информационных наук, методы гуманистики привносятся в естествознание (это явление осмысливается как гумани-

таризация естествознания). Технические науки традиционно рассматриваются в качестве прикладного аспекта естествознания, но при этом они направлены на создание материальной составляющей культуры, и благодаря материальной воплощенности и коммодификации своих объектов в большей степени контактируют с социумом. Поэтому технические науки являются проводником процессов гуманитаризации, посредством них методы гуманистики влияют на «жесткое ядро» естествознания.

По словам В. Кутырёва, естествознание сегодня перестало быть «познанием естества» [2; с. 49]. Согласимся с автором. Однако, по нашему мнению, деонтологизация естествознания связана не только с гносеолого-эпистемологическим поворотом новоявропейской философии (И. Кант, традиция позитивизма, неокантианство, феноменология), но и с самой общественной практикой. В условиях индустриального и постиндустриального мира природа – это не «объективная реальность», а то, что находится под воздействием антропогенных факторов, это природа, видоизменённая и поставленная на службу человеку посредством техники и технологий.

Технические науки имеют особый статус в качестве наук о материальной культуре, при необходимой их близости естествознанию. Предмет естествознания (природа) каузирует объективистскую, материалистическую общенаучную методологию, в то время как науки социальные (об обществе), гуманитарные (о творениях человеческого духа) и технические (об искусственно созданных устройствах и методах их применения) разворачивают

исследователя к осознанию важности идейной, духовной, идеологической компоненты реальности. Напротив, происходящая в случае смещения технического исследователя на методологические позиции естествознания натурализация результатов компьютерного моделирования и проектирования представляет собой превращенную форму сознания, которая уводит не только рядового пользователя ПК, но и исследователя от истинного понимания природы сложных технических объектов. Исследование ИКТ с социогуманитарных позиций связано с осмыслением в постмодерной культуре и философии науки места и роли информатики, её новейших разработок в антропологической перспективе, с точки зрения их влияния на статус, природу и судьбу человека в новой инфо-социальной реальности 5.0.

В осмыслении значения ИКТ для дальнейшей судьбы человека в постмодерной реальности при всём многообразии подходов, выделим две противоположные позиции. Первая, условно «пессимистическая», принадлежит В. А. Кутырёву, вторая, «оптимистическая» – М. Н. Эпштейну.

В. Кутырёв отмечает, что «современная наука, физика, неумолимо сближаясь с информатикой, превращается в техносайенс» [2, с. 7]. В техницистском мышлении жизнь лишена субстрата, наблюдается критика «водно-углеродного шовинизма» или «белково-нуклеинового центризма» [2, с. 64]. Когнитивизация и технологизация могут подавить смысловое начало в человеческом сознании, и наступит ситуация, когда «вместо вещей – информация, вместо логоса (смысла) – матезис (количество, цифра)» [2, с. 41].

Растёт число сторонников робототехнического мировоззрения: предприятия без работников, университеты без педагогов и т. д. [2, с. 66]. Мировоззренческий посыл автора состоит в необходимости уравнивания техницистского новационизма здоровым консерватизмом.

Согласно же М. Эпштейну, гуманитарии постмодерна находятся в уникальной ресурсной ситуации. Если в предшествующие исторические эпохи было возможным существование теоретических дисциплин, «созерцающих», «рассматривающих» свой предмет, то в XXI в. ускоряется социальное время, остаётся все меньше временного зазора между предметом и воздействием на него, между реальностью и её трансформацией [10]. Действительно, социальная транзиторность, инновационизм сокращают период неизменного бытия объекта. Теперь, как утверждает М. Н. Эпштейн, теория предсказывает и творит свой предмет, а не только осмысливает его «задним числом» [10].

Трансформативная гуманистика (техногуманистика) – это совокупность практик и технологий, которые в ходе сближения гуманитарных и технических наук преобразуют предмет гуманитарных наук (культуроника, литературоведство, языковедство, футуроскопия и т. п.). Эпштейн также обращает внимание на сближение техники и философии при создании онтотехники (креативных онтологических сред). Условием создания как виртуальных игр, так и онтотехники является философское продумывание метафизических вопросов (о количестве измерений реальности, о соотношении субъекта и объекта, причинах и

следствиях, о времени и пространстве, об условиях смерти и т. п.) [11].

Социально-экономические условия развития информационно-коммуникационных технологий

Социально-гуманитарный аспект рассмотрения вопросов ИКТ предполагает их помещение в социально-экономический контекст. Например, причины когнитивных проблем компьютерного моделирования и проектирования зачастую носят не столько технический или парадигмально-научный, сколько социально-экономический характер [8, с. 370–371]. В автоматизированном проектировании как технических, так и естественно-научных объектов в конце XX – начале XXI вв. усилился так называемый оптимизационный подход к проектированию [5]. Возросшая актуальность указанного подхода связана с интенсификацией модернистской идеологии: от проектировщиков требуют, чтобы новое поколение проектируемых объектов было дешевле по себестоимости и в большей степени удовлетворяло современной структуре спроса.

В неолиберальном капитализме главная цель инноваций – увеличение объёма оборота денежных средств. Поэтому сменяемость поколений технических устройств зачастую продиктована внешней экономической, нежели внутренней научно-технической задачей, тем более не витальными или экзистенциальными потребностями человека. Устаревание технических устройств подчас создаётся искусственно. Например, при помощи несовместимости «старого» программного обеспечения с новыми аппаратными средствами. Чтобы иметь статус «ин-

новационного» производства, предприятие должно с периодичностью в три года изменять технические параметры своей продукции¹. Латентность когнитивных проблем проектирования зачастую является следствием того, что в информационном обществе существует устойчивая потребность в получении результата при жестких временных ограничениях [8, с. 374].

Результаты технического творчества сегодня быстро внедряются в повседневность. Насколько заданный темп изменений социально значимых показателей технического оснащения жизни антропомерен, соответствует темпу осмысленной и счастливой человеческой жизни? Счастливая жизнь в постмодерном транзиторном мире предполагает, напротив, стабильность и неизменность значимых социальных показателей, предполагает разидентифицирующие стратегии и консерватизм в противовес достигаторским стратегиям модерна [9, с. 200]. Если мериллом человеческой жизни становятся сроки инноваций, а скорость трансформации базиса высока в угоду инновационизму, морально-нравственная сфера искусственно динамизируется, что приводит к возникновению моральной транзиторности (транзиторной этики) – системы норм нравственного поведения человека и социальной группы, предполагающей в качестве базовой моральной ценности постоянную готовность к переменам [9, с. 198]. Моральная транзиторность манифестируется в культуре в форме мораль-

но-нравственного релятивизма, «традиционной» черты постмодернизма. Однако морально-нравственный релятивизм предполагает возвратное движение «между» значимыми единицами смысла (ценностями), в то время как рассмотренный в социально-экономическом контексте, морально-нравственный релятивизм обнаруживает вектор линейного движения.

Успехи техники инспирировали трансгуманизм, в котором человек понимается с позиций его дальнейшего совершенствования посредством техники. А. Я. Каплан, исследуя работу мозга, мыслит о человеке при помощи «информационной аналогии», использует понятия «вход» (чувственное восприятие) и «выход» (мышечная реакция), сетуя на инерционность, медлительность, ограниченность и громоздкость всей этой «мышечной механики» [1, с. 22]. Преодолеть несовершенство человеческой природы призваны ИМК – интерфейсы мозг-компьютер. ИМК полезны для людей с ограниченными физическими возможностями, но учёный не ограничивает сферу их применения. Предлагаются направления, представляющие «коммерческий интерес в различных рыночных сферах»: нейроигры, реабилитация гиперактивных подростков, заработавшихся топ-менеджеров и т. п. Возможно, это привлекательная перспектива: обзавестись телефоном, который будет или работать с выключенным звуком, или подъезжать к руке пользователя, в зависимости от того, желает тот общаться или нет. Однако в каких целях будут использоваться эти разработки? Кто будет лидером после постмодерна – техника или человек? Не случайно кампания Майкрософт

¹ Объем инновационных товаров, работ, услуг // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/minnov-3.htm (дата обращения: 01.03.2019).

запатентовала человеческое тело как элемент беспроводной связи [14].

Таким образом, техника сегодня рискует оказаться в числе средств увода человека в сторону от его витальных и экзистенциальных целей. Очевидно, что последующее использование ИКТ уже не является полем ответственности инженера, наступает ответственность экономиста, политика, правоприменителя. Однако в условиях главенства техницистского мышления в науке в условиях внедрения в общественную практику в обязательной форме информационной компетентности, вторжения ИКТ в повседневность в форме гаджетов, «интернета вещей» и «интернета всего» деятельность проектировщиков должна сопровождаться философской рефлексией ответственности за последствия своей деятельности. Ведь внедренный сегодня в общественную практику результат проектирования зачастую может оказаться витальной и/или экзистенциальной ловушкой для человека как пользователя, и для проектировщика инновационной продукции.

Экологические вызовы и информационно-коммуникационные технологии

Перспективы развития ИКТ связаны и с экологическими вызовами современной цивилизации. Новые возможности для этого открывает инфохимия.

Химия, как и всё естествознание, претерпевает сегодня методологическое влияние информатики. Традиционно здесь информационный подход был связан с новыми возможностями вычислительной техники для обработки результатов экспериментов. Иное

дело – осмысление роли информатики в контексте принципиально новой методологической системы отсчета. Возникает информационная химия, возможности которой понимаются по-разному. По А. П. Свитину, инфохимия – это раздел информологии как целостной информационной теории реальности, это «информологическая химия», основанная на приложении принципов информологии к химическим объектам [6]. При этом именно информационное мышление, по мысли автора, является в химии более органичным, более соответствует природе химических объектов. Для химии естественней динамическое, континуальное, а не статическое и дискретное мышление. В постдискретной химии особую важность получают переходные состояния, состояния потока, в то время как технологическое мышление имеет склонность дифференцировать, расчленять объекты мышления.

У инфохимии есть и другой значимый в экологическом контексте постиндустриального общества аспект. Могут ли химические системы в определённых сферах деятельности заменять собой электричество, электронику и электротехнику при решении задач обработки и передачи информации? Ведь нечто подобное происходит в природе при внедрении вируса в клетку или обмене химическими сигналами между мозгом и другими органами, а также в материальной культуре (маячные дымы, лакмусовая бумажка). Например, в ходе экспериментов с нитроцеллюлозой в Гарварде было создано устройство, в реализации которого задействованы принципиально новый способ передачи информации и новые химические технологии [13]. Подобные

исследования признавались интересным, но тупиковым направлением работы до тех пор, пока не появилась технология 3D принтера. С этого момента работа в этом направлении возобновилась, произошёл «поворот к вещам» и к «новой материальности». Актуальным стал поиск «праматерии» или «прото вещества», на основе которого будут создаваться бесценные «чернила» для печати всего, вплоть до органов человека. В данном аспекте инфохимия предстаёт как учение о способах хранения, обработки и передачи информации, закодированной химическими средствами. Например, обработка информации при использовании таких элементов, как мемристоры, – дело ближайшего будущего [4]. Что касается традиционной информатики, она в настоящее время ограничивается электронными и оптоэлектронными устройствами. Таким образом, инфохимия открывает новые перспективы использования «химической техники».

Тенденции развития экологических технологий связаны с созданием не в столь отдалённой перспективе нанокomпьютеров, позволяющих решать различные задачи в медицине, экологии, общественной безопасности и др. Вместе с тем создание нанокomпьютеров требует применения принципиально новых компьютерных моделей. При создании нанокomпьютеров перспективным направлением является

использование химических объектов для хранения и передачи информации в экологических системах (на природе, где нет крупных источников электропитания, в целях экологической безопасности), в других аналогичных условиях, в медицине («химическая техника» совместима с органическими телами), в особых индивидуальных случаях. Очевидно, что работа в этом направлении значима в постиндустриальном обществе с точки зрения экологической безопасности и ресурсосбережения.

Заключение

В работе рассмотрены возможности исследования и применения ИКТ в социогуманитарном контексте, в том числе при использовании достижений инфохимии в условиях экологических вызовов. Предложенный междисциплинарный подход предполагает понимание техники как материальной культуры, иллюстрирует тенденцию гуманитаризации естествознания и технических наук. Данный подход к рассмотрению ИКТ как предмета социально-гуманитарных исследований предполагает не только вопрос сближения методологий технических и гуманитарных наук. Социогуманитарные науки задают ценностную концепцию человека и, как следствие, гуманистические перспективы развития ИКТ в новой инфо-социальной реальности 5.0.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каплан А. Я. Управление «силой мысли»: новый уровень человеческих возможностей // Школьные технологии. 2010. № 3. С. 22–25.
2. Кутырёв В. А. Время Mortido. Спб: Алетейя, 2012. 336 с.
3. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014. 384 с.
4. Нечай О. Мемристор: «недостающий элемент» // Компьютерра: [сайт]. URL: <http://old.computerra.ru/vision/591537/> (дата обращения: 01.03.2019).

5. Норенков И. П. Основы автоматизированного проектирования: учеб. М., 2009. 430 с.
6. Свитин А. П. Философские основания и принципы становления информационной химии: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Красноярск, 2005. 35 с.
7. Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер. Красноярск, 2017. 352 с.
8. Шалагин С. В. Когнитивные проблемы проектирования на основе компьютерных моделей: технический и социо-гуманитарный аспекты // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. № 3 (21). С. 368–376.
9. Шалагина Г. Э. Понятие счастья в условиях инновационизма и моральной транзитивности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (85). С. 198–201.
10. Эпштейн М. Н. Техника – религия – гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 19–29.
11. Эпштейн М. Н. Конструктивный потенциал гуманитарных наук: Могут ли они изменять то, что изучают? // Интелрос: [сайт]. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11279-konstruktivnyj-potencial-gumanitarnyx-nauk-mogut-li-oni-izmenyat-to-chto-izuchayut.html> (дата обращения: 01.03.2019).
12. XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. М., Ижевск, 2017. 512 с.
13. Samuel W. Thomas III, Chiechi R., LaFratta C., Webb M., Lee A., Wiley B., Zakin M., Walt D., Whitesides G. Infochemistry and infofuses for the chemical storage and transmission of coded information // Proceedings of the National Academy of the United States of America [сайт]. URL: <http://www.pnas.org/content/106/23/9147.abstract> (дата обращения: 01.03.2019).
14. Williams L., Vablais W., Bathiche S. Method and apparatus for transmitting power and data using the human body [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freepatentsonline.com/6754472.html> (дата обращения: 01.03.2019).

REFERENCES

1. Kaplan A. Y. [Management of the «Power of Thought»: a New Level of Human Capabilities]. In: *Shkolnye tekhnologii* [School Technologies], 2010, no. 3, pp. 22–25.
2. Kutyrev V. A. *Vremya Mortido* [Time of Mortido]. St. Petersburg, *Aleteiya* Publ., 2012. 336 p.
3. Latur B. *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Rebuilding the Social: Introduction To Actor-Network-Theory]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.
4. Nechay O. [Memristor: the «Missing Element»]. Available at: <http://old.computerra.ru/vision/591537/> (accessed: 01.03.2019)
5. Norenkov I. P. *Osnovy avtomatizirovannogo proektirovaniya* [Fundamentals of CAD]. Moscow, 2009. 430 p.
6. Svitin A. P. *Filosofskie osnovaniya i printsipy stanovleniya informatsionnoi khimii: avtoref. dis. ... dok. filos. nauk* [Philosophical Foundations and Principles of Formation of Information Chemistry: Abstract of Doctoral Thesis in Philosophy]. Krasnoyarsk, 2005. 35 p.
7. Terras M., Naikhan D., Vankhutta E., Kizhner I. *Tsifrovye gumanitarnye nauki* [Digital Humanities]. Krasnoyarsk, 2017. 352 p.
8. Shalagin S. V. [Cognitive Design Problems on the Basis of Computer Models, Technical and Socio-Humanitarian Aspects]. In: *Ontologiya proektirovaniya* [Design Ontology], 2016, vol. 6, no. 3 (21), pp. 368–376.

9. Shalagina G. E. [The Concept of Happiness in Terms of Innovationism and Moral Transitivity]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Study and Art Criticism. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 11 (85), pp. 198–201.
10. Epshtein M. N. [Technology – Religion – Humanities. Two Reflections on the Spiritual Meaning of Scientific and Technological Progress]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2009, no. 12, pp. 19–29.
11. Epshtein M. N. [Constructive Potential of Humanities: Can They Change What They Study?] Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11279-konstruktivnyj-potencial-gumanitarnyx-nauk-mogut-li-oni-izmenyat-to-chto-izuchayut.html> (accessed: 01.03.2019).
12. Zagrebin A. E., Martynova M. Y. *XII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov* [The 12th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Proceedings]. Moscow, Izhevsk, 2017. 512 p.
13. Samuel W. Thomas III, Chiechi R., La Fratta C., Webb M., Lee A., Wiley B., Zakin M., Walt D., Whitesides G. Infochemistry and infofuses for the chemical storage and transmission of coded information. In: Proceedings of the National Academy of the United States of America URL: <http://www.pnas.org/content/106/23/9147.abstract> (accessed: 01.03.2019).
14. Williams L., Vablais W., Bathiche S. Method and apparatus for transmitting power and data using the human body. Available at: <http://www.freepatentsonline.com/6754472.html> (accessed: 01.03.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шалагина Гульнара Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета;
e-mail: galanova@rambler.ru

Шалагин Сергей Викторович – доктор технических наук, профессор кафедры компьютерных систем Казанского национального исследовательского технического университета им. А. Н. Туполева;
e-mail: sshalagin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gulnara E. Shalagina – PhD in Philosophical sciences, associate professor at Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University;
e-mail: galanova@rambler.ru

Sergei V. Shalagin – Doctor of Engineering, professor at the Department of Computer Systems, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev;
e-mail: sshalagin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Шалагина Г. Э., Шалагин С. В. Информационно-коммуникационные технологии как предмет социогуманитарных исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 154 – 163.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-154-163

FOR CITATION

Shalagina G. S., Shalagin S. V. Information and Communication Technologies as a Subject of Social and Humanitarian Studies. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 2, pp. 154 – 163.

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-2-154-163

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2019. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик Е. А. Кытманова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – С. А. Сорока

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 10,75, усл. п.л. 10,25.

Подписано в печать: 28.06.2019. Дата выхода в свет: 05.07.2019. Заказ № 2019/06-10.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.